

ПУШКИН
СОЧИНЕНИЯ

1799
1999

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПУШКИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1948

ПУШКИН

ТОМ ТРЕТИЙ

1

СТИХОТВОРЕНИЯ 1826–1836

СКАЗКИ

МОСКВА ВОСКРЕСЕНЬЕ 1995

ББК 84.5
П 91

НАПЕЧАТАНО ПО РАСПОРЯЖЕНИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР

РЕДАКЦИОННЫЙ КОМИТЕТ:

Заведующий редакцией В.Д.*Бонч-Бруевич*

РЕДАКТОРЫ ТРЕТЬЕГО ТОМА:
С.М Бонди, Т.Г.Зенгер, Н.В.Измайлов, А.Л.Слонимский и М.А.Цявловский

Общий редактор тома М.А.Цявловский

Переиздание Полного собрания сочинений приурочено к 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина, осуществляется при содействии Комитета РФ по печати, Российской Московской телерадиовещательной компании "Москва", Российского акционерного общества "Газпром", банка "Огни Москвы".
С благословения Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Пушкин А.С.
П 91 Полное собрание сочинений. В 17 т. Т.3, кн.1 / Художник С.Богачев.
М.: Воскресенье, 1995. - 635 с.; ил.
ISBN 5-88528-061-4 (т. 3-й, кн.1)
ISBN 5-88528-052-5

В настоящий том входят стихотворения А.С.Пушкина 1826-1836 годов и сказки.

П 4702010106 - 013 / К 56 (093) - 95 подписное

ББК 84.5

В настоящий том входят стихотворения 1826—1836 годов и сказки.

Стихотворения редактированы С. М. Бонди, Т. Г. Зенгер, Н. В. Измайловым и М. А. Цявловским. Точные указания о редактировании отдельных стихотворений даны в примечаниях (инициалы имени и фамилии редактора).

Сказки редактированы А. Л. Слонимским.

Переводы иноязычных текстов редактированы Б. В. Томашевским.

Общий редактор тома — М. А. Цявловский. Контрольный рецензент — С. М. Бонди.

СТИХОТВОРЕНИЯ
1826—1836

1826

К БАРАТЫНСКОМУ.

Стих каждый в повести твоей
Звучит и блещет, как червонец.
Твоя Чухоночка, ей-ей,
Гречанок Байрона милей,
А твой Зоил прямой чухонец.

⟨ИЗ ПИСЬМА К ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ.⟩

С тобой мне вновь считаться довелось,
Певец любви то резвый, то унылый;
Играешь ты на лире очень мило,
Играешь ты довольно плохо в штос.
Пять сот рублей, проигранных тобою,
Наличные свидетели тому.
Судьба моя сходна с твоей судьбою;
Сей час, мой друг, увидишь почему.

К Е. Н. ВУЛЬФ.

Вот, Зина, вам совет: играйте,
Из роз веселых заплетайте
Себе торжественный венец —
И впредь у нас не разрывайте
Ни мадригалов, ни сердец.

⟨ИЗ АРИОСТОВА «ORLANDO FURIOSO».⟩

CANTO XXIII

Ott. 100.

Пред рыцарем блестит водами
Ручей прозрачнее стекла,
Природа милыми цветами
Тенистый берег убрала
И обсадила древесами.

101.

Луга палит полдневный зной,
Пастух убогой спит у стада,
Устал под латами герой —
Его манит ручья прохлада.
Здесь мыслит он найти покой.
И здесь-то, здесь нашел несчастный
Приют жестокой и ужасный.

102.

Гуляя, он на деревах
Повсюду надписи встречает.
Он с изумленьем в сих чертах
Знакомый почерк замечает;
Невольный страх его влечет,
Он руку милой узнает...

И в самом деле в жар полдневный
Медор с китайскою царевной
Из хаты пастыря сюда
Сам друг являлся иногда.

103.

Орланд их имена читает
Соединенны вензелом;
Их буква каждая гвоздем
Герою сердце пробивает.
Стараясь разум усыпить,
Он сам с собою лицемерит,
Не верить хочет он, хоть верит,
Он силится вообразить,
Что вензеля в сей роще дикой
Начертаны все — может быть —
Другой, не этой Анджеликой.

104.

Но вскоре, витязь, молвил ты:
„Однако ж эти мне черты
Знакомы очень... разумею,
Медор сей выдуман лишь ею,
Под этим прозвищем меня
Царевна славила, быть может“.
Так басней правду заменя,
Он мыслит, что судьбе поможет.

105.

Но чем он более хитрит,
Чтоб утушить свое мученье,
Тем пуще злое подозренье
Возобновляется, горит;
Так в сетке птичка, друг свободы,

Чем больше бьется, тем сильней,
Тем крепче путается в ней.
Орланд идет туда, где своды
Гора склонила на ручей.

106.

Кривой, бродящей павиликой
Завешен был тенистый вход.
Медор с прелестной Анджеликой
Любили здесь у свежих вод
В день жаркой, в тихой час досуга
Дышать в объятиях друг друга,
И здесь их имена кругом
Древа и камни сохраняли;
Их мелом, углем иль ножом
Везде счастливцы написали.

107.

Туда пешком печальный граф
Идет и над пещерой темной
Зрит надпись — в похвалу забав
Медор ее рукою томной
В те дни стихами начертал;
Стихи, чувств нежных вдохновенье,
Он по-арабски написал,
И вот их точное значенье:

108.

„Цветы, луга, ручей живой,
Счастливый грот, прохладны тени,
Приют любви, забав и лени,
Где с Анджеликой молодой,
С прелестной дщерью Галафрона,
Любимой многими — порой

Я знал утехи Купидона.
Чем, бедный, вас я награжу?
Столь часто вами охраненный,
Одним лишь только услужу —
Хвалой и просьбою смиренной.

109.

Господ любовников молю,
Дам, рыцарей и всевозможных
Пришельцев, здешних иль дорожных,
Которых в сторону сию
Фортуна заведет случайно, —
На воды, луг, на тень и лес
Зовите благодать небес,
Чтоб нимфы их любили тайно,
Чтоб пастухи к ним никогда
Не гнали жадные стада".

110.

Граф точно так, как по-латыне,
Знал по-арабски. Он не раз
Спасался тем от злых проказ,
Но от беды не спасся ныне.

111.

Два, три раза, и пять, и шесть
Он хочет надпись перечесть;
Несчастный силится напрасно
Сказать, что нет того, что есть,
Он правду видит, видит ясно,
И нестерпимая тоска,
Как бы холодная рука,
Сжимает сердце в нем ужасно,
И наконец на свой позор
Вперил он равнодушный взор.

112.

Готов он в горести безгласной
Лишиться чувств, оставить свет.
Ах, верьте мне, что муки нет,
Подобной муке сей ужасной.
На грудь опершись бородой,
Склонив чело, убитый, бледный,
Найти не может рыцарь бедный
Ни вопля, ни слезы одной.

Кристал, поэтом обновленный
Укрась мой мирный уголок,
Залог поэзии священной
И дружбы сладостный залог.

В тебе таится жар целебный

Едва уста красноречивы
Тебя коснулися, и вмиг
Его ума огонь игривый
В тебя таинственно проник.

Под небом голубым страны своей родной
　　Она томилась, увядала...
Увяла наконец, и верно надо мной
　　Младая тень уже летала;
Но недоступная черта меж нами есть.
　　Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
　　И равнодушно ей внимал я.
Так вот кого любил я пламенной душой
　　С таким тяжелым напряженьем,
С такою нежною, томительной тоской,
　　С таким безумством и мученьем!
Где муки, где любовь? Увы! в душе моей
　　Для бедной, легковерной тени,
Для сладкой памяти невозвратимых дней
　　Не нахожу ни слез, ни пени.

К ВЯЗЕМСКОМУ.

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой?
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец.

Не славь его. В наш гнусный век
Седой Нептун Земли союзник.
На всех стихиях человек —
Тиран, предатель или узник.

К ЯЗЫКОВУ.

Языков, кто тебе внушил
Твое посланье удалое?
Как ты шалишь, и как ты мил,
Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!
Нет, не кастальскою водой
Ты воспоил свою Камену;
Пегас иную Иппокрену
Копытом вышиб пред тобой.
Она не хладной льется влагой,
Но пенится хмельною брагой;
Она разымчива, пьяна,
Как сей напиток благородный,
Слиянье рому и вина,
Без примеси воды негодной,
В Тригорском жаждою свободной
Открытый в наши времена.

ПЕСНИ О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ.

1.

Как по Волге реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвил грозен Стенька Разин:
„Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила.
За меня ли молодца не дремала,
Казаков моих добром наделила.
Что ничем еще тебя мы не дарили“.
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.

2.

Ходил Стенька Разин
В Астрахань город
Торговать товаром.
Стал воевода
Требовать подарков.
Поднес Стенька Разин
Камки хрущатые,
Камки хрущатые —
Парчи золотые.
Стал воевода
Требовать шубы.
Шуба дорогая:
Полы-то новы,
Одна боброва,
Другая соболья.
Ему Стенька Разин
Не отдает шубы.
„Отдай, Стенька Разин,
Отдай с плеча шубу!
Отдашь, так спасибо;
Не отдашь — повешу
Что во чистом поле,
На зеленом дубе
Да в собачьей шубе“.
Стал Стенька Разин
Думати думу:
„Добро, воевода.
Возьми себе шубу.
Возьми себе шубу,
Да не было б шуму“.

3.

Что не конский топ, не людская молвь,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,

Свищет, гудит, заливается.
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему:
„Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буян,
Ты садись на ладьи свои скорые,
Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю по синему.
Пригоню тебе три кораблика:
На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-девица“.

Будь подобен полной чаше,
[Молодых счастливый дом] —
Непонятно счастье ваше,
Но молчите ж обо всем.

Что за диво, что за каша
Для рассудка моего —
Чорт возьми! но, воля ваша,
Не скажу я ничего.

То-то праздник мне да Маше,
Другу сердца моего;
Никогда про счастье наше
Мы не скажем ничего.

Стойте — тотчас угадаю
Горе сердца твоего.
Понимаю, понимаю! —
Не болтай же ничего.

Строгий суд ⟨и⟩ слово ваше
Ценим более ⟨всего⟩.
Вы ль одни про счастье наше
Не сказали ничего!

Он мне ровесник, он так мил,
Всегда видала в нем я брата,
Он, как сестру, меня любил.
Скажите, чем я виновата.

Нет, Маша, ты не виновата.

И этой свадьбе не бывать.

ПРИЗНАНИЕ.

Я вас люблю, — хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!
Мне не к лицу и не по летам......
Пора, пора мне быть умней!
Но узнаю по всем приметам
Болезнь любви в душе моей:
Без вас мне скучно, — я зеваю;
При вас мне грустно, — я терплю;
И, мочи нет, сказать желаю,
Мой ангел, как я вас люблю!
Когда я слышу из гостиной
Ваш легкий шаг, иль платья шум,
Иль голос девственный, невинный,
Я вдруг теряю весь свой ум.
Вы улыбнетесь, — мне отрада;
Вы отвернетесь, — мне тоска;
За день мучения — награда
Мне ваша бледная рука.
Когда за пяльцами прилежно
Сидите вы, склонясь небрежно,
Глаза и кудри опустя, —
Я в умиленьи, молча, нежно
Любуюсь вами, как дитя!......
Сказать ли вам мое несчастье,

Мою ревнивую печаль,
Когда гулять, порой в ненастье,
Вы собираетеся в даль?
И ваши слезы в одиночку,
И речи в уголку вдвоем,
И путешествия в Опочку,
И фортепьяно вечерком?......
Алина! сжальтесь надо мною.
Не смею требовать любви.
Быть может, за грехи мои,
Мой ангел, я любви не стою!
Но притворитесь! Этот взгляд
Всё может выразить так чудно!
Ах, обмануть меня не трудно!......
Я сам обманываться рад!

ПРОРОК.

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестикрылый серафим
На перепутьи мне явился.
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он.
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:

„Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей“.

К. А. ТИМАШЕВОЙ.

Я видел вас, я их читал,
Сии прелестные созданья,
Где ваши томные мечтанья
Боготворят свой идеал.
Я пил отраву в вашем взоре,
В душой исполненных чертах,
И в вашем милом разговоре,
И в ваших пламенных стихах;
Соперницы *запретной розы*
Блажен бессмертный идеал...
Стократ блажен, кто вам внушал
Не много рифм и много прозы.

⟨НЯНЕ.⟩

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты под окном своей светлицы
Горюешь, будто на часах,
И медлят поминутно спицы
В твоих наморщенных руках.
Глядишь в забытые вороты
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствия, заботы
Теснят твою всечасно грудь.
То чудится тебе

⟨ИЗ ПИСЬМА К СОБОЛЕВСКОМУ.⟩

У Гальяни иль Кольони
Закажи себе в Твери
С пармазаном макарони,
Да яишницу свари.

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай (именно котлет)
И отправься на легке.

Как до Яжельбиц дотащит
Колымагу мужичок,
То-то друг мой растаращит
Сладострастный свой глазок!

Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить вели,
Как увидишь: посинели, —
Влей в уху стакан шабли.

Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленькой кусок.

Яжельбицы — первая станция после Валдая. — В Валдае спроси, есть ли свежие сельди? если же нет,

У податливых крестьянок
(Чем и славится Валдай)
К чаю накупи баранок
И скорее поезжай.

Как счастлив я, когда могу покинуть
Докучный шум столицы и двора
И убежать в пустынные дубровы,
На берега сих молчаливых вод.

О, скоро ли она со дна речного
Подымется, как рыбка золотая?

Как сладостно явление ее
Из тихих волн, при свете ночи лунной!
Опутана зелеными власами,
Она сидит на берегу крутом.
У стройных ног, как пена белых, волны
Ласкаются, сливаясь ⟨и⟩ журча.
Ее глаза то меркнут, то блистают,
Как на небе мерцающие звезды;
Дыханья нет из уст ее, но сколь
Пронзительно сих влажных синих уст
Прохладное лобзанье без дыханья.
Томительно и сладко — в летний зной
Холодный мед не столько сладок жажде.
Когда она игривыми перстами
Кудрей моих касается, тогда
Мгновенный хлад, как ужас, пробегает
Мне голову, и сердце громко бьется,
Томительно любовью замирая.
И в этот миг я рад оставить жизнь,

Хочу стонать и пить ее лобзанье —
А речь ее.... Какие звуки могут
Сравниться с ней — младенца первый лепет,
Журчанье вод, иль майской шум небес,
Иль звонкие Бояна Славья гусли.

⟨ИЗ ПИСЬМА К АЛЕКСЕЕВУ.⟩

Прощай, отшельник бессарабской
Лукавый друг души моей —
Порадуй же меня не сказочкой арабской,
Но русской правдою твоей.

⟨И. И. ПУЩИНУ.⟩

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!

СТАНСЫ.

В надежде славы и добра
Гляжу вперед я без боязни:
Начало славных дней Петра
Мрачили мятежи и казни.

Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой,
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой.

Самодержавною рукой
Он смело сеял просвещенье,
Не презирал страны родной:
Он знал ее предназначенье.

То академик, то герой,
То мореплаватель, то плотник,
Он всеобъемлющей душой
На троне вечный был работник.

Семейным сходством будь же горд;
Во всем будь пращуру подобен:
Как он неутомим и тверд,
И памятью, как он, незлобен.

ОТВЕТ Ф. Т***.

Нет, не черкешенка она;
Но в долы Грузии от века
Такая дева не сошла
С высот угрюмого Казбека.

Нет, не агат в глазах у ней,
Но все сокровища Востока
Не стоят сладостных лучей
Ее полуденного ока.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска......

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег....На встречу мне
Только версты полосаты
Попадаются одне...

Скучно, грустно..... завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Заглядусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

В евр⟨ейской⟩ хижине лампада
В одном углу бледна горит,
Перед лампадою старик
Читает библию. Седые
На книгу падают власы.
Над колыбелию пустой
Еврейка плачет молодая.
Сидит в другом углу, главой
Поникнув, молодой еврей,
[Глубоко] в думу погруженный.
В печальной хижине старушка
Готовит позднюю трапезу.
Старик, закрыв святую книгу,
Застежки медные сомкнул.
Старуха ставит бедный ужин
На стол и всю семью зовет.
Никто нейдет, забыв о пище.
Текут в безмолвии часы.
Уснуло всё под сенью ночи.
Еврейской хижины одной
Не посетил отрадный сон.
На колокольне городской
Бьет полночь.— Вдруг рукой тяжелой
Стучатся к ним. Семья вздрогнула,
Младой евр⟨ей⟩ встает и дверь
С недоуменьем отворяет —
И входит незнакомый странник.
В его руке дорожный пос⟨ох⟩.

К**.

Ты богоматерь, нет сомненья,
Не та, которая красой
Пленила только дух святой,
Мила ты всем без исключенья;
Не та, которая Христа
Родила не спросясь супруга.
Есть бог другой земного круга —
Ему послушна красота,
Он бог Парни, Тибулла, Мура,
Им мучусь, им утешен я.
Он весь в тебя — ты мать Амура,
Ты богородица моя!

⟨МОРДВИНОВУ.⟩

Под хладом старости угрюмо угасал
Единый из седых орлов Екатерины.
В крылах отяжелев, он небо забывал
И Пинда острые вершины.

В то время ты вставал: твой луч его согрел,
Он поднял к небесам и крылья и зеницы
И с шумной радостью взыграл и полетел
Во сретенье твоей денницы.

М⟨ордвинов⟩, не вотще Петров тебя любил,
Тобой гордится он и на брегах Коцита.
Ты лиру оправдал, ты ввек не изменил
Надеждам вещего пиита.

Как славно ты сдержал пророчество его!
Сияя доблестью и славой, и наукой,
В советах недвижим у места своего,
Стоишь ты, новый Долгорукой.

Так, в пенистый поток с вершины гор скатясь,
Стоит седой утес, вотще брега трепещут,
Вотще грохочет гром и волны, вкруг мутясь,
И увиваются, и плещут.

Один, на рамена поднявши мощный труд,
Ты зорко бодрствуешь над царскою казною,
Вдовицы бедный лепт и дань сиб⟨ирских⟩ руд
Равно священны пред тобою.

1827

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

СОЛОВЕЙ И РОЗА.

В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внемлет,
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь, она цветет; взываешь — нет ответа.

ЭПИГРАММА.

(ИЗ АНТОЛОГИИ)

Лук звенит, стрела трепещет,
И клубясь издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!
Кто ж вступился за Пифона,
Кто разбил твой истукан?
Ты, соперник Аполлона,
Бельведерский Митрофан.

Есть роза дивная: она
Пред изумленною Киферой
Цветет румяна и пышна,
Благословенная Венерой.
Вотще Киферу и Пафос
Мертвит дыхание мороза —
Блестит между минутных роз
Неувядаемая роза...

⟨ЕК. Н. УШАКОВОЙ.⟩

Когда бывало в старину
Являлся дух иль привиденье,
То прогоняло сатану
Простое это изреченье:
„Аминь, аминь, рассыпься!". В наши дни
Гораздо менее бесов и привидений;
Бог ведает, куда девалися они.
Но ты, мой злой иль добрый гений,
Когда я вижу пред собой
Твой профиль и глаза, и кудри золотые,
Когда я слышу голос твой
И речи резвые, живые —
Я очарован, я горю
И содрогаюсь пред тобою,
И сердцу, полному мечтою,
„Аминь, аминь, рассыпься!" говорю.

КНЯГИНЕ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона.
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волшебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений.
Певца, плененного тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли с улыбкой голос мой,
Как мимоездом Каталани
Цыганке внемлет кочевой.

⟨КН. П. П. ВЯЗЕМСКОМУ.⟩

Душа моя Павел,
Держись моих правил:
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.

⟨ЕК. Н. УШАКОВОЙ.⟩

В отдалении от вас
С вами буду неразлучен,
Томных уст и томных глаз
Буду памятью размучен;
Изнывая в тишине,
Не хочу я быть утешен,—
Вы ж вздохнете ль обо мне,
Если буду я повешен?

В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробились три ключа:
Ключ Юности, ключ быстрый и мятежный,
Кипит, бежит, сверкая и журча.
Кастальской ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.
Последний ключ — холодный ключ Забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит.

АРИОН.

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы. В тишине
На руль склонясь, наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный чолн;
А я — беспечной веры полн —
Пловцам я пел.... Вдруг лоно волн
Измял с налету вихорь шумный....
Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

АНГЕЛ.

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

„Прости, он рек, тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал“.

Какая ночь! Мороз трескучий,
На небе ни единой тучи;
Как шитый полог, синий свод
Пестреет частыми звездами.
В домах всё темно. У ворот
Затворы с тяжкими замками.
Везде покоится народ;
Утих и шум, и крик торговый;
Лишь только лает страж дворовый
Да цепью звонкою гремит.

И вся Москва покойно спит,
Забыв волнение боязни.
А площадь в сумраке ночном
Стоит, полна вчерашней казни.
Мучений свежий след кругом:
Где труп, разрубленный с размаха,
Где столп, где вилы; там котлы,
Остывшей полные смолы;
Здесь опрокинутая плаха;
Торчат железные зубцы,
С костями груды пепла тлеют,
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернеют...
[Недавно кровь со всех сторон
Струею тощей снег багрила,]

И подымался томный стон,
Но смерть коснулась к ним, как сон,
Свою добычу захватила.
Кто там? Чей конь во весь опор
По грозной площади несется?
Чей свист, чей громкий разговор
Во мраке ночи раздается?
Кто сей?—Кромешник удалой.
Спешит, летит он на свиданье,
В его груди кипит желанье.
Он говорит: „Мой конь лихой,
Мой верный конь! лети стрелой!
Скорей, скорей!..“ Но конь ретивый
Вдруг размахнул плетеной гривой
И стал. Во мгле между столпов
На перекладине дубовой
Качался труп. Ездок суровый
Под ним промчаться был готов,
Но борзый конь под плетью бьется,
Храпит, и фыркает, и рвется
Назад. „Куда? мой конь лихой!
Чего боишься? Что с тобой?
Не мы ли здесь вчера скакали,
Не мы ли яростно топтали,
Усердной местию горя,
Лихих изменников царя?
Не их ли кровию омыты
Твои булатные копыты!
Теперь ужель их не узнал?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Несись, лети!...“ И конь усталый
В столбы проскакал.

Весна, весна, пора любви,
Как тяжко мне твое явленье,
Какое томное волненье
В моей душе, в моей крови...
Как чуждо сердцу наслажденье...
Всё, что ликует и блестит,
[Наводит] скуку и томленье.

———

Отдайте мне метель и вьюгу
И зимний долгой мрак ночей.

⟨КИПРЕНСКОМУ.⟩

Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых Муз, —
И я смеюся над могилой,
Ушед на век от смертных уз.

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не унижу
Пристрастья важных Аонид.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид.

АКАФИСТ ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ КАРАМЗИНОЙ.

Земли достигнув наконец,
От бурь спасенный провиденьем.
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем.
Так посвящаю с умиленьем
Простой, увядший мой венец
Тебе, высокое светило
В эфирной тишине небес,
Тебе, сияющей так мило
Для наших набожных очес.

ПОЭТ.

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикой и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн,
В широкошумные дубровы...

Близ мест, где царствует Венеция златая,
Один, ночной гребец, гондолой управляя,
При свете Веспера по взморию плывет,
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет.
Он любит песнь свою, поет он для забавы,
Без дальных умыслов; не ведает ни славы,
Ни страха, ни надежд, и тихой музы полн,
Умеет услаждать свой путь над бездной волн.
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой,
Как он, без отзыва утешно я пою
И тайные стихи обдумывать люблю.

ИЗ ALFIERI.

Сомненье, страх, порочную надежду
Уже в груди не в силах я хранить;
Неверная супруга я Филиппу
И сына я его любить дерзаю!...
Но как же зреть его и не любить?
Нрав пылкий, добрый, гордый, благородный,
Высокий ум, с наружностью прекрасной
Прекрасная душа... Зачем природа
И небеса таким тебя создали?
Что говорю? Ах! так ли я успею
Из глубины сердечной милый образ
Искоренить?— О, если пламень мой
Подозревать он станет! Перед ним
Всегда печальна я; но избегаю
Я встречи с ним. Он знает, что веселье
В Испании запрещено. Кто может
В душе моей читать? Ах, и самой
Не можно мне. И он, как и другие,
Обманется — и станет, как других,
Он убегать меня... Увы, мне, бедной!...
Другого нет мне в горе утешенья,
Окроме слез, и слезы — преступленье.
Иду к себе: там буду на свободе ...
Что вижу? Карл! — Уйдем, мне изменить
И речь, и взор — всё может: ах, уйдем.

ПОСЛАНИЕ ДЕЛЬВИГУ.

Прими сей череп, Дельвиг, он
Принадлежит тебе по праву.
Тебе поведаю, барон,
Его готическую славу.

Почтенный череп сей не раз
Парами Вакха нагревался:
Литовский меч в недобрый час
По нем со звоном ударялся;
Сквозь эту кость не проходил
Луч животворный Аполлона;
Ну словом, череп сей хранил
Тяжеловесный мозг барона,
Барона Дельвига. Барон
Конечно был охотник славный,
Наездник, чаши друг исправный,
Гроза вассалов и их жен.
Мой друг, таков был век суровый,
И предок твой крепкоголовый
Смутился б рыцарской душой,
Когда б тебя перед собой
Увидел без одежды бранной,
С главою, миртами венчанной,
В очках и с лирой золотой.

Покойником в церковной книге
Уж был давно записан он,

И с предками своими в Риге
Вкушал непробудимый сон.
Барон в обители печальной
Доволен впрочем был судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербом гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но в наши беспокойны годы
Покойникам покоя нет.
Косматый баловень природы,
И математик, и поэт,
Буян задумчивый и важный,
Хирург, юрист, физиолог,
Идеолог и филолог,
Короче вам — студент присяжный,
С витою трубкою в зубах,
В плаще, с дубиной и в усах
Явился в Риге. Там спесиво
В трактирах стал он пенить пиво,
В дыму табачных облаков;
Бродить над берегами моря,
Мечтать об Лотхен, или с горя
Стихи писать, да бить жидов.
Студент под лестницей трактира
В каморке темной жил один;
Там, в виде зеркал и картин,
Короткий плащ, картуз, рапира
Висели на стене рядком.
Полуизмаранный альбом,
Творенье Фихте и Платона
Да два восточных лексикона
Под паутиною в углу
Лежали грудой на полу,—
Предмет занятий разнородных
Ученого да крыс голодных.
Мы знаем: роскоши пустой
Почтенный мыслитель не ищет;
Смеясь над глупой суетой,

В чулане он беспечно свищет.
Умеренность, вещал мудрец,
Сердец высоких отпечаток.
Студент однако ж наконец
Заметил важный недостаток
В своем быту: ему предмет
Необходимый был... скелет,
Предмет, философам любезный,
Предмет приятный и полезный
Для глаз и сердца, слова нет;
Но где достанет он скелет?
Вот он однажды в воскресенье
Сошелся с кистером градским
И, тотчас взяв в соображенье
Его характер и служенье,
Решился подружиться с ним.
За кружкой пива мой мечтатель
Открылся кистеру душой
И говорит: „Не льзя ль, приятель,
Тебе досужною порой
Свести меня в подвал могильный,
Костями праздными обильный,
И между тем один скелет
Помочь мне вынести на свет?
Клянусь тебе айдесским богом:
Он будет дружбы мне залогом
И до моих последних дней
Красой обители моей“.
Смутился кистер изумленный.
„Что за желанье? что за страсть?
Итти в подвал уединенный,
Встревожить мертвых сонм почтенный
И одного из них украсть!
И кто же?... Он, гробов хранитель!
Что скажут мертвые потом?“
Но пиво, страха усыпитель
И гневной совести смиритель,
Сомненья разрешило в нем.

Ну, так и быть! Дает он слово,
Что к ночи будет всё готово,
И другу назначает час.
Они расстались.
День угас;
Настала ночь. Плащом покрытый,
Стоит герой наш знаменитый
У галлереи гробовой,
И с ним преступный кистер мой,
Держа в руке фонарь разбитый,
Готов на подвиг роковой.
И вот визжит замок заржавый,
Визжит предательская дверь—
И сходят витязи теперь
Во мрак подвала величавый;
Сияньем тощим фонаря
Глухие своды озаря,
Идут — и эхо гробовое,
Смущенное в своем покое,
Протяжно вторит звук шагов.
Пред ними длинный ряд гробов;
Везде щиты, гербы, короны;
В тщеславном тлении кругом
Почиют непробудным сном
Высокородные бароны...

Я бы никак не осмелился оставить рифмы в эту поэтическую минуту, если бы твой прадед, коего гроб попался под руку студента, вздумал за себя вступиться, ухватя его за ворот, или погрозив ему костяным кулаком, или как-нибудь иначе оказав свое неудовольствие; к несчастию похищенье совершилось благополучно. Студент по частям разобрал всего барона и набил карманы костями его. Возвратясь домой, он очень искусно связал их проволокою и таким образом составил себе скелет очень порядочный. Но вскоре молва о перенесении бароновых костей из погреба в трактирный чулан разнеслася по городу. Преступный кистер лишился места, а студент принужден был бежать из Риги, и как обстоятельства не позво-

ляли ему брать с собою *будущего*, то, разобрав опять барона, раздарил он его своим друзьям. Большая часть высокородных костей досталась аптекарю. Мой приятель Вульф получил в подарок череп и держал в нем табак. Он рассказал мне его историю и, зная, сколько я тебя люблю, уступил мне череп одного из тех, которым обязан я твоим существованием.

Прими ж сей череп, Дельвиг, он
Принадлежит тебе по праву.
Обделай ты его, барон,
В благопристойную оправу.
Изделье гроба преврати
В увеселительную чашу,
Вином кипящим освяти,
Да запивай уху да кашу.
Певцу Корсара подражай
И скандинавов рай воинской
В пирах домашних воскрешай,
Или как Гамлет-Баратынской
Над ним задумчиво мечтай:
О жизни мертвый проповедник,
Вином ли полный иль пустой,
Для мудреца, как собеседник,
Он стоит головы живой.

Всем красны боярские конюшни:
Чистотой, прислугой и конями;
Всем довольны добрые кони:
Кормом, стойлами и надзором.
Сбруя блещет на стойках дубовых,
В стойлах лоснятся борзые кони.
Лишь одним конюшни непригожи —
Домовой повадился в конюшни.
По ночам ходит он ⟨в⟩ ко⟨нюшни⟩
Чистит, холит коней боярских,
Заплетает гриву им в косички,
Туго хвост завязывает в узел.
Как не взлюбит он вороно⟨го⟩.
На вечерней заре с водопою
Обойду я боя⟨рские⟩ конюшни
И зайду в стойло к вороному —
Конь стоит исправен и смирен.
А поутру отопрешь конюшню,
Конь не тих, весь ⟨в⟩ мыле, жаром пышет,
С морды каплет кровавая пена.
Во всю ночь домовой на нем ездил
По горам, по лесам, по болотам,
С полуночи до белого света —
До заката месяца

Ах ты, старый конюх [неразумный],
Разгадаешь ли, старый, загадку?

Полюбил красну девку младой конюх,
Младой кон⟨юх⟩, разгульный парень —
Он конюшню ночью отпирает,
Потихоньку вороного седлает,
Полегоньку выводит за вороты,
На коня на борзого садится,
К [красной девке] [в гости] скачет.

«Всем красны боярские конюшни» и «Рифма, звучная подруга». Черновая рукопись.

Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва. Тетрадь № 2368, л. 36 об.

Блажен в златом кругу вельмож
Пиит, внимаемый царями.
Владея смехом и слезами,
Приправя горькой правдой ложь,
Он вкус притупленный щекотит
И к славе спесь бояр охотит,
Он украшает их пиры,
И внемлет умные хвалы.
Меж тем, за тяжкими⟨?⟩ дверями,
Теснясь у черного⟨?⟩ крыльца,
Народ, [гоняемый] слугами,
Поодаль слушает певца.

В роще карийской, любезной ловцам, таится пещера,
Стройные сосны кругом склонились ветвями, и тенью
Вход ее заслонен на воле бродящим в извивах
Плющем, любовником скал и расселин. С камня на камень
Звонкой струится дугой, пещерное дно затопляет
Резвый ручей. Он, пробив глубокое русло, виется
Вдаль по роще густой, веселя ее сладким журчаньем.

«В роще Карийской, любезный ловцом, таится пещера». Черновая рукопись.

Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва. Тетрадь № 2368, л. 36.

Сводня грустно за столом
Карты разлагает.
Смотрят барышни кругом,
Сводня им гадает:
„Три девятки, туз червей
И король бубновый —
Спор, досада от речей
И при том обновы...

А по картам — ждать гостей
Надобно сегодня".
Вдруг стучатся у дверей;
Барышни и сводня
Встали, отодвинув стол,
Все толкнули ⟨-----⟩,
Шепчут: „Катя, кто пришел?
Посмотри хоть в щелку".

Что? Хороший человек...
Сводня с ним знакома,
Он с б⟨------⟩ целый век,
Он у них, как дома.
[Б⟨----⟩] в кухню [руки мыть]
Кинулись прыжками,
[Обуваться, пукли взбить],
Прыскаться духами.

Гостя сводня между тем
  Ласково встречает,
Просит лечь его совсем.
  Он же вопрошает:
„Что, как торг идет у вас?
  Барышей довольно?“
Сводня за щеку⟨?⟩ взялась
  И вздохнула больно:

„Хоть бывало худо мне,
  Но такого горя
Не видала и во сне,
  Хоть бежать за море.
Верите ль, с Петрова дня
  Ровно до субботы
Все девицы у меня
  Были без работы.

Четверых гостей, гляжу,
  Бог мне посылает.
Я б⟨-----⟩ им вывожу,
  Каждый выбирает.
Занимаются всю ночь,
  Кончили, и что же?
Не платя, пошли все прочь,
  Господи, мой боже!“

Гость ей: „Право мне вас жаль.
  Здравствуй, друг Анета,
[Что за шляпка!], что за шаль,
  Подойди, Жанета.
А, Луиза, — поцалуй,
  Выбрать, так обидишь;
Так на всех и ⟨------- ---⟩,
  Только вас увидишь“.

„Что же, — сводня говорит, —
  Хочете ль Жанету?

В деле так у ней горит.
  Иль возьмете эту?"
Бедной сводни гость в ответ:
  „Нет, не беспокойтесь,
Мне охоты что-то нет,
  Девушки, не бойтесь".

Он ушел — всё [стихло] вдруг,
  Сводня приуныла,
Дремлют девушки вокруг,
  Свечка
Сводня карты вновь берет,
  Молча вновь гадает,
Но никто, никто нейдет —
  Сводня засыпает.

19 ОКТЯБРЯ 1827.

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

РЕФУТАЦИЯ Г-НА БЕРАНЖЕРА.

Ты помнишь ли, ах, ваше благородье,
Мусье француз, г⟨-------⟩ капитан,
Как помнятся у нас в простонародьи
Над нехристем победы россиян?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ⟨----- ----⟩?

Ты помнишь ли, как за горы Суворов
Перешагнув, напал на вас врасплох?
Как наш старик трепал вас, живодеров,
И вас давил на ноготке, как блох?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ⟨----- ----⟩?

Ты помнишь ли, как всю пригнал Европу
На нас одних ваш Бонапарт-буян?
Французов видели тогда мы многих ⟨----⟩,
Да и твою, г⟨-------⟩ капитан!
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ⟨----- ----⟩?

Ты помнишь ли, как царь ваш от угара
Вдруг одурел, как бубен гол и лыс,
Как на огне московского пожара
Вы жарили московских наших крыс?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ⟨----- ----⟩?

Ты помнишь ли, фальшивый песнопевец,
Ты, наш мороз среди родных снегов
И батарей задорный подогревец,
Солдатской штык и петлю казаков?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ⟨----- ----⟩?

Ты помнишь ли, как были мы в Париже,
Где наш казак иль полковой наш поп
Морочил вас, к винцу подсев поближе,
И ваших жен похваливал да ⟨--⟩?
Хоть это нам не составляет много,
Не из иных мы прочих, так сказать;
Но встарь мы вас наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи, ⟨----- ----⟩?

ТАЛИСМАН.

Там, где море вечно плещет
На пустынные скалы,
Где луна теплее блещет
В сладкий час вечерней мглы,
Где, в гаремах наслаждаясь,
Дни проводит мусульман,
Там волшебница, ласкаясь,
Мне вручила талисман.

И, ласкаясь, говорила:
„Сохрани мой талисман:
В нем таинственная сила!
Он тебе любовью дан.
От недуга, от могилы,
В бурю, в грозный ураган,
Головы твоей, мой милый,
Не спасет мой талисман.

И богатствами Востока
Он тебя не одарит,
И поклонников пророка
Он тебе не покорит;
И тебя на лоно друга,
От печальных чуждых стран,
В край родной на север с юга
Не умчит мой талисман....

Но когда коварны очи
Очаруют вдруг тебя,
Иль уста во мраке ночи
Поцалуют не любя —
Милый друг! от преступленья,
От сердечных новых ран,
От измены, от забвенья
Сохранит мой талисман!“

⟨БАРАТЫНСКОМУ.⟩

О ты, который сочетал
С глубоким чувством вкус толь верный,
И точный ум, и [слог примерный],
[О, ты, который] избежал
[Сентиментальности] манерной
[И в самый легкой⟨?⟩ мадригал
Умел]

Я знаю край: там на брега
Уединенно море плещет;
Безоблачно там солнце блещет
На опаленные луга;
Дубрав не видно — степь нагая
Над морем стелется одна.

1828

ДРУЗЬЯМ.

Нет, я не льстец, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смело чувства выражаю,
Языком сердца говорю.

Его я просто полюбил:
Он бодро, честно правит нами;
Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

О нет, хоть юность в нем кипит,
Но не жесток в нем дух державный:
Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

Текла в изгнаньи жизнь моя,
Влачил я с милыми разлуку,
Но он мне царственную руку
Простер — и с вами снова я.

Во мне почтил он вдохновенье,
Освободил он мысль мою,
И я ль, в сердечном умиленьи,
Ему хвалы не воспою?

Я льстец! Нет, братья, льстец лукав:
Он горе на царя накличет,
Он из его державных прав
Одну лишь милость ограничит.

Он скажет: презирай народ,
Глуши природы голос нежный,
Он скажет: просвещенья плод —
Разврат и некий дух мятежный!

Беда стране, где раб и льстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1828

ПОСЛАНИЕ К ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ,

СОЧИНИТЕЛЮ «САТИРЫ НА ИГРОКОВ».

Так элегическую лиру
Ты променял, наш моралист,
На благочинную сатиру?
Хвалю поэта — дельно миру!
Ему полезен розги свист. —
Мне жалок очень твой Арист:
С каким усердьем он молился
И как несчастливо играл!
Вот молодежь: погорячился,
Продулся весь и так пропал!
Дамон твой человек ужасный.
Забудь его опасный дом,
Где впрочем, сознаюся в том,
Мой друг, ты вел себя прекрасно:
Ты никому там не мешал,
Ариста нежно утешал,
Давал полезные совѣты
И ни рубля не проиграл.
Люблю: вот каковы поэты!
А то, уча безумный свет,
Порой грешит и проповедник.
Послушай, Персиев наследник,
Рассказ мой:
Некто мой сосед,
В томленьях благородной жажды,

Хлебнув кастальских вод бокал,
На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал
И другу с жаром прочитал.
Ему в ответ его приятель
Взял карты, молча стасовал,
Дал снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы! понтировал.
Тебе знаком ли сей проказник?
Но встреча с ним была б мне праздник:
Я с ним готов всю ночь не спать
И до полдневного сиянья
Читать моральные посланья
И проигрыш его писать.

Сто лет минуло, как тевтон
В крови неверных окупался;
Страной полночной правил он.
Уже прусак в оковы вдался,
Или сокрылся, и в Литву
Понес изгнанную главу.

Между враждебными брегами
Струился Немен; — на одном
Еще над древними стенами
Сияли башни, и кругом
Шумели рощи вековые,
Духов пристанища святые.
Символ германца — на другом
Крест веры, в небо возносящий
Свои объятия грозящи,
Казалось, свыше захватить
Хотел всю область Палемона
И племя чуждого закона
К своей подошве привлачить.

С медвежей кожей на плечах,
В косматой рысьей шапке, с пуком
Каленых стрел и с верным луком,
Литовцы юные, в толпах,
Со стороны одной бродили

И зорко недруга следили.
С другой, покрытый шишаком,
В броне закованный, верхом,
На страже немец, за врагами
Недвижно следуя глазами,
Пищаль, с молитвой, заряжал.

Всяк переправу охранял.
Ток Немена гостеприимный,
Свидетель их вражды взаимной,
Стал прагом вечности для них;
Сношений дружных глас утих,
И всяк, переступивший воды,
Лишен был жизни иль свободы.
Лишь хмель литовских берегов,
Немецкой тополью плененный,
Через реку, меж тростников,
Переправлялся дерзновенный,
Брегов противных достигал
И друга нежно обнимал.
Лишь соловьи дубрав и гор
По старине вражды не знали
И в остров, общий с давних пор,
Друг к другу в гости прилетали.

ЭПИТАФИЯ МЛАДЕНЦУ.

⟨КН. Н. С. ВОЛКОНСКОМУ⟩

В сиянии и в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

Kennst du das Land...
Wilh. Meist.
По клюкву, по клюкву,
По ягоду, по клюкву...

Кто знает край, где небо блещет
Неизъяснимой синевой,
Где море теплою волной
Вокруг развалин тихо плещет;
Где вечный лавр и кипарис
На воле гордо разрослись;
Где пел Торквато величавый;
Где и теперь во мгле ночной
Адриатической волной
Повторены его октавы;
Где Рафаэль живописал;
Где в наши дни резец Katовы
Послушный мрамор оживлял,
И Байрон, мученик суровый,
Страдал, любил и проклинал?
— — — — — — — — —
— — — — — — — — —
Волшебный край, волшебный край,
Страна высоких вдохновений,
⟨Людмила⟩ зрит твой древний рай,
Твои пророческие сени.

На берегу роскошных вод
Порою карнавальных оргий
Кругом ее кипит народ;
Ее приветствуют восторги.
Людмила северной красой,
Всё вместе — томной и живой,
Сынов Авзонии пленяет
И поневоле увлекает
Их пестры волны за собой.

На рай полуденной природы,
На блеск небес, на ясны воды,
На чудеса немых искусств
В стесненьи вдохновенных чувств
Людмила светлый взор возводит,
Дивясь и радуясь душой,
И ничего перед собой
Себя прекрасней не находит.
Стоит ли с важностью очей
Пред флорентинскою Кипридой,
Их две... и мрамор перед ней
Страдает, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,
В молчаньи смотрит ли она
На образ нежный Форнарины,
Или Мадоны молодой,
Она задумчивой красой
Очаровательней картины...

Скажите мне: какой певец,
Горя восторгом умиленным,
Чья кисть, чей пламенный резец
Предаст потомкам изумленным
Ее небесные черты?
Где ты, ваятель безымянный
Богини вечной красоты?
И ты, Харитою венчанный,
Ты, вдохновенный Рафаэль?

Забудь еврейку молодую,
Младенца-бога колыбель,
Постигни прелесть неземную,
Постигни радость в небесах,
Пиши Марию нам другую,
С другим младенцем на руках.
— — — — — —

В. С. ФИЛИМОНОВУ

ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ПОЭМЫ ЕГО „ДУРАЦКИЙ КОЛПАК."

Вам Музы, милые старушки,
Колпак связали в добрый час,
И, прицепив к нему гремушки,
Сам Феб надел его на вас.
Хотелось в том же мне уборе
Пред вами нынче щегольнуть
И в откровенном разговоре,
Как вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпак изношен,
Хоть и любил его поэт;
Он поневоле мной заброшен:
Не в моде нынче красный цвет.
Итак, в знак мирного привета,
Снимая шляпу, бью челом,
Узнав философа-поэта
Под осторожным колпаком.

[Увы! Язык любви болтливый,
Язык неполный ⟨?⟩ и простой,
Своею прозой нерадивой
Тебе докучен, ангел мой.
Но сладок уху милой девы
Честолюбивый Аполлон.
[Ей милы] мерные напевы,
[Ей сладок] рифмы гордый звон.]
Тебя страшит любви признанье,
Письмо любви ты разорвешь,
Но стихотворное посланье
С улыбкой нежною прочтешь.
Благословен же будь отныне
Судьбою вверенный мне дар.
Доселе ⟨в⟩ жизненной пустыне,
[Во мне питая сердца] жар,
Мне навлекал одно гоненье,
⟨ ⟩
[Иль клевету, иль] заточенье,
И редко хладную хвалу.

TO DAWE, ESQr.

Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофиль.

Рисуй Олениной черты.
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

ВОСПОМИНАНИЕ.

Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

ТЫ И ВЫ.

Пустое *вы* сердечным *ты*
Она обмолвясь заменила,
И все счастливые мечты
В душе влюбленной возбудила.
Пред ней задумчиво стою,
Свести очей с нее нет силы;
И говорю ей: как *вы* милы!
И мыслю: как *тебя* люблю!

26 мая 1828.

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?...

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

И. В. СЛЕНИНУ.

Я не люблю альбомов модных:
Их ослепительная смесь
Аспазий наших благородных
Провозглашает только спесь.
Альбом красавицы уездной,
Альбом домашний и простой,
Милей болтливостью любезной
И безыскусной пестротой.
Ни здесь, ни там, скажу я смело,
Являться впрочем не хочу;
Но твой альбом другое дело,
Охотно дань ему плачу.
Тобой питомцам Аполлона
Не из тщеславья он открыт:
Цариц ты любишь Геликона
И ими сам не позабыт;
Вхожу в него прямым поэтом,
Как в дружеский, приятный дом,
Почтив хозяина приветом
И лар молитвенным стихом.

[Еще дуют холодные ветры]
И наносят утренни морозы.
Только что на проталинах весенних
Показались ранн⟨ие⟩ цветочки,
Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетела первая пчелка,
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать,
Скоро ль будет гостья дорогая,
Скоро ли луга позеленеют,
Скоро ль у кудрявой у березы
Распустятся клейкие листочки,
Зацветет черемуха душиста.

Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра̀,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:
В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.

ЕЕ ГЛАЗА.

Она мила — скажу меж нами —
Придворных витязей гроза,
И можно с южными звездами
Сравнить, особенно стихами,
Ее черкесские глаза.
Она владеет ими смело,
Они горят огня живей;
Но, сам признайся, то ли дело
Глаза Олениной моей!
Какой задумчивый в них гений,
И сколько детской простоты,
И сколько томных выражений,
И сколько неги и мечты!...
Потупит их с улыбкой Леля —
В них скромных граций торжество;
Поднимет — ангел Рафаэля
Так созерцает божество.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

Увы! напоминают мне
Твои жестокие напевы
И степь, и ночь — и при луне
Черты далекой, бедной девы...

Я призрак милый, роковой,
Тебя увидев, забываю;
Но ты поешь — и предо мной
Его я вновь воображаю.

Не пой, красавица, при мне
Ты песен Грузии печальной:
Напоминают мне оне
Другую жизнь и берег дальный.

К ЯЗЫКОВУ.

К тебе сбирался я давно
В немецкий град, тобой воспетый,
С тобой попить, как пьют поэты,
Тобой воспетое вино.
Уж зазывал меня с собою
Тобой воспетый Киселев,
И я с веселою душою
Оставить был совсем готов
Неволю невских берегов.
И что ж? Гербовые заботы
Схватили за полы меня,
И на Неве, хоть нет охоты,
Прикованным остался я.
О юность, юность удалая!
Могу ль тебя не пожалеть?
В долгах, бывало, утопая,
Заимодавцев убегая,
Готов был всюду я лететь;
Теперь докучно посещаю
Своих ленивых должников,
Остепенившись проклинаю
Я тяжесть денег и годов.

Прости, певец! играй, пируй,
С Кипридой, Фебом торжествуй,
Не знай сиятельного чванства,
Не знай любезных должников
И не плати своих долгов
По праву русского дворянства.

⟨Н. Д. КИСЕЛЕВУ.⟩

Ищи в чужом краю здоровья и свободы,
   Но Север забывать грешно,
Так слушай: поспешай карлсбадские пить воды,
   Чтоб с нами снова пить вино.

ПОРТРЕТ.

С своей пылающей душой,
С своими бурными страстями,
О жены Севера, меж вами
Она является порой
И мимо всех условий света
Стремится до утраты сил,
Как беззаконная комета
В кругу расчисленном светил.

НАПЕРСНИК.

Твоих признаний, жалоб нежных
Ловлю я жадно каждый крик:
Страстей безумных и мятежных
Как упоителен язык!
Но прекрати свои рассказы,
Таи, таи свои мечты:
Боюсь их пламенной заразы,
Боюсь узнать, что знала ты!

КИРДЖАЛИ.

В степях зеленых Буджака,
Где Прут, [заветная] река,
Обходит русские владенья,
При [бедном] устьи ручейка
Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут
[В беспечной дикости] живут,
Храня родительские нравы,
Питаясь   трудом,
И не заботятся о том,
Как ратоборствуют державы
И грозно правят их судьбой.

А в ненастные дни
Собирались они
Часто.
Гнули, ⟨----⟩ их ⟨---⟩!
От пятидесяти
На сто.

И выигрывали
И отписывали
Мелом.
Так в ненастные дни
Занимались они
Делом.

ПРЕДЧУВСТВИЕ.

Снова тучи надо мною
Собралися в тишине;
Рок завистливый бедою
Угрожает снова мне...
Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Может быть, еще спасенный,
Снова пристань я найду....
Но предчувствуя разлуку,
Неизбежный, грозный час,
Сжать твою, мой ангел, руку
Я спешу в последний раз.

Ангел кроткий, безмятежный,
Тихо молви мне: *прости*,
Опечалься: взор свой нежный
Подыми иль опусти;
И твое воспоминанье
Заменит душе моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юных дней.

УТОПЛЕННИК.

Прибежали в избу дети,
В торопях зовут отца:
„Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца.“
„Врите, врите, бесенята, —
Заворчал на них отец: —
Ох, уж эти мне робята!
Будет вам ужо мертвец!

Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь;
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь...
Где ж мертвец?“ — „Вон, тятя, э-вот!“
В самом деле, при реке,
Где разостлан мокрый невод,
Мертвый виден на песке.

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух.
Горемыка ли несчастный
Погубил свой грешный дух,
Рыболов ли взят волнами,
Али хмельный молодец,
Аль ограбленный ворами
Недогадливый купец?

Мужику какое дело?

Озираясь, он спешит;
Он потопленное тело
В воду за ноги тащит,
И от берега крутого
Оттолкнул его веслом,
И мертвец вниз поплыл снова
За могилой и крестом.

Долго мертвый меж волнами
Плыл качаясь, как живой;
Проводив его глазами,
Наш мужик пошел домой.
„Вы, щенки! за мной ступайте!
Будет вам по калачу,
Да смотрите ж, не болтайте,
А не то поколочу“.

В ночь погода зашумела,
Взволновалася река,
Уж лучина догорела
В дымной хате мужика,
Дети спят, хозяйка дремлет,
На полатях муж лежит,
Буря воет; вдруг он внемлет:
Кто-то там в окно стучит.

„Кто там?“ — „Эй, впусти, хозяин!“ —
„Ну, какая там беда?
Что ты ночью бродишь, Каин?
Чорт занес тебя сюда;
Где возиться мне с тобою?
Дома тесно и темно.“
И ленивою рукою
Подымает он окно.

Из-за туч луна катится —
Что же? голый перед ним:

С бороды вода струится,
Взор открыт и недвижим,
Всё в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились.

И мужик окно захлопнул:
Гостя голого узнав,
Так и обмер: „Чтоб ты лопнул!"
Прошептал он задрожав.
Страшно мысли в нем мешались,
Трясся ночь он напролет,
И до утра всё стучались
Под окном и у ворот.

Есть в народе слух ужасный:
Говорят, что каждый год
С той поры мужик несчастный
В день урочный гостя ждет;
Уж с утра погода злится,
Ночью буря настает,
И утопленник стучится
Под окном и у ворот.

Рифма, звучная подруга
Вдохновенного досуга,
Вдохновенного труда,
[Ты умолкла, онемела];
[Ах], ужель ты улетела,
Изменила навсегда!

В прежни дни твой милый лепет
Усмирял сердечный трепет —
Усыплял мою печаль,
Ты [ласкалась], ты манила,
И [от] мира уводила
В очарованную даль.

Ты, [бывало, мне] внимала,
За мечтой моей бежала,
Как послушная дитя;
То, свободна и ревнива,
Своенравна и ленива,
[С нею] спорила шутя.

Я с тобой не расставался,
Сколько раз повиновался
Резвым прихотям твоим;
Как любовник добродушный,

Снисходительно послушный,
Был я мучим ⟨и⟩ любим.

О, когда бы ты явилась
В дни, как [на небе] толпилась
Олимпийская семья!
Ты бы с нею обитала,
[И божественно б] сияла
Родословная твоя.

Взяв божественную лиру,
[Так] поведали бы миру
Гезиод или Омир:
Феб однажды [у] Адмета
Близ тенистого Тайгета
Стадо пас, угрюм и сир.

[Он бродил] во мраке леса,
[И никто], страшась Зевеса,
[Из богинь иль из] богов
Навещать его не смели —
Бога лиры и свирели,
Бога света и стихов.

Помня первые свиданья,
Усладить его страданья
Мнемозина притекла.
И подруга Аполлона
В тихой ⟨?⟩ роще Геликона
[Плод восторгов] родила.

⟨Б. М. ФЕДОРОВУ.⟩

Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи;
Не усыпляй меня — иль после не буди.

Ворон к ворону летит,
Ворон ворону кричит:
Ворон! где б нам отобедать?
Как бы нам о том проведать?

Ворон ворону в ответ:
Знаю, будет нам обед;
В чистом поле под ракитой
Богатырь лежит убитый.

Кем убит и от чего,
Знает сокол лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.

Сокол в рощу улетел,
На кобылку недруг сел,
А хозяйка ждет милòго
Не убитого, живого.

Город пышный, город бедный,
Дух неволи, стройный вид,
Свод небес зелено-бледный,
Скука, холод и гранит —
Всё же мне вас жаль немножко,
Потому что здесь порой
Ходит маленькая ножка,
Вьется локон золотой.

⟨ИЗ АЛЬБОМА А. П. КЕРН.⟩

* * *

Если в жизни поднебесной
Существует дух прелестный,
То тебе подобен он;
Я скажу тебе резон:
Невозможно!

* * *

Amour, exil —
Какая гиль!

* * *

Не смею вам стихи Баркова
Благопристойно перевесть,
И даже имени такого
Не смею громко произнесть!

* * *

Когда, стройна и светлоока,
Передо мной стоит она...
Я мыслю: „в день Ильи-пророка
Она была разведена!“

* * *

Вези, вези, не жалей,
Со мной ехать веселей.

Мне изюм
Нейдет на ум,
Цуккерброд
Не лезет в рот,
Пастила нехороша
Без тебя, моя душа.

⟨19 ОКТЯБРЯ 1828.⟩

Усердно помолившись богу,
Лицею прокричав *ура*,
Прощайте, братцы: мне в дорогу,
А вам в постель уже пора.

Уродился я, бедный недоносок,
С глупых лет брожу я сиротою;
Недорослем меня бедного женили;
Новая семья не полюбила;
Сударыня жена не приласкала.

В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт бывало тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.

На нити праздного веселья
Низал он хитрою ⟨рукой⟩
Прозрачной лести ожерелья
И четки мудрости златой.

[Любили] Крым сыны Саади,
Порой восточный [краснобай]
Здесь развивал [свои] тетради
И удивлял Бахчисарай.

Его рассказы [расстилались],
Как эриванские ковры,
[И ими] ярко [украшались]
Гиреев ханские [пиры].

Но ни один волшебник [милый],
Владетель умственных даров,
Не вымышлял с такою силой,
Так хитро сказок и стихов,

Как прозорливый ⟨и⟩ [крылатый]
Поэт той чудной стороны,
Где мужи грозны и косматы,
А жены гуриям равны.

КЛЕОПАТРА.

Чертог сиял. Гремели хором
Певцы при звуке флейт и лир.
Царица голосом и взором
Свой пышный оживляла пир;
Сердца неслись к ее престолу,
Но вдруг над чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивною главой...

И пышный пир как будто дремлет:
Безмолвны гости. Хор молчит.
Но вновь она чело подъемлет
И с видом ясным говорит:
— В моей любви для вас блаженство.
Блаженство можно вам купить...
Внемлите ж мне: могу равенство
Меж нами я восстановить.
Кто к торгу страстному приступит?
Свою любовь я продаю;
Скажите: кто меж вами купит
Ценою жизни ночь мою? —

Рекла — и ужас всех объемлет,
И страстью дрогнули сердца.
Она смущенный ропот внемлет

С холодной дерзостью лица,
И взор презрительный обводит
Кругом поклонников своих...
Вдруг из толпы один выходит,
Вослед за ним и два других.
Смела их поступь; ясны очи;
Навстречу им она встает;
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти их зовет.

Благословенные жрецами,
Теперь из урны роковой
Пред неподвижными гостями
Выходят жребии чредой.
И первый — Флавий, воин смелый,
В дружинах римских поседелый;
Снести не мог он от жены
Высокомерного презренья;
Он принял вызов наслажденья,
Как принимал во дни войны
Он вызов ярого сраженья.
За ним Критон, младой мудрец,
Рожденный в рощах Эпикура,
Критон, поклонник и певец
Харит, Киприды и Амура.
Любезный сердцу и очам,
Как вешний цвет едва развитый,
Последний имени векам
Не передал. Его ланиты
Пух первый нежно оттенял;
Восторг в очах его сиял;
Страстей неопытная сила
Кипела в сердце молодом...
И грустный взор остановила
Царица гордая на нем.

— Клянусь, о матерь наслаждений,
Тебе неслыханно служу,
На ложе страстных искушений
Простой наемницей всхожу.
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари,
О боги грозного Аида,
Клянусь — до утренней зари
Моих властителей желанья
Я сладострастно утомлю
И всеми тайнами лобзанья
И дивной негой утолю.
Но только утренней порфирой
Аврора вечная блеснет,
Клянусь — под смертною секирой
Глава счастливцев отпадет.

И вот уже сокрылся день.
Восходит месяц златорогий.
Александрийские чертоги
Покрыла сладостная тень.
Фонтаны бьют, горят лампады,
Курится легкий фимиам,
И сладострастные прохлады
Земным готовятся богам.
В роскошном сумрачном покое,
Средь обольстительных чудес,
Под сенью пурпурных завес,
Блистает ложе золотое.

АНЧАР *.

В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит — один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом напоила.

Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.

К нему и птица не летит
И тигр нейдет — лишь вихорь черный
На древо смерти набежит
И мчится прочь уже тлетворный.

И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей уж ядовит
Стекает дождь в песок горючий.

* Древо яда.

Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом,
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.

Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листами,
И пот по бледному челу
Струился хладными ручьями;

Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.

А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы,
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

ОТВЕТ КАТЕНИНУ.

Напрасно, пламенный поэт,
Свой чудный кубок мне подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой сосед!
Товарищ милый, но лукавый,
Твой кубок полон не вином,
Но упоительной отравой:
Он заманит меня потом
Тебе во след опять за славой.
Не так ли опытный гусар,
Вербуя рекрута, подносит
Ему веселый Вакха дар,
Пока воинственный угар
Его на месте не подкосит?
Я сам служивый — мне домой
Пора убраться на покой.
Останься ты в строях Парнасса;
Пред делом кубок наливай
И лавр Корнеля или Тасса
Один с похмелья пожинай.

ОТВЕТ А. И. ГОТОВЦЕВОЙ.

И недоверчиво и жадно
Смотрю я на твои цветы.
Кто, строгий стоик, примет хладно
Привет харит и красоты?
Горжуся им — но и робею;
Твой недосказанный упрек
Я разгадать вполне не смею.
Твой гнев ужели я навлек?
О сколько б мук себе готовил
Красавиц ветреный зоил,
Когда б предательски злословил
Сей пол, которому служил!
Любви безумством и волненьем
Наказан был бы он; а ты
Была всегда б опроверженьем
Его печальной клеветы.

ЦВЕТОК.

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя:

Где цвел? когда? какой весною?
И долго ль цвел? и сорван кем,
Чужой, знакомой ли рукою?
И положен сюда зачем?

На память нежного ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокого гулянья
В тиши полей, в тени лесной?

И жив ли тот, и та жива ли?
И нынче где их уголок?
Или уже они увяли,
Как сей неведомый цветок?

Брадатый староста Авдей
С поклоном барыне своей
Заместо красного яичка
Поднес ученого скворца.
Известно вам: такая птичка
Умней иного мудреца.
Скворец, [надувшись] величаво,
Вздыхал о царствии небес
И приговаривал картаво:
„Хр⟨истос⟩ в ⟨оскрес!⟩ Хр⟨истос⟩ в⟨оскрес⟩

За Netty сердцем я летаю
    В Твери, в Москве —
И *R* и *O* позабываю
    Для *N* и *W*.

Как быстро в поле, вкруг открытом,
Подкован вновь, мой конь бежит!
Как звонко под его копытом
Земля промерзлая звучит!
Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз:
Ланиты, ярче вешних роз,
Играют холодом и кровью.

Печальны лес и дол завялый,
Проглянет день — и уж темно,
И, будто путник запоздалый,
Стучится буря к нам в окно...

ПОЭТ И ТОЛПА.

Procul este, profani

Поэт по лире вдохновенной
Рукой рассеянной бряцал.
Он пел — а хладный и надменный
Кругом народ непосвященный
Ему бессмысленно внимал.

И толковала чернь тупая:
„Зачем так звучно он поет?
Напрасно ухо поражая,
К какой он цели нас ведет?
О чем бренчит? чему нас учит?
Зачем сердца волнует, мучит,
Как своенравный чародей?
Как ветер песнь его свободна,
Зато как ветер и бесплодна:
Какая польза нам от ней?“

П о э т.

Молчи, бессмысленный народ,
Поденщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкой,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё — на вес
Кумир ты ценишь Бельведерской.

Ты пользы, пользы в нем не зришь.
Но мрамор сей ведь бог!... так что же?
Печной горшок тебе дороже:
Ты пищу в нем себе варишь.

Чернь.

Нет, если ты небес избранник,
Свой дар, божественный посланник,
Во благо нам употребляй:
Сердца собратьев исправляй.
Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки.
Ты можешь, ближнего любя,
Давать нам смелые уроки,
А мы послушаем тебя.

Поэт.

Подите прочь — какое дело
Поэту мирному до вас!
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас!
Душе противны вы как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры; —
Довольно с вас, рабов безумных!
Во градах ваших с улиц шумных
Сметают сор, — полезный труд! —
Но, позабыв свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы ль у вас метлу берут?
Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Tel j'étais autrefois et tel je suis encor.

Каков я прежде был, таков и ныне я:
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
Могу ль на красоту взирать без умиленья,
Без робкой нежности и тайного волненья.
Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой,
А не исправленный стократною обидой,
Я новым идолам несу мои мольбы.......

Лищин⟨ский⟩ околел — отечеству беда!
Князь Сергий жив еще — утешьтесь, го⟨спода⟩.

Покойник, автор сухощавый,
Писал для денег, пил из славы.

1829

Е. Н. УШАКОВОЙ.

Вы избалованы природой;
Она пристрастна к вам была,
И наша вечная хвала
Вам кажется докучной одой.
Вы сами знаете давно,
Что вас любить немудрено,
Что нежным взором вы Армида,
Что легким станом вы Сильфида,
Что ваши алые уста,
Как гармоническая роза...
И наши рифмы, наша проза
Пред вами шум и суета.
Но красоты воспоминанье
Нам сердце трогает тайком —
И строк небрежных начертанье
Вношу смиренно в ваш альбом.
Авось на память поневоле
Придет вам тот, кто вас певал
В те дни, как Пресненское поле
Еще забор не заграждал.

⟨Е. П. ПОЛТОРАЦКОЙ.⟩

Когда помилует нас бог,
Когда не буду я повешен,
То буду я у ваших ног,
В тени украинских черешен.

Подъезжая под Ижоры,
Я взглянул на небеса
И воспомнил ваши взоры,
Ваши синие глаза.
Хоть я грустно очарован
Вашей девственной красой,
Хоть вампиром именован
Я в губернии Тверской,
Но колен моих пред вами
Преклонить я не посмел
И влюбленными мольбами
Вас тревожить не хотел.
Упиваясь неприятно
Хмелем светской суеты,
Позабуду, вероятно,
Ваши милые черты,
Легкий стан, движений стройность,
Осторожный разговор,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смех и хитрый взор.
Если ж нет... по прежню следу
В ваши мирные края
Через год опять заеду
И влюблюсь до ноября.

ПРИМЕТЫ.

Я ехал к вам: живые сны
За мной вились толпой игривой,
И месяц с правой стороны
Сопровождал мой бег ретивый.

Я ехал прочь: иные сны.....
Душе влюбленной грустно было;
И месяц с левой стороны
Сопровождал меня уныло.

Мечтанью вечному в тиши
Так предаемся мы, поэты;
Так суеверные приметы
Согласны с чувствами души.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ИЗВЕСТИЕ.

В Элизии Василий Тредьяковский
(Преострый муж, достойный много хвал)
С усердием принялся за журнал.
В сотрудники сам вызвался Поповский,
Свои статьи Елагин обещал;
Курганов сам над критикой хлопочет,
Блеснуть умом „Письмовник“ снова хочет;
И, говорят, на-днях они начнут,
Благословясь, сей преполезный труд,
И только ждет Василий Тредьяковский,
Чтоб подоспел Михайло Каченовский.

ЭПИГРАММА.

Журналами обиженный жестоко,
Зоил Пахом печалился глубоко;
На цензора вот подал он донос;
Но цензор прав, нам смех, зоилу нос.
Иная брань конечно неприличность,
Не льзя писать: *Такой-то де старик,*
Козел в очках, плюгавый клеветник,
И зол, и подл: всё это будет личность.
Но можете печатать, например,
Что господин парнасский старовер,
(В своих статьях), бессмыслицы оратор,
Отменно вял, отменно скучноват,
Тяжеловат и даже глуповат;
Тут не лицо, а только литератор.

⟨НА ВЕЛИКОПОЛЬСКОГО.⟩

Поэт-игрок, о Беверлей-Гораций,
Проигрывал ты кучки ассигнаций,
И серебро, наследие отцов,
И лошадей, и даже кучеров —
И с радостью на карту б, на злодейку,
Поставил бы тетрадь своих стихов,
Когда б твой стих ходил хотя в копейку.

ЭПИГРАММА.

Там, где древний Кочерговский
Над Ролленем опочил,
Дней новейших Тредьяковский
Колдовал и ворожил:
Дурень, к солнцу став спиною,
Под холодный Вестник свой
Прыскал мертвою водою,
Прыскал ижицу живой.

(При посылке бронзового Сфинкса.)

Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?
В веке железном, скажи, кто золотой угадал?
Кто славянин молодой, грек духом, а родом германец?
Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши!

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

КАЛМЫЧКЕ.

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, на зло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза конечно узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног;
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,
Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: Ma dov'è,
Галоп не прыгаешь в собранье...
Что нужды? — Ровно полчаса,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
Друзья! не всё ль одно и то же:
Забыться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?

⟨ФАЗИЛЬ-ХАНУ.⟩

Благословен твой подвиг новый,
Твой путь на север наш суровый,
Где кратко царствует весна,
[Но где Гафиза и Саади]
[Знакомы имена].

[Ты посетишь наш край] полночный,
[Оставь же след]
Цветы фантазии восточной
Рассыпь на северных снегах.

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленье
В сердце врезалось ему.

Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию деву,
Матерь господа Христа.

С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел,
И до гроба ни с одною
Молвить слова не хотел.

С той поры стальной решетки
Он с лица не подымал
И себе на шею четки
Вместо шарфа привязал.

Несть мольбы Отцу, ни Сыну,
Ни святому Духу ввек
Не случилось паладину,
Странный был он человек.

Проводил он целы ночи
Перед ликом пресвятой,
Устремив к ней скорбны очи,
Тихо слезы лья рекой.

Полон верой и любовью,
Верен набожной мечте,
Ave, Mater Dei кровью
Написал он на щите.

Между тем как паладины
Ввстречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам,

Lumen coelum, sancta Rosa!
Восклицал всех громче он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.

Возвратясь в свой замок дальный,
Жил он строго заключен,
Всё влюбленный, всё печальный,
Без причастья умер он;

Между тем как он кончался,
Дух лукавый подоспел,
Душу рыцаря сбирался
Бес тащить уж в свой предел:

Он-де богу не молился,
Он не ведал-де поста,
Не путем-де волочился
Он за матушкой Христа.

Но пречистая сердечно
Заступилась за него
И впустила в царство вечно
Паладина своего.

ИЗ ГАФИЗА.

(Лагерь при Евфрате).

Не пленяйся бранной славой,
О красавец молодой!
Не бросайся в бой кровавый
С карабахскою толпой!
Знаю, смерть тебя не встретит:
Азраил, среди мечей,
Красоту твою заметит —
И пощада будет ей!
Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движений,
Прелесть неги и стыда!

Критон, роскошный гражданин
Очаровательных Афин,
Во цвете жизни предавался
Всем упоеньям бытия.
Однажды, — слушайте, друзья, —
Он по Керамику скитался,
И вдруг из рощи вековой,
Красою девственной блистая,
В одежде легкой и простой
Явилась нимфа молодая.
Пред банею, между колонн,
Она на миг остановилась
И в дом вошла. Недвижим он
Глядит на дверь, куда, как сон,
Его красавица сокрылась.

⟨НА КАРТИНКИ К „ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ“ В „НЕВСКОМ АЛЬМАНАХЕ“.⟩

1.

Вот перешед чрез мост Кокушкин,
Опершись ⟨- - - - -⟩ о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мосьё Онегиным стоит.
Не удостоивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой.

2.

Пупок чернеет сквозь рубашку,
Наружу титька — милый вид!
Татьяна мнет в руке бумажку,
Зане живот у ней болит:
Она затем поутру встала
При бледных месяца лучах
И на подтирку изорвала
Конечно „Невский Альманах“.

ОЛЕГОВ ЩИТ.

Когда ко граду Константина
С тобой, воинственный варяг,
Пришла славянская дружина
И развила победы стяг,
Тогда во славу Руси ратной,
Строптиву греку в стыд и страх,
Ты пригвоздил свой щит булатный
На цареградских воротах.

Настали дни вражды кровавой;
Твой путь мы снова обрели.
Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

Как сатирой безымянной
Лик зоила я пятнал,
Признаюсь: на вызов бранный
Возражений я не ждал.
Справедливы ль эти слухи?
Отвечал он? Точно ль так?
В полученьи оплеухи
Расписался мой дурак?

Опять увенчаны мы славой,
Опять кичливый враг сражен,
Решен в Арзруме спор кровавый,
В Эдырне мир провозглашен.

И [дале] двинулась Россия,
И юг державно облегла,
И пол-Эвксина вовлекла
[В свои объятия тугие].

Восстань, о Греция, восстань.
Недаром напрягала силы,
Недаром потрясала брань
Олимп и Пинд и Фермопилы.

Под сенью ветхой их вершин
Свобода юная возникла,
На гробах   Перикла,
На   мраморных Афин.

Страна героев и богов
Расторгла рабские вериги
При пеньи пламенных стихов
Тиртея, Байрона и Риги.

Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает,
На устах начатый стих
Недочитанный затих —
Дух далече улетает.
Звук привычный, звук живой,
Сколь ты часто раздавался
Там, где тихо развивался
[Я давнишнею порой.]

Счастлив ты в прелестных дурах,
В службе, в картах и в пирах;
Ты St.-Priest в карикатурах,
Ты Нелединский в стихах;
Ты прострелен на дуеле,
Ты разрублен на войне, —
Хоть герой ты в самом деле,
Но повеса ты вполне.

⟨НА НАДЕЖДИНА.⟩

Надеясь на мое презренье,
Седой зоил меня ругал,
И, потеряв [уже] терпенье,
Я эпиграммой [отвечал].
Укушенный желаньем славы,
Теперь, надеясь на ответ,
[Журнальный шут], холоп лукавый,
Ругать бы также стал. — О, нет!
Пусть он, как бес перед обедней,
Себе покоя не дает:
Лакей, сиди себе в передней,
А будет с барином расчет.

Был и я среди донцов,
Гнал и я османов шайку;
В память битвы и шатров
Я домой привез нагайку.

[На походе, на войне]
Сохранил я балалайку —
С нею рядом, на стене
Я повешу и нагайку.

Что таиться от друзей —
Я люблю свою хозяйку,
Часто думал я об ней
И берег свою нагайку.

САПОЖНИК.

(ПРИТЧА)

Картину раз высматривал сапожник
И в обуви ошибку указал;
Взяв тотчас кисть, исправился художник.
Вот, подбочась, сапожник продолжал:
„Мне кажется, лицо немного криво...
А эта грудь не слишком ли нага?“....
Тут Апеллес прервал нетерпеливо:
„Суди, дружок, не свыше сапога!“

Есть у меня приятель на примете:
Не ведаю, в каком бы он предмете
Был знатоком, хоть строг он на словах
Но чорт его несет судить о свете:
Попробуй он судить о сапогах!

⟨НА НАДЕЖДИНА.⟩

В журнал совсем не европейский,
Над коим чахнет старый журналист,
С своею прозою лакейской
Взошел болван семинарист.

ДОН.

Блеща средь полей широких,
Вон он льется!... Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон.

Как прославленного брата,
Реки знают тихий Дон;
От Аракса и Евфрата
Я привез тебе поклон.

Отдохнув от злой погони,
Чуя родину свою,
Пьют уже донские кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

ДОРОЖНЫЕ ЖАЛОБЫ.

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть господь судил,

На каменьях под копытом,
На горе под колесом,
Иль во рву, водой размытом,
Под разобранным мостом.

Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум влепит
Непроворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.

Долго ль мне в тоске голодной
Пост невольный соблюдать
И телятиной холодной
Трюфли Яра поминать?

То ли дело быть на месте,
По Мясницкой разъезжать,
О деревне, о невесте
На досуге помышлять!

То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!...
Ну, пошел же, погоняй!...

МЁДОК.

(МЁДОК В УАЛЛАХ).

Попутный веет ветр. — Идет корабль, —
Во всю длину развиты флаги, вздулись
Ветрила все, — идет, и пред кормой
Морская пена раздается. — Многим
Наполнилася грудь у всех пловцов.
Теперь, когда свершен опасный путь,
Родимый край они узрели снова;
Один стоит, вдаль устремляя⟨?⟩ взоры,
И в темных очерках ему рисует
Мечта давно знакомые предметы,
Залив и мыс, — пока недвижны очи
Не заболят. Товарищу другой
Жмет руку и приветствует с отчизной,
И господа благодарит, рыдая.
Другой, безмолвную творя молитву
Угоднику и [деве] пресвятой,
И милостынь и дальних поклонений
Старинные обеты обновляет,
[Когда] найдет он всё благополучно.
Задумчив, нем и ото всех далек,
Сам Мѐдок погружен в воспоминаньях
О славном подвиге, то в снах надежды,
То в горестных предчувствиях и страхе.
Прекрасен вечер, и попутный ветр
Звучит меж вервей, ⟨и⟩ корабль надежный
Бежит, шумя, меж волн.
Садится солнце.

Стрекотунья белобока,
Под калиткою моей
Скачет пестрая сорока
И пророчит мне гостей.

[Колокольчик небывалый
У меня звенит в ушах,]
На заре алой,
[Серебрится] снежный прах.

(2 ноября)

Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю
Слугу, несущего мне утром чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нет? и можно ли постель
Покинуть для седла, иль лучше до обеда
Возиться с старыми журналами соседа?
Пороша. Мы встаем, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными глазами;
Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.
Куда как весело! Вот вечер: вьюга воет;
Свеча темно горит; стесняясь, сердце ноет;
По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,
А мысли далеко... Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор,
Иду в гостиную; там слышу разговор

О близких выборах, о сахарном заводе;
Хозяйка хмурится в подобие погоде,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червонного гадает короля.
Тоска! Так день за днем идет в уединеньи!
Но если под вечер в печальное селенье,
Когда за шашками сижу я в уголке,
Приедет издали в кибитке иль возке
Нежданая семья: старушка, две девицы
(Две белокурые, две стройные сестрицы), —
Как оживляется глухая сторона!
Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шопот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцалуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!

ЗИМНЕЕ УТРО.

Мороз и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче..... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Веселым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.

Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

Зачем, Елена, так пугливо,
С такой ревнивой быстротой,
Ты всюду следуешь за мной
И надзираешь торопливо
Мой каждый шаг?   [я твой]

ЭПИГРАММА.

Седой Свистов! ты царствовал со славой;
Пора, пора! сложи с себя венец:
Питомец твой младой, цветущий, здравый,
Тебя сменит, великий наш певец!
Се: внемлет мне маститый собеседник,
Свершается судьбины произвол,
Является младой его наследник:
Свистов II вступает на престол!

ЭПИГРАММА.

Мальчишка Фебу гимн поднес.
„Охота есть, да мало мозгу.
А сколько лет ему, вопрос?“ —
„Пятнадцать“. — „Только-то? Эй, розгу!“
За сим принес семинарист
Тетрадь лакейских диссертаций,
И Фебу в слух прочел Гораций,
Кусая губы, первый лист.
Отяжелев, как от дурмана,
Сердито Феб его прервал
И тотчас взрослого болвана
Поставить в палки приказал.

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

ВОСПОМИНАНИЯ В ЦАРСКОМ СЕЛЕ.

Воспоминаньями смущенный,
Исполнен сладкою тоской,
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
Вхожу с поникшею главой.
Так отрок библии, [безумный] расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

В пылу восторгов скоротечных,
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты,
И долго я блуждал, и часто, утомленный,
Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
Я думал о тебе, предел благословенный,
Воображал сии сады.

Воображаю день счастливый,
Когда средь вас возник лицей,
И слышу наших игр я снова шум и⟨гривый⟩⟨?⟩
И вижу вновь семью друзей.
Вновь нежным отроком, то пылким, то ленивым,
Мечтанья смутные в груди моей тая,
Скитаясь по лугам, по рощам молчаливым,
Поэтом забываюсь я.

И въявь я вижу пред собою
Дней прошлых гордые следы.
Еще исполнены Великою Женою,
Ее любимые сады
Стоят населены чертогами, вратами,
Столпами, башнями, кумирами богов
И славой мраморной, и медными хвалами
Екатерининских орлов.

Садятся призраки героев
У посвященных им столпов,
Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев,
Перун кагульских берегов.
Вот, вот могучий вождь полунощного флага,
Пред кем морей пожар и плавал и летал.
Вот верный брат его, герой Архипелага,
Вот наваринский Ганнибал.

Среди святых воспоминаний
Я с детских⟨?⟩ лет⟨?⟩ здесь возрастал,
А глухо между тем поток народной брани
Уж бесновался⟨?⟩ и роптал.
⟨*Нрзб.*⟩ обняла кровавая забота,
Россия двинулась и мимо нас ⟨*нрзб.*⟩
И тучи конные, брадатая пехота,
И пушек светлые ряды.

На юных ратников завистливо взирали,
Ловили с жадностью ⟨мы⟩ брани [дальний] звук
И детство негодуя проклинали
И узы строгие наук.

И многих не пришло. При звуке песней новых
Почили славные⟨?⟩ в полях Бородина,
На кульмских вы⟨сотах⟩, в лесах ⟨*нрзб.*⟩ суровых,
Вблизи Монмар⟨тра⟩ ⟨*нрзб.*⟩

Поедем, я готов; куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далекого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поет уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем... но, друзья,
Скажите: в странствиях умрет ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к ее ногам, ее младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?
— — — — — — — — — — — — —

Еще одной высокой, важной песни
Внемли, о Феб, и смолкнувшую лиру
В разрушенном святилище твоем
Повешу я, да издает ⟨она⟩⟨?⟩,
Когда столбы его колеблет буря,
Печальный звук! Еще единый гимн —
Внемлите мне, пенаты, — вам пою
Обетный гимн. Советники Зевеса,
Живете ль вы в небесной глубине,
Иль, божества всевышние, всему
Причина вы, по мненью мудрецов,
И следуют торжественно за вами
Великой Зевс с супругой белоглавой
И мудрая богиня, дева силы,
Афинская Паллада, — вам хвала.
Примите гимн, таинственные силы!
Хоть долго был изгнаньем удален
От ваших жертв и тихих воз⟨лияний⟩,
Но вас любить не остывал⟨?⟩ я, боги,
И в долгие часы пустынной грусти
Томительно просилась отдохнуть
У вашего святого пепелища
Моя душа —   там мир.
Так, я любил вас долго! Вас зову
В свидетели, с каким святым вол⟨неньем⟩
Оставил я   [людское] племя,

Дабы стеречь ваш огнь уединенный,
Беседуя с самим собою. Да,
Часы неизъяснимых наслаждений!
Они дают мне знать сердечну глубь⟨?⟩,
В могуществе и немощах его,
Они [меня] любить, лелеять учат
Не смертные, таинственные чувства,
И нас они науке первой учат —
Чтить самого себя. О нет, вовек
Не преставал молить благоговейно
Вас, божества домашние.

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижу ль меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

Гляжу ль на дуб уединенный,
Я мыслю: патриарх лесов
Переживет мой век забвенный,
Как пережил он век отцов.

Младенца ль милого ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебе я место уступаю:
Мне время тлеть, тебе цвести.

День каждый, каждую годину
Привык я думой провождать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараясь угадать.

И где мне смерть пошлет судьбина?
В бою ли, в странствии, в волнах?
Или соседняя долина
Мой примет охладелый прах?

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Но ближе к милому пределу
Мне всё б хотелось почивать.

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять.

КАВКАЗ.

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых брегах,
И нищий наездник таится в ущельи,
Где Терек играет в свирепом весельи;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной,
И лижет утесы голодной волной.....
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

ОБВАЛ.

Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могущий вал
Остановил.

Вдруг, истощась и присмирев,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних волн упорный гнев
Прошиб снега...
Ты затопил, освирепев,
Свои брега.

И долго прорванный обвал
Неталой грудою лежал,
И Терек злой под ним бежал,
И пылью вод

И шумной пеной орошал
Ледяный свод.

И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вёл
Степной купец,
Где ныне мчится лишь Эол,
Небес жилец.

ДЕЛИБАШ.

Перестрелка за холмами;
Смотрит лагерь их и наш;
На холме пред казаками
Вьется красный делибаш.

Делибаш! не суйся к *лаве*,
Пожалей свое житье;
Вмиг аминь лихой забаве:
Попадешься на копье.

Эй, казак! не рвися к бою:
Делибаш на всем скаку
Срежет саблею кривою
С плеч удалую башку.

Мчатся, сшиблись в общем крике....
Посмотрите! каковы?....
Делибаш уже на пике,
А казак без головы.

МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЕ.

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

Далекий, вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне!...

Меж горных ⟨стен⟩⟨?⟩ несется Терек,
Волнами точит дикий берег,
Клокочет вкруг огромных скал,
То здесь, [то там] дорогу роет,
Как зверь живой, ревет и воет —
И вдруг утих и смирен стал.

Всё ниже, ниже опускаясь,
Уж он бежит едва живой.
Так, после бури истощаясь,
Поток струится дождевой.
И вот   обнажилось
Его кремнистое русло.

И вот ущелье мрачных скал
Пред нами⟨?⟩ шире становится,
Но тише Терек злой стремится,
Луч солнца ярче засиял.

Страшно и скучно.
Здесь новоселье,
Путь и ночлег.
Тесно и душно.
В диком ущелье —
Тучи да снег.

Небо чуть видно,
Как из тюрьмы.
Ветер шумит.
[Солнцу обидно]

СОБРАНИЕ НАСЕКОМЫХ.

Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки.
Крылов.

Мое собранье насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пестрая семья!
За ними где ни рылся я!
Зато какая сортировка!
Вот ⟨Глинка⟩ — божия коровка,
Вот ⟨Каченовский⟩ — злой паук,
Вот и ⟨Свиньин⟩ — российский жук,
Вот ⟨Олин⟩⟨?⟩ — черная мурашка,
Вот ⟨Раич⟩⟨?⟩ — мелкая букашка.
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамах
Они, пронзенные насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.

Когда твои младые лета
Позорит шумная молва,
И ты по приговору света
На честь утратила права;

Один, среди толпы холодной,
Твои страданья я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю.

Но свет... Жестоких осуждений
Не изменяет он своих:
Он не карает заблуждений,
Но тайны требует для них.

Достойны равного презренья
Его тщеславная любовь
И лицемерные гоненья:
К забвенью сердце приготовь;

Не пей мутительной отравы;
Оставь блестящий, душный круг;
Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг.

К БЮСТУ ЗАВОЕВАТЕЛЯ.

Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
А гнев на хладный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни арлекин.

1830

⟨ЦИКЛОП.⟩

Язык и ум теряя разом,
Гляжу на вас единым глазом:
Единый глаз в главе моей.
Когда б Судьбы того хотели,
Когда б имел я сто очей,
То все бы сто на вас глядели.

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных,
Твоей душе не даст оно
Воспоминаний чистых, нежных.

Но в день печали, в тишине,
Произнеси его тоскуя;
Скажи: есть память обо мне,
Есть в мире сердце, где живу я.....

ОТВЕТ.

Я вас узнал, о мой оракул!
Не по узорной пестроте
Сих неподписанных каракул,
Но по веселой остроте,
Но по приветствиям лукавым,
Но по насмешливости злой
И по упрекам... столь неправым,
И этой прелести живой.
С тоской невольной, с восхищеньем
Я перечитываю вас
И восклицаю с нетерпеньем:
Пора! в Москву, в Москву сейчас!
Здесь город чопорный, унылый,
Здесь речи — лед, сердца — гранит;
Здесь нет ни ветрености милой,
Ни муз, ни Пресни, ни харит.

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.

И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем,
Восторгом чувственным, безумством, исступленьем,
Стенаньем, криками вакханки молодой,
Когда, виясь в моих объятиях змией,
Порывом пылких ласк и язвою лобзаний
Она торопит миг последних содраганий!

О, как милее ты, смиренница моя!
О, как мучительно тобою счастлив я,
Когда, склоняяся на долгие моленья,
Ты предаешься мне нежна без упоенья,
Стыдливо-холодна, восторгу моему
Едва ответствуешь, не внемлишь ничему
И оживляешься потом всё боле, боле —
И делишь наконец мой пламень по неволе!

СОНЕТ.

Scorn not the sonnet, critic.
Wordsworth.

Суровый Дант не презирал сонета;
В нем жар любви Петрарка изливал;
Игру его любил творец Макбета;
Им скорбну мысль Камоэнс облекал.

И в наши дни пленяет он поэта:
Вордсворт его орудием избрал,
Когда вдали от суетного света
Природы он рисует идеал.

Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненный
Свои мечты мгновенно заключал.

У нас еще его не знали девы,
Как для него уж Дельвиг забывал
Гекзаметра священные напевы.

⟨НА БУЛГАРИНА.⟩

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

Шумит кустарник... На утес
Олень веселый выбегает,
[Пугливо] он подножный лес
С вершины острой озирает,
Глядит на светлые ⟨луга⟩,
Глядит на синий свод небесный
И на днепровские брега,
Венчанны чащею древесной.
Недвижим, строен [он] стоит
И чутким ухом шевелит......

Но дрогнул он — незапный звук
Его коснулся — [боязливо]
[Он шею] [вытянул] и [вдруг]
[С вершины прянул]

К ВЕЛЬМОЖЕ.

(Москва)

От северных оков освобождая мир,
Лишь только на поля, струясь, дохнет зефир,
Лишь только первая позеленеет липа,
К тебе, приветливый потомок Аристиппа,
К тебе явлюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные в волшебстве состязались.

Ты понял жизни цель: счастливый человек,
Для жизни ты живешь. Свой долгий ясный век
Еще ты смолоду умно разнообразил,
Искал возможного, умеренно проказил;
Чредою шли к тебе забавы и чины.
Посланник молодой увенчанной Жены,
Явился ты в Ферней — и циник поседелый,
Умов и моды вождь пронырливый и смелый,
Свое владычество на Севере любя,
Могильным голосом приветствовал тебя.
С тобой веселости он расточал избыток,
Ты лесть его вкусил, земных богов напиток.
С Фернеем распростясь, увидел ты Версаль.
Пророческих очей не простирая вдаль,
Там ликовало всё. Армида молодая,

К веселью, роскоши знак первый подавая,
Не ведая, чему судьбой обречена,
Резвилась, ветреным двором окружена.
Ты помнишь Трианон и шумные забавы?
Но ты не изнемог от сладкой их отравы;
Ученье делалось на время твой кумир:
Уединялся ты. За твой суровый пир
То чтитель промысла, то скептик, то безбожник,
Садился Дидерот на шаткий свой треножник,
Бросал парик, глаза в восторге закрывал
И проповедывал. И скромно ты внимал
За чашей медленной афею иль деисту,
Как любопытный скиф афинскому софисту.

Но Лондон звал твое внимание. Твой взор
Прилежно разобрал сей двойственный собор:
Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый,
Пружины смелые гражданственности новой.

Скучая, может быть, над Темзою скупой,
Ты думал дале плыть. Услужливый, живой,
Подобный своему чудесному герою,
Веселый Бомарше блеснул перед тобою.
Он угадал тебя: в пленительных словах
Он стал рассказывать о ножках, о глазах,
О неге той страны, где небо вечно ясно,
Где жизнь ленивая проходит сладострастно,
Как пылкой отрока восторгов полный сон,
Где жены вечером выходят на балкон,
Глядят и, не страшась ревнивого испанца,
С улыбкой слушают и манят иностранца.
И ты, встревоженный, в Севиллу полетел.
Благословенный край, пленительный предел!
Там лавры зыблются, там апельсины зреют...
О, расскажи ж ты мне, как жены там умеют
С любовью набожность умильно сочетать,
Из-под мантильи знак условный подавать;
Скажи, как падает письмо из-за решетки,

Как златом усыплен надзор угрюмой тетки;
Скажи, как в двадцать лет любовник под окном
Трепещет и кипит, окутанный плащом.

Всё изменилося. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотиною Версаль и Трианон
И мрачным ужасом смененные забавы.
Преобразился мир при громах новой славы.
Давно Ферней умолк. Приятель твой Вольтер,
Превратности судеб разительный пример,
Не успокоившись и в гробовом жилище,
Доныне странствует с кладбища на кладбище.
Барон д'Ольбах, Морле, Гальяни, Дидерот,
Энциклопедии скептической причот,
И колкой Бомарше, и твой безносый Касти,
Все, все уже прошли. Их мненья, толки, страсти
Забыты для других. Смотри: вокруг тебя
Всё новое кипит, былое истребя.
Свидетелями быв вчерашнего паденья,
Едва опомнились младые поколенья.
Жестоких опытов сбирая поздний плод,
Они торопятся с расходом свесть приход.
Им некогда шутить, обедать у Темиры,
Иль спорить о стихах. Звук новой, чудной лиры,
Звук лиры Байрона развлечь едва их мог.

Один всё тот же ты. Ступив за твой порог,
Я вдруг переношусь во дни Екатерины.
Книгохранилище, кумиры, и картины,
И стройные сады свидетельствуют мне,
Что благосклонствуешь ты музам в тишине,
Что ими в праздности ты дышишь благородной.
Я слушаю тебя: твой разговор свободный
Исполнен юности. Влиянье красоты
Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой и прелесть Гончаровой.

Беспечно окружась Корреджием, Кановой,
Ты, не участвуя в волнениях мирских,
Порой насмешливо в окно глядишь на них
И видишь оборот во всем кругообразный.

Так, вихорь дел забыв для муз и неги праздной,
В тени порфирных бань и мраморных палат,
Вельможи римские встречали свой закат.
И к ним издалека то воин, то оратор,
То консул молодой, то сумрачный диктатор
Являлись день-другой роскошно отдохнуть,
Вздохнуть о пристани и вновь пуститься в путь.

НОВОСЕЛЬЕ.

Благословляю новоселье,
Куда домашний свой кумир
Ты перенес — а с ним веселье,
Свободный труд и сладкий мир.

Ты счастлив: ты свой домик малый,
Обычай мудрости храня,
От злых забот и лени вялой
Застраховал, как от огня.

Когда в объятия мои
Твой стройный стан я заключаю,
И речи нежные любви
Тебе с восторгом расточаю,
Безмолвна, от стесненных рук
Освобождая стан свой гибкой,
Ты отвечаешь, милый друг,
Мне недоверчивой улыбкой;
Прилежно в памяти храня
Измен печальные преданья,
Ты без участья и вниманья
Уныло слушаешь меня...
Кляну коварные старанья
Преступной юности моей
И встреч условных ожиданья
В садах, в безмолвии ночей.
Кляну речей любовный шопот,
[Стихов таинственный напев],
И [ласки] легковерных дев,
И слезы их, и поздний ропот.

ПОЭТУ.

Поэт! не дорожи любовию народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

МАДОНА.

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному сужденью знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель —

Она с величием, он с разумом в очах —
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадона,
Чистейшей прелести чистейший образец.

Полюбуйтесь же вы, дети,
Как в сердечной простоте
Длинный Фирс играет в *эти*,
Те, *те*, *те* и *те*, *те*, *те*.

Черноокая Россети
В самовластной красоте
Все сердца пленила *эти*,
Те, *те*, *те* и *те*, *те*, *те*.

О, какие же здесь сети
Рок нам стелет в темноте:
Рифмы, деньги, дамы *эти*,
Те, *те*, *те* и *те*, *те*, *те*.

БЕСЫ.

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

„Эй, пошел, ямщик!...“ — „Нет мочи:
Коням, барин, тяжело;
Вьюга мне слипает очи;
Все дороги занесло;
Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.

Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня;
Там верстою небывалой
Он торчал передо мной;

Там сверкнул он искрой малой
И пропал во тьме пустой".

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... „Что там в поле?" —
„Кто их знает? пень иль волк?"

Вьюга злится, вьюга плачет;
Кони чуткие храпят;
Вот уж он далече скачет;
Лишь глаза во мгле горят;
Кони снова понеслися;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собралися
Средь белеющих равнин.

Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...
Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

ЭЛЕГИЯ.

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

ОТВЕТ АНОНИМУ.

О, кто бы ни был ты, чье ласковое пенье
Приветствует мое к блаженству возрожденье,
Чья скрытая рука мне крепко руку жмет,
Указывает путь и посох подает;
О, кто бы ни был ты: старик ли вдохновенный,
Иль юности моей товарищ отдаленный,
Иль отрок, музами таинственно храним,
Иль пола кроткого стыдливый херувим, —
Благодарю тебя душою умиленной.
Вниманья слабого предмет уединенный,
К доброжелательству досель я не привык —
И странен мне его приветливый язык.
Смешон, участия кто требует у света!
Холодная толпа взирает на поэта,
Как на заезжего фигляра: если он
Глубоко выразит сердечный, тяжкий стон,
И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой, —
Она в ладони бьет и хвалит, иль порой
Неблагосклонною кивает головой.
Постигнет ли певца незапное волненье,
Утрата скорбная, изгнанье, заточенье, —
„Тем лучше, — говорят любители искусств, —
Тем лучше! наберет он новых дум и чувств
И нам их передаст". Но счастие поэта
Меж ими не найдет сердечного привета,
Когда боязненно безмолвствует оно...
— — — — — —

ТРУД.

Миг вожделенный настал: окончен мой труд многолетний.
 Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный,
 Плату приявший свою, чуждый работе другой?
Или жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
 Друга Авроры златой, друга пенатов святых?

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ.

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, праздный держа черепок.
Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

Глухой глухого звал к суду судьи глухого,
Глухой кричал: „Моя им сведена корова!“ —
„Помилуй, — возопил глухой тому в ответ: —
Сей пустошью владел еще покойный дед“.
Судья решил: „Чтоб не было разврата,
Жените молодца, хоть девка виновата“.

ПРОЩАНИЕ.

В последний раз твой образ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И с негой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бегут меняясь наши лета,
Меняя всё, меняя нас,
Уж ты для своего поэта
Могильным сумраком одета,
И для тебя твой друг угас.

Прими же, дальная подруга,
Прощанье сердца моего,
Как овдовевшая супруга,
Как друг, обнявший молча друга
Пред заточением его.

ПАЖ
или
ПЯТНАДЦАТЫЙ ГОД.

C'est l'âge de Chérubin...

Пятнадцать лет мне скоро минет;
Дождусь ли радостного дня?
Как он вперед меня подвинет!
Но и теперь никто не кинет
С презреньем взгляда на меня.

Уж я не мальчик — уж над губой
Могу свой ус я защипнуть;
Я важен, как старик беззубый;
Вы слышите мой голос грубый,
Попробуй кто меня толкнуть.

[Я нравлюсь дамам, ибо скромен,
И между ими есть одна.....
И гордый взор ее так томен,
И цвет ланит ее так тёмен,
Что жизни мне милей она.]

Она строга, властолюбива,
Я [сам дивлюсь] ее уму —
И ужас как она ревнива;

Зато со всеми горделива
И мне доступна одному.

Вечор она мне величаво
Клялась, что если буду вновь
Глядеть налево и направо,
То даст она мне яду; — право —
Вот какова ее любовь!

Она готова хоть в пустыню
Бежать со мной, презрев молву.
Хотите знать мою богиню,
Мою севильскую графиню?..
Нет! ни за что не назову!

Румяный критик мой, насмешник толстопузый,
Готовый век трунить над нашей томной музой,
Поди-ка ты сюда, присядь-ка ты со мной,
Попробуй, сладим ли с проклятою хандрой.
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогой,
За ними чернозем, равнины скат отлогой,
Над ними серых туч густая полоса.
Где нивы светлые? где темные леса?
Где речка? На дворе у низкого забора
Два бедных деревца стоят в отраду взора,
Два только деревца. И то из них одно
Дождливой осенью совсем обнажено,
И листья на другом, размокнув и желтея,
Чтоб лужу засорить, лишь только ждут Борея.
И только. На дворе живой собаки нет.
Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
Без шапки он; несет подмышкой гроб ребенка
И кличет издали ленивого попенка,
Чтоб тот отца позвал да церковь отворил.
Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.
Что ж ты нахмурился? — Нельзя ли блажь оставить!
И песенкою нас веселой позабавить? —

Куда же ты? — В Москву — чтоб графских именин
Мне здесь не прогулять.

— Постой — а карантин!
Ведь в нашей стороне индийская зараза.
Сиди, как у ворот угрюмого Кавказа
Бывало сиживал покорный твой слуга;
Что, брат? уж не трунишь, тоска берет — ага!

[К ПЕРЕВОДУ ИЛИАДЫ.]

[Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера,
Боком одним с образцом схож и его перевод.]

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

Исполнен отвагой,
Окутан плащом,
С гитарой и шпагой
Я здесь под окном.

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснется ли старый,
Мечом уложу.

Шелковые петли
К окошку привесь...
Что медлишь?... Уж нет ли
Соперника здесь?...

Я здесь, Инезилья,
Я здесь под окном.
Объята Севилья
И мраком и сном.

РИФМА.

Эхо, бессонная нимфа, скиталась по брегу Пенея.
Феб, увидев ее, страстию к ней воспылал.
Нимфа плод понесла восторгов влюбленного бога;
Меж говорливых наяд, мучась, она родила
Милую дочь. Ее прияла сама Мнемозина.
Резвая дева росла в хоре богинь-аонид,
Матери чуткой подобна, послушна памяти строгой,
Музам мила; на земле Рифмой зовется она.

ОТРОК.

Невод рыбак расстилал по брегу студеного моря;
　　Мальчик отцу помогал. Отрок, оставь рыбака!
Мрежи иные тебя ожидают, иные заботы:
　　Будешь умы уловлять, будешь помощник царям.

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!
Земля была ⟨б⟩ без них мертва,
Как   пустыня
И как алтарь без божества.

Когда порой воспоминанье
Грызет мне сердце в тишине,
И отдаленное страданье
Как тень опять бежит ко мне;
Когда людей вблизи видя
В пустыню скрыться я хочу,
Их слабый ум возненавидя, —
Тогда забывшись⟨?⟩ ⟨я⟩⟨?⟩ лечу
Не в светлый кр⟨ай⟩, где н⟨ебо блещет⟩
Неизъя⟨снимой⟩ си⟨невой⟩,
Где ⟨море⟩ те⟨плою волной⟩
На мрамор ветхой тихо плещет,
И лавр и тем⟨ный⟩ ки⟨парис⟩
На воле пыш⟨но⟩ разрослись,
Где пел Т⟨орквато величавый⟩,
Где и теперь ⟨во⟩ мг⟨ле⟩ но⟨чной⟩
Далече звонкою скалой
[Повторены] пловца октавы.
Стрем⟨люсь⟩ привычною меч⟨тою⟩
К студеным север⟨ным⟩ волн⟨ам⟩.
Меж белоглавой их толпою
Открытый⟨?⟩ остров вижу там.
Печальный остров — берег дикой
Усеян зимнею⟨?⟩ брусникой,
Увядшей тундрою покрыт
И хладной пеною подмыт.

Сюда порою [приплывает]
[Отважный северный рыбак],
Здесь рыбарь⟨?⟩ невод расстилает
[И свой] разводит он очаг.
Сюда погода волновая
Заносит [утлый⟨?⟩] мой⟨?⟩ челнок.

ЭПИГРАММА.

Не то беда, Авдей Флюгарин,
Что родом ты не русский барин,
Что на Парнасе ты цыган,
Что в свете ты Видок Фиглярин:
Беда, что скучен твой роман.

ЗАКЛИНАНИЕ.

О, если правда, что в ночи,
Когда покоятся живые,
И с неба лунные лучи
Скользят на камни гробовые,
О, если правда, что тогда
Пустеют тихие могилы —
Я тень зову, я жду Леилы:
Ко мне, мой друг, сюда, сюда!

Явись, возлюбленная тень,
Как ты была перед разлукой,
Бледна, хладна, как зимний день,
Искажена последней мукой.
Приди, как дальная звезда,
Как легкой звук иль дуновенье,
Иль как ужасное виденье,
Мне всё равно, сюда! сюда!...

Зову тебя не для того,
Чтоб укорять людей, чья злоба
Убила друга моего,
Иль чтоб изведать тайны гроба,
Не для того, что иногда
Сомненьем мучусь... но тоскуя
Хочу сказать, что всё люблю я,
Что всё я твой: сюда, сюда!

Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.

Стамбул отрекся от пророка;
В нем правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил —
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьет вино в часы молитвы.

Там веры чистый луч потух:
Там жены по базару ходят,
На перекрестки шлют старух,
А те мужчин в харемы вводят,
И спит подкупленный евнух.

Но не таков Арзрум нагорный,
Многодорожный наш Арзрум:
Не спим мы в роскоше позорной,
Не черплем чашей непокорной
В вине разврат, огонь и шум.

Постимся мы: струею трезвой
Одни фонтаны нас поят;
Толпой неистовой и резвой
Джигиты наши в бой летят.
Мы к женам, как орлы, ревнивы,
Харемы наши молчаливы,
Непроницаемы стоят.

Алла велик!
К нам из Стамбула
Пришел гонимый янычар —
Тогда нас буря долу гнула,
И пал неслыханный удар.
От Рущука до старой Смирны,
От Трапезунда до Тульчи,
Скликая псов на праздник жирный,
Толпой ходили палачи;
Треща в объятиях пожаров,
Валились домы янычаров;
Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На кольях скорчась мертвецы
Оцепенелые чернели.
Алла велик. — Тогда султан
Был духом гнева обуян.

⟨ДЕЛЬВИГУ.⟩

Мы рождены, мой брат названый,
Под одинаковой звездой.
[Киприда, Феб и Вакх румяный]
Играли нашею судьбой.

Явилися мы рано оба
На ипподром, а не на торг,
Вблизи Державинского гроба,
И шумный встретил нас восторг.

Избаловало нас начало.
И в гордой лености своей
Заботились мы оба мало
Судьбой гуляющих детей.

Но ты, сын [Феба] беззаботный,
Своих возвышенных затей
Не предавал рукой расчетной
Оценке хитрых торгашей.

В одних журналах нас ⟨ругали⟩,
Упреки те же слышим мы:
Мы любим славу⟨?⟩ да в б⟨окале⟩
Топить разгульные умы.

Твой слог могучий и кры⟨латый⟩⟨?⟩
Какой-то дразнит пародист,
И стих, надеждами⟨?⟩ ⟨богатый⟩⟨?⟩,
Жует беззубый журналист.

СТИХИ, СОЧИНЕННЫЕ НОЧЬЮ ВО ВРЕМЯ БЕССОННИЦЫ.

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня.
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шопот?
Укоризна, или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...

ГЕРОЙ.

Что есть истина?

Друг.

Да, слава в прихотях вольна.
Как огненный язык, она
По избранным главам летает,
С одной сегодня исчезает
И на другой уже видна.
За новизной бежать смиренно
Народ бессмысленный привык;
Но нам уж то чело священно,
Над коим вспыхнул сей язык.
На троне, на кровавом поле,
Меж граждан на чреде иной
Из сих избранных кто всех боле
Твоею властвует душой?

Поэт.

Всё он, всё он — пришлец сей бранный,
Пред кем смирилися цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

Друг.

Когда ж твой ум он поражает
Своею чудною звездой?

Тогда ль, как с Альпов он взирает
На дно Италии святой;
Тогда ли, как хватает знамя
Иль жезл диктаторский; тогда ль,
Как водит и кругом и вдаль
Войны стремительное пламя,
И пролетает ряд побед
Над ним одна другой вослед;
Тогда ль, как рать героя плещет
Перед громадой пирамид,
Иль как Москва пустынно блещет,
Его приемля, —и молчит?

Поэт.

Нет, не у Счастия на лоне
Его я вижу, не в бою,
Не зятем кесаря на троне;
Не там. где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым.
Не та картина предо мною!
Одров я вижу длинный строй,
Лежит на каждом труп живой,
Клейменный мощною чумою,
Царицею болезней... он,
Не бранной смертью окружен,
Нахмурясь, ходит меж одрами
И хладно руку жмет чуме,
И в погибающем уме
Рождает бодрость... Небесами
Клянусь: кто жизнию своей
Играл пред сумрачным недугом,
Чтоб ободрить угасший взор,
Клянусь, тот будет небу другом,
Каков бы ни был приговор
Земли слепой...

Друг.

Мечты поэта —
Историк строгой гонит вас!
Увы! его раздался глас, — *
И где ж очарованье света!

Поэт.

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран...

Друг.

Утешься......

29 сентября 1830
Москва.

* Mémoires de Bourrienne.

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья.

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало
И очи светлые, как небеса.
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров,

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

[Там] нежила меня [теней] прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,
И праздномыслить было мне отрада.

Любил я светлых вод и листьев шум,
И белые в тени дерев кумиры,
И в ликах их печать недвижных дум.

Всё — мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры —

Всё наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слезы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик младой —
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал —
Волшебный демон — лживый, но прекрасный.

Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось — холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Безвестных наслаждений темный голод
Меня терзал — уныние и лень
Меня сковали — тщетно был я молод.

[Средь отроков] я молча целый день
Бродил угрюмый — всё кумиры сада
На душу мне свою бросали тень.

НА ПЕРЕВОД ИЛИАДЫ.

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи;
Старца великого тень чую смущенной душой.

Для берегов отчизны дальной
Ты покидала край чужой;
В час незабвенный, в час печальный
Я долго плакал пред тобой.
Мои хладеющие руки
Тебя старались удержать;
Томленье страшное разлуки
Мой стон молил не прерывать.

Но ты от горького лобзанья
Свои уста оторвала;
Из края мрачного изгнанья
Ты в край иной меня звала.
Ты говорила: „В день свиданья
Под небом вечно голубым,
В тени олив, любви лобзанья
Мы вновь, мой друг, соединим“.

Но там, увы, где неба своды
Сияют в блеске голубом,
Где [тень олив легла] на воды,
Заснула ты последним сном.
Твоя краса, твои страданья
Исчезли в урне гробовой —
А с ⟨ними⟩ поцалуй свиданья...
Но жду его; он за тобой...

ОТРЫВОК.

Не розу Пафосскую,
Росой оживленную,
Я ныне пою;
Не розу Феосскую,
Вином окропленную,
Стихами хвалю;
Но розу счастливую,
На персях увядшую
[Элизы] моей....

ИЗ BARRY CORNWALL.

Here's a health to thee, Mary.

Пью за здравие Мери,
Милой Мери моей.
Тихо запер я двери
И один без гостей
Пью за здравие Мери.

Можно краше быть Мери,
Краше Мери моей,
Этой маленькой пери;
Но нельзя быть милей
Резвой, ласковой Мери.

Будь же счастлива, Мери,
Солнце жизни моей!
Ни тоски, ни потери,
Ни ненастливых дней
Пусть не ведает Мери.

Пред испанкой благородной
Двое рыцарей стоят.
Оба смело и свободно
В очи прямо ей глядят.
Блещут оба красотою,
Оба сердцем горячи,
Оба мощною рукою
Оперлися на мечи.

Жизни им она дороже
И, как слава, им мила;
Но один ей мил — кого же
Дева сердцем избрала?
„Кто, реши, любим тобою?“ —
Оба деве говорят
И с надеждой молодою
В очи прямо ей глядят.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ.

Смеясь жестоко над собратом,
Писаки русские толпой
Меня зовут аристократом.
Смотри, пожалуй, вздор какой!
Не офицер я, не асессор,
Я по кресту не дворянин,
Не академик, не профессор;
Я просто русской мещанин.

Понятна мне времен превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У нас нова рожденьем знатность,
И чем новее, тем знатней.
Родов дряхлеющих обломок
(И по несчастью не один),
Бояр старинных я потомок;
Я, братцы, мелкий мещанин.

Не торговал мой дед блинами,
Не ваксил царских сапогов,
Не пел с придворными дьячками,
В князья не прыгал из хохлов,
И не был беглым он солдатом
Австрийских пудреных дружин;
Так мне ли быть аристократом?
Я, слава богу, мещанин.

Мой предок Рача мышцой бранной
Святому Невскому служил;
Его потомство гнев венчанный,
Иван IV пощадил.
Водились Пушкины с царями;
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.

Смирив крамолу и коварство,
И ярость бранных непогод,
Когда Романовых на царство
Звал в грамоте своей народ,
Мы к оной руку приложили,
Нас жаловал страдальца сын.
Бывало нами дорожили;
Бывало.... но — я мещанин.

Упрямства дух нам всем подгадил:
В родню свою неукротим,
С Петром мой пращур не поладил
И был за то повешен им.
Его пример будь нам наукой:
Не любит споров властелин.
Счастлив князь Яков Долгорукой,
Умен покорный мещанин.

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Под гербовой моей печатью
Я кипу грамот схоронил

И не якшаюсь с новой знатью,
И крови спесь угомонил.
Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой: я мещанин.

Post scriptum.

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двигнулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.

Сей шкипер деду был доступен,
И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.

И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин.

Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин.
Что ж он в семье своей почтенной?
Он?... он в Мещанской дворянин.

ЦЫГАНЫ.

Над лесистыми брегами,
В час вечерней тишины,
Шум и песни под шатрами,
И огни разложены.

Здравствуй, счастливое племя!
Узнаю твои костры;
Я бы сам в иное время
Провождал сии шатры.

Завтра с первыми лучами
Ваш исчезнет вольный след,
Вы уйдете — но за вами
Не пойдет уж ваш поэт.

Он бродящие ночлеги
И проказы старины
Позабыл для сельской неги
И домашней тишины.

1831

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Всё спит кругом; одни лампады
Во мраке храма золотят
Столбов гранитные громады
И их знамен нависший ряд.

Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.

В твоем гробу восторг живет!
Он русской глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
„Иди, спасай!“ Ты встал — и спас...

Внемли ж и днесь наш верный глас,
Встань и спасай царя и нас,
О, старец грозный! На мгновенье
Явись у двери гробовой,

Явись, вдохни восторг и рвенье
Полкам, оставленным тобой!

Явись и дланию своей
Нам укажи в толпе вождей,
Кто твой наследник, твой избранный!
Но храм — в молчанье погружен,
И тих твоей могилы бранной
Невозмутимый, вечный сон...

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ.

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?....

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русской от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?....
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

⟨ИЗ ПИСЬМА К ВЯЗЕМСКОМУ.⟩

Любезный Вяземский, поэт и камергер...
(Василья Львовича узнал ли ты манер?
Так некогда письмо он начал к камергеру,
Украшенну ключом за Верность и за Веру)
Так солнце и на нас взглянуло из-за туч!
На заднице твоей сияет тот же ключ.
Ура! хвала и честь поэту-камергеру.
Пожалуй, от меня поздравь княгиню Веру.

⟨ИЗ ЗАПИСКИ К А. О. РОССЕТ.⟩

От вас узнал я плен Варшавы.
⟨ ⟩
Вы были вестницею славы
И вдохновеньем для меня.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА.

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: „Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!...
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.

И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русской штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них славянов кровь;
Но тяжко будет им похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под злаком северных полей!

Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прошеные гости!
Уж Польша вас не поведет:
Через ее шагнете кости!...“

Сбылось — и в день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк.

В боренье падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.

Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?... Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?

Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волынь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,

Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: всё стоит она!
А вкруг ее волненья пали —
И Польши участь решена...

Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!...
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.

Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы;
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благословляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего.

ЭХО.

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
На всякой звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.

Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
И шлешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!

Чем чаще празднует лицей
Свою святую годовщину,
Тем робче старый круг друзей
В семью стесняется едину,
Тем реже он; тем праздник наш
В своем веселии мрачнее;
Тем глуше звон заздравных чаш,
И наши песни тем грустнее.

Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались,
И мы средь пиршеств молодых
Душою часто омрачались;
Мы возмужали; рок судил
И нам житейски испытанья,
[И смерти дух] средь нас ходил
И назначал свои закланья.

Шесть мест упраздненных стоят,
Шести друзей не узрим боле,
Они разбросанные спят —
Кто здесь, кто там на ратном поле,
Кто дома, кто в земле чужой,
Кого недуг, кого печали
Свели во мрак земли сырой,
И надо всеми мы рыдали.

И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый,
Товарищ юности живой,
Товарищ юности унылой,
Товарищ песен молодых,
Пиров и чистых помышлений,
Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.

Тесней, о милые друзья,
Тесней наш верный круг составим,
Почившим песнь окончил я,
Живых надеждою поздравим,
Надеждой некогда опять
В пиру лицейском очутиться,
Всех остальных еще обнять
И новых жертв уж не страшиться.

1832

I.

И дале мы пошли — и страх обнял меня.
Бесенок, под себя поджав свое копыто,
Крутил ростовщика у адского огня.

Горячий капал жир в копченое корыто,
И лопал на огне печеный ростовщик.
А я: „Поведай мне: в сей казни что сокрыто?"

Виргилий мне: „Мой сын, сей казни смысл велик:
Одно стяжание имев всегда в предмете,
Жир должников своих сосал сей злой старик

И их безжалостно крутил на вашем свете."
Тут грешник жареный протяжно возопил:
„О, если б я теперь тонул в холодной Лете!

О, если б зимний дождь мне кожу остудил!
Сто на сто я терплю: процент неимоверный!"—
Тут звучно лопнул он — я взоры потупил.

Тогда услышал я (о диво!) запах скверный,
Как будто тухлое разбилось яицо,
Иль карантинный страж курил жаровней серной.

Я, нос себе зажав, отворотил лицо.
Но мудрый вождь тащил меня всё дале, дале —
И, камень приподняв за медное кольцо,

Сошли мы вниз — и я узрел себя в подвале.

II.

Тогда я демонов увидел черный рой,
Подобный издали ватаге муравьиной —
И бесы тешились проклятою игрой:

До свода адского касалася вершиной
Гора стеклянная, [как Арарат] остра —
И разлегалася над темною равниной.

И бесы, раскалив как жар чугун ядра,
[Пустили вниз его смердящими] когтями;
Ядро запрыгало — и гладкая гора,

Звеня, растрескалась колючими звездами.
Тогда других чертей нетерпеливый рой
За жертвой кинулся с ужасными словами.

Схватили под руки жену с ее сестрой,
И заголили их, и вниз пихнули с криком —
И обе сидючи пустились вниз стрелой...

Порыв отчаянья я внял в их вопле диком;
Стекло их резало, впивалось в тело им —
А бесы прыгали в веселии великом.

Я издали глядел — смущением томим.

МАЛЬЧИКУ.
(ИЗ КАТУЛЛА)

Minister vetuli, puer.

Пьяной горечью Фалерна
Чашу мне наполни, мальчик!
Так Постумия велела,
Председательница оргий.
Вы же, воды, прочь теките
И струей, вину враждебной,
Строгих постников поите:
Чистый нам любезен Бахус.

〈В АЛЬБОМ А. О. СМИРНОВОЙ.〉

В тревоге пестрой и бесплодной
Большого света и двора
Я сохранила взгляд холодный,
Простое сердце, ум свободный
И правды пламень благородный
И как дитя была добра;
Смеялась над толпою вздорной,
Судила здраво и светло,
И шутки злости самой черной
Писала прямо набело.

⟨В АЛЬБОМ КЖ. А. Д. АБАМЕЛЕК.⟩

Когда-то (помню с умиленьем)
Я смел вас няньчить с восхищеньем,
Вы были дивное дитя.
Вы расцвели — с благоговеньем
Вам ныне поклоняюсь я.
За вами сердцем и глазами
С невольным трепетом ношусь
И вашей славою и вами,
Как нянька старая, горжусь.

⟨ГНЕДИЧУ.⟩

С Гомером долго ты беседовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с таинственных вершин
И вынес нам свои скрижали.
И что ж? ты нас обрел в пустыне под шатром,
В безумстве суетного пира,
Поющих буйну песнь и скачущих кругом
От нас созданного кумира.
Смутились мы, твоих чуждаяся лучей.
В порыве гнева и печали
Ты проклял ли, пророк, бессмысленных детей,
Разбил ли ты свои скрижали?
О, ты не проклял нас. Ты любишь с высоты
Скрываться в тень долины малой,
Ты любишь гром небес, но также внемлешь ты
Жужжанью пчел над розой алой.
[Таков прямой поэт. Он сетует душой
На пышных играх Мельпомены,
И улыбается забаве площадной
И вольности лубочной сцены,]
То Рим его зовет, то гордый Илион,
То скалы старца Оссиана,
И с дивной легкостью меж тем летает он
Во след Бовы иль Еруслана.

КРАСАВИЦА.

Всё в ней гармония, всё диво,
Всё выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо
В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сияньи исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье,—
Но встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговея богомольно
Перед святыней красоты.

К ***

Нет, нет, не должен я, не смею, не могу
Волнениям любви безумно предаваться;
Спокойствие мое я строго берегу
И сердцу не даю пылать и забываться;
Нет, полно мне любить; но почему ж порой
Не погружуся я в минутное мечтанье,
Когда нечаянно пройдет передо мной
Младое, чистое, небесное созданье,
Пройдет и скроется? . . . Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселый мир души, беспечные досуги,
Всё — даже счастие того, кто избран ей,
Кто милой деве даст название супруги.

В АЛЬБОМ.

Гонимый рока самовластьем
От пышной далеко Москвы,
Я буду вспоминать с участьем
То место, где цветете вы.
Столичный шум меня тревожит;
Всегда в нем грустно я живу —
И ваша память только может
Одна напомнить мне Москву.

(ИЗ КСЕНОФАНА КОЛОФОНСКОГО.)

Чистый лоснится пол; стеклянные чаши блистают;
Все уж увенчаны гости; иной обоняет, зажмурясь,
Ладана сладостный дым; другой открывает амфору,
Запах веселый вина разливая далече; сосуды
Светлой студеной воды, золотистые хлебы, янтарный
Мед и сыр молодой — всё готово; весь убран цветами
Жертвенник. Хоры поют. Но в начале трапезы, о други,
Должно творить возлиянья, вещать благовещие речи,
Должно бессмертных молить, да сподобят нас чистой душою
Правду блюсти: ведь оно ж и легче. Теперь мы приступим:
Каждый в меру свою напивайся. Беда не велика
В ночь, возвращаясь домой, на раба опираться; но слава
Гостю, который за чашей беседует мудро и тихо!

(ИЗ АФЕНЕЯ.)

Славная флейта, Феон, здесь лежит. Предводителя хоров
 Старец, ослепший от лет, некогда Скѝрпал родил
И, вдохновенный, нарек младенца Феоном. За чашей
 Сладостно Вакха и муз славил приятный Феон.
Славил и Вàтала он, молодого красавца: прохожий!
 Мимо гробницы спеша, вымолви: здравствуй Феон!

Бог веселый винограда
Позволяет нам три чаши
Выпивать в пиру вечернем.
Первую во имя граций,
Обнаженных и стыдливых,
Посвящается вторая
Краснощекому здоровью,
Третья дружбе многолетной.
Мудрый после третьей чаши
Все венки с [главы] слагает
И творит уж возлиянья
Благодатному Морфею.

В АЛЬБОМ.

Долго сих листов заветных
Не касался я пером;
Виноват, в столе моем
Уж давно без строк приветных
Залежался твой альбом.
В именины, очень кстати,
Пожелать тебе я рад
Много всякой благодати,
Много сладостных отрад,—
На Парнасе много грома,
В жизни много тихих дней
И на совести твоей
Ни единого альбома
От красавиц, от друзей.

1833

Юноша! скромно пируй, и шумную Вакхову влагу
С трезвой струею воды, с мудрой беседой мешай.

ВИНО.
(ион хиосский).

Злое дитя, старик молодой, властелин добронравный,
Гордость внушающий нам, шумный заступник любви!

Царей потомок Меценат,
Мой покровитель стародавный,
Иные колесницу мчат
В ристалище под пылью славной
И, заповеданной ограды
Касаясь жгучим колесом,
Победной ждут себе награды
[И] [мнят быть] [равны] [с божеством].
Другие на свою главу
Сбирают титла знамениты,
Непостоянные квириты
Им предают молву.

ГУСАР.

Скребницей чистил он коня,
А сам ворчал, сердясь не в меру:
„Занес же вражий дух меня
На распроклятую квартеру!

Здесь человека берегут,
Как на турецкой перестрелке,
Насилу щей пустых дадут,
А уж не думай о горелке.

Здесь на тебя как лютый зверь
Глядит хозяин, а с хозяйкой —
Не бось, не выманишь за дверь
Ее ни честью, ни нагайкой.

То ль дело Киев! Что за край!
Валятся сами в рот галушки,
Вином — хоть пару поддавай,
А молодицы-молодушки!

Ей-ей, не жаль отдать души
За взгляд красотки *чернобривой.*
Одним, одним не хороши...“
— А чем же? расскажи, служивый.

Он стал крутить свой длинный ус
И начал: „Молвить без обиды,

Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп, а мы видали виды.

Ну, слушай: около Днепра
Стоял наш полк; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А муж-то помер, замечай-ка!

Вот с ней и подружился я;
Живем согласно, так что любо:
Прибью — Марусинька моя
Словечка не промолвит грубо;

Напьюсь — уложит, и сама
Опохмелиться приготовит;
Мигну бывало: Эй, кума! —
Кума ни в чем не прекословит.

Кажись: о чем бы горевать?
Живи в довольстве, безобидно;
Да нет: я вздумал ревновать.
Что делать? враг попутал видно.

Зачем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов? кто просит?
Шалит Марусинька моя;
Куда ее лукавый носит?

Я стал присматривать за ней.
Раз я лежу, глаза прищуря,
(А ночь была тюрьмы черней,
И на дворе шумела буря)

И слышу: кумушка моя
С печи тихохонько прыгнула,
Слегка обшарила меня,
Присела к печке, уголь вздула

И свечку тонкую зажгла,
Да в уголок пошла со свечкой,

Там с полки скляночку взяла
И, сев на веник перед печкой,

Разделась дòнага; потом
Из склянки три раза хлебнула,
И вдруг на венике верхом
Взвилась в трубу — и улизнула.

Эге! смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!...
И с печки слез — и вижу: склянка.

Понюхал: кисло! что за дрянь!
Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!

Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой —
Как фыркнет он! я: брысь!... И вот
И он туда же за лоханкой.

Я ну кропить во все углы
С плеча, во что уж ни попало;
И всё: горшки, скамьи, столы,
Марш! марш! всё в печку поскакало.

Кой чорт! подумал я: теперь
И мы попробуем! и духом
Всю склянку выпил; верь не верь —
Но к верху вдруг взвился я пухом.

Стремглав лечу, лечу, лечу,
Куда, не помню и не знаю;
Лишь встречным звездочкам кричу:
Правей!... и на земь упадаю.

Гляжу: гора. На той горе
Кипят котлы; поют, играют,

Свистят и в мерзостной игре
Жида с лягушкою венчают.

Я плюнул и сказать хотел...
И вдруг бежит моя Маруся:
Домой! кто̀ звал тебя, пострел?
Тебя съедят! Но я, не струся:

Домой? да! чорта с два! почем
Мне знать дорогу? — Ах, он странный!
Вот кочерга, садись верьхом
И убирайся, окаянный.

— Чтоб я, я сел на кочергу,
Гусар присяжный! Ах ты, дура!
Или предался я врагу?
Иль у тебя двойная шкура?

Коня! — На, ду̀рень, вот и конь. —
И точно: конь передо мною,
Скребет копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.

— Садись. — Вот сел я на коня,
Ищу уздечки, — нет уздечки.
Как взвился, как понес меня —
И очутились мы у печки.

Гляжу: всё так же; сам же я
Сижу верьхом, и подо мною
Не конь — а старая скамья:
Вот что случается порою".

И стал крутить он длинный ус,
Прибавя: „Молвить без обиды,
Ты, хлопец, может быть, не трус,
Да глуп а мы видали виды".

Царь увидел пред собой
Столик с шахмат⟨ной⟩ доской.

Вот на шахматную доску
Рать солдатиков из воску
Он расставил в стройный ряд.
Грозно куколки стоят,
Подбоченясь на лошадках,
В [коленкоровых] перчатках,
В оперенных шишачках,
С палашами на плечах.

Тут лохань перед собою
Приказал налить водою;
Плавать он пустил по ней
Тьму прекрасных кораблей,
Барок, каторог и шлюпок
Из ореховых скорлупок —
⟨ ⟩
⟨ ⟩
А прозрачные ветрильцы
Будто бабочкины крыльцы.

Французских рифмачей суровый судия,
О классик Депрео, к тебе взываю я:
Хотя постигнутый неумолимым роком
В своем отечестве престал ты быть пророком,
Хоть дерзких умников простерлася рука
На лавры твоего густого парика;
Хотя, растрепанный новейшей вольной школой,
К ней в гневе обратил ты свой затылок голый, —
Но я молю тебя, поклонник верный твой —
Будь мне вожатаем. Дерзаю за тобой
Занять кафедру ту, с которой в прежни лета
Ты слишком превознес достоинства сонета,
Но где торжествовал твой здравый приговор
Глупцам минувших лет, вранью тогдашних пор.
[Новейшие врали вралей старинных стоят —
И слишком уж меня их бредни беспокоят.
Ужели всё молчать, да слушать? О беда!....
Нет, всё им выскажу однажды за всегда.]

О вы, которые, восчувствовав отвагу,
Хватаете перо, мараете бумагу,
Тисненью предавать труды свои спеша,
Постойте — наперед узнайте, чем душа
У вас исполнена — прямым ли вдохновеньем
Иль необдуманным одним пополэновеньем,
И чешется у вас рука по пустякам,

Иль вам не верят в долг, а деньги нужны вам.
Не лучше ль стало б вам с надеждою смиренной
Заняться службою гражданской иль военной,
С хваленым Ж⟨уковым⟩ табачный торг завесть
И снискивать в труде себе барыш и честь,
Чем объявления совать во все журналы,
[Вельможе пошлые [кропая] мадригалы,
Над меньшей собратьей в поту лица острясь,
Иль выше мнения отважно вознесясь,
С оплошной публики (как некие писаки)
Подписку собирать — на будущие враки...]

В поле чистом серебрится
Снег волнистый и рябой,
[Светит месяц], тройка мчится
По дороге столбовой.

Пой: в часы дорожной скуки,
На дороге, в тьме ⟨ночной⟩
Сладки мне родные звуки
Звонкой песни удалой.

Пой, ямщик! Я [молча], жадно
Буду слушать голос твой.
Месяц ясный светит хладно,
Грустен ветра дальный вой.

[Пой: „Лучинушка, лучина,
Что же не светло горишь?“]

Сват Иван, как пить мы станем,
Непременно уж помянем
Трех Матрен, Луку с Петром,
Да Пахомовну потом.
Мы живали с ними дружно,
Уж как хочешь — будь что будь —
Этих надо помянуть,
Помянуть нам этих нужно.
Поминать, так поминать,
Начинать, так начинать,
Лить, так лить, разлив разливом.
Начинай-ка, сват, пора.
Трех Матрен, Луку, Петра
В первый⟨?⟩ раз⟨?⟩ помянем пивом,
А Пахомовну потом
Пирогами да вином,
Да еще ее помянем:
Сказки сказывать мы станем —
Мастерица ведь была
И откуда что брала.
А куды разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, былины
Православной старины!...
Слушать, так душе отрадно.
И не пил бы и не ел,

Всё бы слушал да сидел.
Кто придумал их так ладно?
Стариков когда-нибудь
(Жаль, теперь нам ⟨не⟩ досужно)
Надо будет помянуть —
Помянуть и этих нужно...
Слушай, сват, начну первой,
Сказка будет за тобой.

Чу, пушки грянули! крылатых кораблей
Покрылась облаком [станица боевая],
Корабль вбежал в Неву — и вот среди зыбей
Качаясь плавает, как [лебедь молодая].

[Ликует русский флот. Широкая Нева
Без ветра, в ясный день глубоко взволновалась,]
Широкая волна плеснула в острова

БУДРЫС И ЕГО СЫНОВЬЯ.

Три у Будрыса сына, как и он, три литвина.
Он пришел толковать с молодцами.
„Дети! седла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердышами.

Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замышлены в Вильне похода.
Паз идет на поляков, а Ольгерд на прусаков,
А на русских Кестут воевода.

Люди вы молодые, силачи удалые
(Да хранят вас литовские боги!),
Нынче сам я не еду, вас я шлю на победу;
Трое вас, вот и три вам дороги.

Будет всем по награде: пусть один в Новеграде
Поживится от русских добычей.
Жены их, как в окладах, в драгоценных нарядах;
Домы полны; богат их обычай.

А другой от прусаков, от проклятых крыжаков,
Может много достать дорогого,
Денег с целого света, сукон яркого цвета;
Янтаря — что песку там морского.

Третий с Пазом на ляха пусть ударит без страха:
  В Польше мало богатства и блеску,
Сабель взять там не худо; но уж верно оттуда
  Привезет он мне на дом невестку.

Нет на свете царицы краше польской девицы.
  Весела — что котенок у печки —
И как роза румяна, а бела, что сметана;
  Очи светятся будто две свечки!

Был я, дети, моложе, в Польшу съездил я тоже
  И оттуда привез себе жонку;
Вот и век доживаю, а всегда вспоминаю
  Про нее, как гляжу в ту сторонку."

Сыновья с ним простились и в дорогу пустились.
  Ждет, пождет их старик домовитый,
Дни за днями проводит, ни один не приходит.
  Будрыс думал: уж видно убиты!

Снег на землю валится, сын дорогою мчится,
  И под буркою ноша большая.
„Чем тебя наделили? что там? Ге! не рубли ли?"
  — „Нет, отец мой; полячка младая".

Снег пушистый валится; всадник с ношею мчится,
  Черной буркой ее покрывая.
„Что под буркой такое? Не сукно ли цветное?"
  — „Нет, отец мой; полячка младая."

Снег на землю валится, третий с ношею мчится,
  Черной буркой ее прикрывает.
Старый Будрыс хлопочет и спросить уж не хочет,
  А гостей на три свадьбы сзывает.

ВОЕВОДА.

Поздно ночью из похода
Воротился воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постеле;
Дернул полог... В самом деле!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнее черной ночи,
Он потупил грозны очи,
Стал крутить свой сивый ус...
Рукава назад закинул,
Вышел вон, замок задвинул;
„Гей, ты, кликнул, чортов кус!

А зачем нет у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я вас, хамы! — Дай ружье;
Приготовь мешок, веревку,
Да сними с гвоздя винтовку.
Ну, за мною!.... Я ж ее!“

Пан и хлопец под забором
Тихим крадутся дозором,
Входят в сад — и сквозь ветвей,
На скамейке у фонтана,

В белом платье, видят, панна
И мужчина перед ней.

Говорит он: „Всё пропало,
Чем лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье....
Воевода всё купил.

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлась.
Не искал он, не страдал он;
Серебром лишь побряцал он,
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,
Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лет ей и веселья,
И потом навек бежать."

Панна плачет и тоскует,
Он колени ей целует,
А сквозь ветви те глядят,
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполом заряд.

Подступили осторожно.
„Пан мой, целить мне не можно," —
Бедный хлопец прошептал: —
„Ветер, что ли; плачут очи,
Дрожь берет; в руках нет мочи,
Порох в полку не попал." —

— „Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мне время!
Сыпь на полку.... Наводи....
Цель ей в лоб. Левее.... выше.
С паном справлюсь сам. Потише;
Прежде я; ты погоди".

Выстрел по саду раздался.
Хлопец пана не дождался;
Воевода закричал,
Воевода пошатнулся.....
Хлопец видно промахнулся:
Прямо в лоб ему попал.

Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал....

Колокольчики звенят,
Барабанчики гремят,
А люди-то, люди —
Ой люшеньки-люли!
А люди-то, люди
На цыганочку глядят.

А цыганочка то пляшет,
В барабанчики то бьет,
То ширинкой алой машет,
Заливается-поет:
„Я плясунья, я певица,
Ворожить я мастерица“.

ОСЕНЬ.
(ОТРЫВОК)

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Державин.

I.

Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листы с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает.
Журча еще бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.

II.

Теперь моя пора: я не люблю весны;
Скучна мне оттепель; вонь, грязь — весной я болен;
Кровь бродит; чувства, ум тоскою стеснены.
Суровою зимой я более доволен,
Люблю ее снега; в присутствии луны
Как легкий бег саней с подругой быстр и волен,
Когда под соболем, согрета и свежа,
Она вам руку жмет, пылая и дрожа!

III.

Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми,
Иль киснуть у печей за стеклами двойными.

IV.

Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить, да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
И, проводив ее блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.

V.

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет. Сказать вам откровенно,
Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.

VI.

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.

Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

VII.

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

VIII.

И с каждой осенью я расцветаю вновь;
Здоровью моему полезен русской холод;
К привычкам бытия вновь чувствую любовь:
Чредой слетает сон, чредой находит голод;
Легко и радостно играет в сердце кровь,
Желания кипят — я снова счастлив, молод,
Я снова жизни полн — таков мой организм
(Извольте мне простить ненужный прозаизм).

IX.

Ведут ко мне коня; в раздолии открытом,
Махая гривою, он всадника несет,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промерзлый дол, и трескается лед.
Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
То тлеет медленно — а я пред ним читаю,
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X.

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

XI.

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны.

XII.

Плывет. Куда ж нам плыть? . . . .
. . . .
. . . .

Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.
Не то, чтоб разумом моим
Я дорожил; не то, чтоб с ним
Расстаться был не рад:

Когда б оставили меня
На воле, как бы резво я
Пустился в темный лес!
Я пел бы в пламенном бреду,
Я забывался бы в чаду
Нестройных, чудных грез.

И я б заслушивался волн,
И я глядел бы, счастья полн,
В пустые небеса;
И силен, волен был бы я,
Как вихорь, роющий поля,
Ломающий леса.

Да вот беда: сойди с ума,
И страшен будешь как чума,
Как раз тебя запрут,
Посадят на цепь дурака

И сквозь решетку как зверка
  Дразнить тебя придут.

А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
  Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих
Да брань смотрителей ночных,
Да визг, да звон оков.

⟨Дук.⟩

Вам объяснять правления начала
Излишним было б для меня трудом —
Не нужно вам ничьих советов. —Знаньем
Превыше сами вы всего. Мне только
Во всем на вас осталось положиться.
Народный дух, [законы], ход правленья
Постигли вы верней, чем кто б то ни был.
Вот вам наказ: желательно б нам было,
Чтоб от него не [отшатнулись] вы.
Позвать к нам Анджело.
Каков он будет
По мненью вашему на нашем месте?
Вы знаете, что нами он назначен
Нас заменить в отсутствии, что мы
И милостью ⟨и⟩ страхом облекли
Наместника всей нашей власти, что же
Об нем вы мните?

Е⟨скал.⟩

Если в целой Вене
Сей почести достоин кто-нибудь,
Так это Анджело.

⟨Дук.⟩

Вот он идет.

А⟨нджело.⟩

Послушен вашей милостивой воле,
Спешу принять я ваши приказанья.

⟨Дук.⟩

Анджело, жизнь твоя являет
То, что с тобою совершится впредь.

⟨ПЛЕТНЕВУ.⟩

Ты хочешь, мой [наперсник строгой],
Боев парнасских судия,
Чтоб   тревогой
⟨   ⟩
На прежний лад   настроя,
Давно забытого героя,
Когда-то бывшего в чести,
Опять на сцену привести.
Ты говоришь:
Онегин жив, и будет он
Еще нескоро схоронен.
О нем вестей ты много знаешь,
[И с Петербурга и Москвы]
[Возьмут оброк его главы]

1834

Я возмужал [среди] печальных бурь,
И дней моих поток, так долго мутный,
[Теперь утих] [дремотою минутной]
И отразил небесную лазурь.

[Надолго ли?... а кажется прошли
Дни мрачных бурь, дни горьких искушений]

Пора, мой друг, пора! [покоя] сердце просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить, и глядь — как раз — умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег.

Он между нами жил
Средь племени ему чужого, злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами
И песнями (он вдохновен был свыше
И с высока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта. Он
Ушел на запад — и благословеньем
Его мы проводили. Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом — и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,
Знакомый голос!... боже! освяти
В нем сердце правдою твоей и миром
И возврати ему

Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя
Широко развилось, как боевое знамя.
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый [страхом],
Под каменным дождем, [под воспаленным прахом],
Толпами, стар и млад, бежит из града вон.

Стою печален на кладбище.
Гляжу кругом — обнажено
Святое смерти пепелище
И степью лишь окружено.
И мимо вечного ночлега
Дорога сельская лежит,
По ней рабочая телега
изредка стучит.
Одна равнина справа, слева.
Ни речки, ни холма, ни древа.
Кой-где чуть видятся кусты.
Немые камни и могилы
И деревянные кресты
Однообразны и унылы.

ПЕСНИ ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН.

Предисловие.

Большая часть этих песен взята мною из книги, вышедшей в Париже в конце 1827 *года, под названием* La Guzla, ou choix de Poésies Illyriques, recueillies dans la Dalmatie, la Bosnie, la Croatie et l'Herzégowine. *Неизвестный издатель говорил в своем предисловии, что, собирая некогда безыскусственные песни полудикого племени, он не думал их обнародовать, но что потом, заметив распространяющийся вкус к произведениям иностранным, особенно к тем, которые в своих формах удаляются от классических образцов, вспомнил он о собрании своем и, по совету друзей, перевел некоторые из сих поэм, и проч. Сей неизвестный собиратель был не кто иной, как Мериме, острый и оригинальный писатель, автор Театра Клары Газюль, Хроники времен Карла IX, Двойной Ошибки и других произведений, чрезвычайно замечательных в глубоком и жалком упадке нынешней французской литературы. Поэт Мицкевич, критик зоркий и тонкий и знаток в славенской поэзии, не усумнился в подлинности сих песен, а какой-то ученый немец написал о них пространную диссертацию.*

Мне очень хотелось знать, на чем основано изобретение странных сих песен: С. А. Соболевский, по моей просьбе, писал о том к Мериме, с которым был он коротко знаком, и в ответ получил следующее письмо:

Paris. 18 janvier 1835.

Je croyais, Monsieur, que la Guzla n'avait eu que sept lecteurs, vous, moi et le prote compris; je vois avec bien du plaisir que

j'en puis compter deux de plus ce qui forme un joli total de neuf et confirme le proverbe que nul n'est prophète en son pays. Je répondrai candidement à vos questions. La Guzla a été composée par moi pour deux motifs, dont le premier était de me moquer de la couleur locale dans laquelle nous nous jetions à plein collier vers l'an de grâce 1827. Pour vous rendre compte de l'autre motif je suis obligé de vous conter une histoire. En cette même année 1827, un de mes amis et moi nons avions formé le projet de faire un voyage en Italie. Nous étions devant une carte traçant au crayon notre itinéraire; arrivés à Venise, sur la carte s'entend, et ennuyés des anglais et des allemands que nous rencontrions, je proposai d'aller à Trieste, puis de là à Raguse. La proposition fut adoptée, mais nous étions fort légers d'argent et cette „douleur nompareille" comme dit Rabelais nous arrêtait au milieu de nos plans. Je proposai alors d'écrire d'avance notre voyage, de le vendre à un libraire et d'employer le prix à voir si nous nous étions beaucoup trompés. Je demandai pour ma part à colliger les poésies populaires et à les traduire, on me mit au défi, et le lendemain j'apportai à mon compagnon de voyage cinq ou six de ces traductions. Je passais l'automne à la campagne. On déjeunait à midi et je me levais à dix heures, quand j'avais fumé un ou deux cigares ne sachant que faire, avant que les femmes ne paraissent au salon, j'écrivais une ballade. Il en résulta un petit volume que je publiai en grand secret et qui mystifia deux ou trois personnes. Voici les sources où j'ai puisé cette couleur locale tant vantée: d'abord une petite brochure d'un consul de France à Bonialouka. J'en ai oublié le titre, l'analyse en serait facile. L'auteur cherche à prouver que les Bosniaques sont de fiers cochons, et il en donne d'assez bonnes raisons. Il cite par-ci par-là quelques mots illyriques pour faire parade de son savoir (il en savait peut-être autant que moi). J'ai recueilli ces mots avec soin et les ai mis dans mes notes. Puis j'avais lu le chapitre intitulé. De' costumi dei Morlachi, dans le voyage en Dalmatie de Fortis. Il a donné le texte et la traduction de la complainte de la femme de Hassan Aga qui est réellement illyrique; mais cette traduction était en vers. Je me donnai une peine infinie pour avoir une traduction littérale en comparant les mots du texte qui étaient répétés avec l'interprétation de l'abbé Fortis. A force de patience,

j'obtins le mot à mot, mais j'etais embarrassé encore sur quelques points. Je m'adressai à un de mes amis qui sait le russe. Je lui lisais le texte en le prononçant à l'italienne, et il le comprit presque entièrement. Le bon fut, que Nodier qui avait déterré Fortis et la ballade Hassan Aga, et l'avait traduite sur la traduction poétique de l'abbé en la poétisant encore dans sa prose, Nodier cria comme un aigle que je l'avais pillé. Le premier vers illyrique est:

Scto se bieli u *gorje* zelenoi

Fortis a traduit:

Che mai biancheggia nel verde *Bosco*

Nodier a traduit bosco par *plaine verdoyante;* c'était mal tomber, car on me dit que *gorje* veut dire colline. Voilà mon histoire. Faites mes excuses à M. Pouchkine. Je suis fier et honteux à la fois de l'avoir attrapé, и проч.

1.

ВИДЕНИЕ КОРОЛЯ.[1]

Король ходит большими шагами
Взад и вперед по палатам;
Люди спят — королю лишь не спится:
Короля султан осаждает,
Голову отсечь ему грозится
И в Стамбул отослать ее хочет.

Часто он подходит к окошку;
Не услышит ли какого шума?
Слышит, воет ночная птица,
Она чует беду неминучу,
Скоро ей искать новой кровли
Для своих птенцов горемычных.

Не сова воет в Ключе-граде,
Не луна Ключ-город озаряет,
В церкви божией гремят барабаны,
Вся свечами озарена церковь.

Но никто барабанов не слышит,
Никто света в церкви божией не видит,
Лишь король то слышал и видел;
Из палат своих он выходит
И идет один в божию церковь.

Стал на паперти, дверь отворяет...
Ужасом в нем замерло сердце,
Но великую творит он молитву
И спокойно в церковь божию входит.

Тут он видит чудное виденье:
На помосте валяются трупы,
Между ими хлещет кровь ручьями,
Как потоки осени дождливой.
Он идет, шагая через трупы,
Кровь по щиколку[2] ему досягает...

Горе! в церкви турки и татары
И предатели, враги *богумилы*.[3]
На амвоне сам султан безбожный,
Держит он на-голо саблю,
Кровь по сабле свежая струится
С вострия до самой рукояти.

Короля незапный обнял холод:
Тут же видит он отца и брата.
Пред султаном старик бедный справа,
Униженно стоя на коленах,
Подает ему свою корону;
Слева, также стоя на коленах,
Его сын, Радивой окаянный,
Басурманскою чалмою покрытый
(С тою самою веревкою, которой
Удавил он несчастного старца),
Край полы у султана целует,
Как холоп, наказанный *фалангой*.[4]

И султан безбожный, усмехаясь,
Взял корону, растоптал ногами,
И промолвил потом Радивою:
„Будь над Боснией моей ты властелином,
Для гяур-християн беглербеем".[5]

И отступник бил челом султану,
Трижды пол окровавленный целуя.

И султан прислужников кликнул
И сказал: „Дать кафтан Радивою![6]
Не бархатный кафтан, не парчевый,
А содрать на кафтан Радивоя
Кожу с брата его родного“.
Бусурмане на короля наскочили,
До-нага всего его раздели,
Атаганом ему кожу вспороли,
Стали драть руками и зубами,
Обнажили мясо и жилы,
И до самых костей ободрали,
И одели кожею Радивоя.

Громко мученик господу взмолился:
„Прав ты, боже, меня наказуя!
Плоть мою предай на растерзанье,
Лишь помилуй мне душу, Иисусе!“

При сем имени церковь задрожала,
Всё внезапно утихнуло, померкло, —
Всё исчезло — будто не бывало.

И король ощупью в потемках
Коё-как до двери добрался
И с молитвою на улицу вышел.

Было тихо. С высокого неба
Город белый луна озаряла.
Вдруг взвилась из-за города бомба,[7]
И пошли бусурмане на приступ.

2.

ЯНКО МАРНАВИЧ.

Что в разъездах бей Янко Марнавич?
Что ему дома не сидится?
Отчего двух ночей он сряду
Под одною кровлей не ночует?
Али недруги его могучи?
Аль боится он кровомщенья?

Не боится бей Янко Марнавич
Ни врагов своих, ни кровомщенья.
Но он бродит, как гайдук бездомный
С той поры, как Кирила умер.

В церкви Спаса они братовались,
И были по богу братья;
Но Кирила несчастливый умер
От руки им избранного брата.

Веселóе было пированье,
Много пили меду и горелки;
Охмелели, обезумели гости,
Два могучие беи побранились.

Янко выстрелил из своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.
В супротивника своего не попал он,
А попал он в своего друга.
С того времени он тоскуя бродит,
Словно вол, ужаленный змиею.

Наконец он на родину воротился
И вошел в церковь святого Спаса.
Там день целый он молился богу,
Горько плача и жалостно рыдая.
Ночью он пришел к себе на дом
И отужинал со своей семьею,

Потом лег и жене своей молвил:
„Посмотри, жена, ты в окошко.
Видишь ли церковь Спаса отселе?“
Жена встала, в окошко поглядела
И сказала: „На дворе полночь,
За рекою густые туманы,
За туманом ничего не видно“.
Повернулся Янко Марнавич
И тихонько стал читать молитву.

Помолившись, он опять ей молвил:
„Посмотри, что ты видишь в окошко?“
И жена, поглядев, отвечала:
„Вижу, вон, малый огонечек
Чуть-чуть брезжит в темноте за рекою“.
Улыбнулся Янко Марнавич
И опять стал тихонько молиться.

Помолясь, он опять жене молвил:
„Отвори-ка, женка, ты окошко:
Посмотри, что там еще видно?“
И жена, поглядев, отвечала:
„Вижу я на реке сиянье,
Близится оно к нашему дому“.
Бей вздохнул и с постели свалился.
Тут и смерть ему приключилась.

3.

БИТВА У ЗЕНИЦЫ-ВЕЛИКОЙ.[9]

Радивой поднял желтое знамя:
Он идет войной на бусурмана.
А далматы, завидя наше войско,
Свои длинные усы закрутили,
На бекрень надели свои шапки
И сказали: „Возьмите нас с собою:[10]
Мы хотим воевать бусурманов“.

Радивой дружелюбно их принял
И сказал им: „Милости просим!"
Перешли мы заповедную речку,
Стали жечь турецкие деревни,
А жидов на деревьях вешать.[11]
Беглербей со своими бошняками
Против нас пришел из Банялуки;[12]
Но лишь только заржали их кони,
И на солнце их кривые сабли
Засверкали у Зеницы-Великой,
Разбежались изменники далматы;
Окружили мы тогда Радивоя
И сказали: „Господь бог поможет,
Мы домой воротимся с тобою
И расскажем эту битву нашим детям".
Стали биться мы тогда жестоко,
Всяк из нас троих воинов стоил;
Кровью были покрыты наши сабли
С острия по самой рукояти.
Но когда через речку стали
Тесной кучкою мы переправляться,
Селихтар[13] с крыла на нас ударил
С новым войском, с конницею свежей.
Радивой сказал тогда нам: „Дети,
Слишком много собак-бусурманов,
Нам управиться с ними невозможно.
Кто не ранен, в лес беги скорее
И спасайся там от Селихтара".
Всех-то нас оставалось двадцать,
Все друзья, родные Радивою,
Но и тут нас пало девятнадцать;
Закричал Георгий Радивою:
„Ты садись, Радивой, поскорее
На коня моего вороного;
Через речку вплавь переправляйся,
Конь тебя из погибели вымчит".
Радивой Георгия не послушал,
Наземь сел, поджав под себя ноги.

Тут враги на него наскочили,
Отрубили голову Радивою.

4.

ФЕОДОР И ЕЛЕНА.

. . . .
. . . .
Стамати был стар и бессилен,
А Елена молода и проворна;
Она так-то его оттолкнула,
Что ушел он охая да хромая.
По делом тебе, старый бесстыдник!
Ай да баба! отделалась славно!

Вот Стамати стал думать думу:
Как ему погубить бы Елену?
Он к жиду лиходею приходит,
От него он требует совета.
Жид сказал: „Ступай на кладбище,
Отыщи под каменьями жабу
И в горшке сюда принеси мне“.

На кладбище приходит Стамати,
Отыскал под каменьями жабу [14]
И в горшке жиду ее приносит.
Жид на жабу проливает воду,
Нарекает жабу Иваном
(Грех велик христианское имя
Нарещи такой поганой твари!).
Они жабу всю потом искололи,
И ее — ее ж кровью напоили;
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспелую сливу.

И Стамати мальчику молвил:
„Отнеси ты Елене эту сливу
От моей племянницы в подарок".
Принес мальчик Елене сливу,
А Елена тотчас ее съела.

Только съела поганую сливу,
Показалось бедной молодице,
Что змия у ней в животе шевелится.
Испугалась молодая Елена;
Она кликнула сестру свою меньшую.
Та ее молоком напоила,
Но змия в животе всё шевелилась.

Стала пухнуть прекрасная Елена,
Стали баить: Елена брюхата.
Каково-то будет ей от мужа,
Как воротится он из-за моря!
И Елена стыдится и плачет,
И на улицу выйти не смеет,
День сидит, ночью ей не спится,
Поминутно сестрице повторяет:
„Что скажу я милому мужу?"

Круглый год проходит, и — Феодор
Воротился на свою сторонку.
Вся деревня бежит к нему на встречу,
Все его приветно поздравляют;
Но в толпе не видит он Елены,
Как ни ищет он ее глазами.
„Где ж Елена?" наконец он молвил;
Кто смутился, а кто усмехнулся,
Но никто не отвечал ни слова.

Пришел он в дом свой — и видит,
На постеле сидит его Елена.
„Встань, Елена", говорит Феодор.
Она встала, — он взглянул сурово.

„Господин ты мой, клянусь богом
И пречистым именем Марии,
Пред тобою я не виновата,
Испортили меня злые люди".

Но Феодор жене не поверил:
Он отсек ей голову по плечи.
Отсекши, он сам себе молвил:
„Не сгублю я невинного младенца,
Из нее выну его живого,
При себе воспитывать буду.
Я увижу, на кого он походит,
Так наверно отца его узнаю
И убью своего злодея".

Распорол он мертвое тело.
Что ж! — на место милого дитяти,
Он черную жабу находит.
Взвыл Феодор: „Горе мне, убийце!
Я сгубил Елену понапрасну:
Предо мной она была невинна,
А испортили ее злые люди".

Поднял он голову Елены,
Стал ее целовать умиленно,
И мертвые уста отворились,
Голова Елены провещала:

„Я невинна. Жид и старый Стамати
Черной жабой меня окормили".
Тут опять уста ее сомкнулись,
И язык перестал шевелиться.

И Феодор Стамати зарезал,
А жида убил, как собаку,
И отпел по жене панихиду.

5.

ВЛАХ В ВЕНЕЦИИ.[15]

Как покинула меня Парасковья,
И как я с печали промотался,
Вот далмат пришел ко мне лукавый:
„Ступай, Дмитрий, в морской ты город,
Там цехины, что у нас каменья.

Там солдаты в шелковых кафтанах,
И только что пьют да гуляют:
Скоро там ты разбогатеешь
И воротишься в шитом долимане
С кинжалом на серебряной цепочке.

И тогда-то играй себе на гуслях;
Красавицы побегут к окошкам
И подарками тебя закидают.
Эй, послушайся! отправляйся морем;
Воротись, когда разбогатеешь“.

Я послушался лукавого далмата.
Вот живу в этой мраморной лодке,
Но мне скучно, хлеб их мне, как камень,
Я неволен, как на привязи собака.

Надо мною женщины смеются,
Когда слово я по-нашему молвлю;
Наши здесь язык свой позабыли,
Позабыли и наш родной обычай;
Я завял, как пересаженный кустик.

Как у нас бывало кого встречу,
Слышу: „Здравствуй, Дмитрий Алексеич!“
Здесь не слышу доброго привета,
Не дождуся ласкового слова;
Здесь я точно бедная мурашка,
Занесенная в озеро бурей.

6.

ГАЙДУК ХРИЗИЧ.

В пещере, на острых каменьях
Притаился храбрый гайдук Хризич.[16]
С ним жена его Катерина,
С ним его два милые сына,
Им нельзя из пещеры выдти.
Стерегут их недруги злые.
Коли чуть они голову подымут,
В них прицелятся тотчас сорок ружей.
Они три дня, три ночи не ели,
Пили только воду дождевую,
Накопленную во впадине камня.
На четвертый взошло красно-солнце,
И вода во впадине иссякла.
Тогда молвила, вздохнувши, Катерина:
„Господь бог! помилуй наши души!“
И упала мертвая на землю.
Хризич, глядя на нее, не заплакал,
Сыновья плакать при нем не смели;
Они только очи отирали,
Как от них отворачивался Хризич.
В пятый день старший сын обезумел,
Стал глядеть он на мертвую матерь,
Будто волк на спящую ко̀зу.
Его брат, видя то, испугался.
Закричал он старшему брату:
„Милый брат! не губи свою душу;
Ты напейся горячей моей крови,
А умрем мы голодною смертью,
Станем мы выходить из могилы
Кровь сосать наших недругов спящих“.[17]
Хризич встал и промолвил: „Полно!
Лучше пуля, чем голод и жажда“.
И все трое со скалы в долину
Сбежали, как бешеные волки.
Семерых убил из них каждый,

Семью пулями каждый из них прострелен;
Головы враги у них отсекли
И на копья свои насадили,—
А и тут глядеть на них не смели.
Так им страшен был Хризич с сыновьями.

7.

ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ

ИАКИНФА МАГЛАНОВИЧА.[18]

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

Пуля легче лихорадки;
Волен умер ты, как жил.
Враг твой мчался без оглядки;
Но твой сын его убил.

Вспоминай нас за могилой,
Коль сойдетесь как-нибудь;
От меня отцу, брат милый,
Поклониться не забудь!

Ты скажи ему, что рана
У меня уж зажила;
Я здоров, — и сына Яна
Мне хозяйка родила.

Деду в честь он назван Яном;
Умный мальчик у меня;
Уж владеет ятаганом
И стреляет из ружья.

Дочь моя живет в Лизгоре;
С мужем ей не скучно там.

Тварк ушел давно уж в море;
Жив иль нет, — узнаешь сам.

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна.

8.

МАРКО ЯКУБОВИЧ.

У ворот сидел Марко Якубович;
Перед ним сидела его Зоя,
А мальчишка их играл у порогу.
По дороге к ним идет незнакомец,
Бледен он и чуть ноги волочит,
Просит он напиться, ради бога.
Зоя встала и пошла за водою,
И прохожему вынесла ковшик,
И прохожий до дна его выпил.
Вот, напившись, говорит он Марке:
„Это что под горою там видно?“
Отвечает Марко Якубович:
„То кладбище наше родовое“.
Говорит незнакомый прохожий:
„Отдыхать мне на вашем кладбище,
Потому что мне жить уж не долго“.
Тут широкий розвил он пояс,
Кажет Марке кровавую рану.
„Три дня,— молвил,— ношу я под сердцем
Бусурмана свинцовую пулю.
Как умру, ты зарой мое тело
За горой, под зеленою ивой.
И со мной положи мою саблю,
Потому что я славный был воин“.

Поддержала Зоя незнакомца,
А Марко стал осматривать рану.

Вдруг сказала молодая Зоя:
„Помоги мне, Марко, я не в силах
Поддержать гостя нашего доле".
Тут увидел Марко Якубович,
Что прохожий на руках ее умер.

Марко сел на коня вороного,
Взял с собою мертвое тело
И поехал с ним на кладбище.
Там глубокую вырыли могилу
И с молитвой мертвеца схоронили.
Вот проходит неделя, другая,
Стал худеть сыночек у Марка;
Перестал он бегать и резвиться,
Всё лежал на рогоже да охал.
К Якубовичу калуер приходит,—
Посмотрел на ребенка и молвил:
„Сын твой болен опасною болезнью;
Посмотри на белую его шею:
Видишь ты кровавую ранку?
Это зуб вурдалака,[19] поверь мне".

Вся деревня за старцем калуером
Отправилась тотчас на кладбище;
Там могилу прохожего разрыли,
Видят,—труп румяный и свежий,—
Ногти выросли, как вороньи когти,
А лицо обросло бородою,
Алой кровью вымазаны губы,—
Полна крови глубокая могила.
Бедный Марко колом замахнулся,
Но мертвец завизжал и проворно
Из могилы в лес бегом пустился.
Он бежал быстрее, чем лошадь,
Стременами острыми язвима;
И кусточки под ним так и гнулись,
А суки дерев так и трещали,
Ломаясь, как замерзлые прутья.

Калуер могильною землею[20]
Ребенка больного всего вытер,
И весь день творил над ним молитвы.
На закате красного солнца
Зоя мужу своему сказала:
„Помнишь? ровно тому две недели,
В эту пору умер злой прохожий“.

Вдруг собака громко завыла,
Отворилась дверь сама собою,
И вошел великан, наклонившись,
Сел он, ноги под себя поджавши,
Потолка головою касаясь.
Он на Марка глядел неподвижно,
Неподвижно глядел на него Марко,
Очарован ужасным его взором;
Но старик, молитвенник раскрывши,
Запалил кипарисную ветку,
И подул дым на великана.
И затрясся вурдалак проклятый,
В двери бросился и бежать пустился,
Будто волк, охотником гонимый.

На другие сутки в ту же пору
Пес залаял, дверь отворилась,
И вошел человек незнакомый.
Был он ростом, как цесарский рекрут.
Сел он молча и стал глядеть на Марко;
Но старик молитвой его прогнал.

В третий день вошел карлик малый,—
Мог бы он верьхом сидеть на крысе,
Но сверкали у него злые глазки.
И старик в третий раз его прогнал,
И с тех пор уж он не возвращался.

9.

БОНАПАРТ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

„Черногорцы? что такое? —
Бонапарте вопросил: —
Правда ль: это племя злое,
Не боится наших сил?

Так раскаятся ж нахалы:
Объявить их старшинам,
Чтобы ружья и кинжалы
Все несли к моим ногам“.

Вот он шлет на нас пехоту
С сотней пушек и мортир,
И своих мамлюков роту,
И косматых кирасир.

Нам сдаваться нет охоты,—
Черногорцы таковы!
Для коней и для пехоты
Камни есть у нас и рвы......

Мы засели в наши норы
И гостей незваных ждем,—
Вот они вступили в горы,
Истребляя всё кругом.

. . . .
. . . .

Идут тесно под скалами.
Вдруг, смятение!... Глядят:
У себя над головами
Красных шапок видят ряд.

„Стой! пали! Пусть каждый сбросит
Черногорца одного.

Здесь пощады враг не просит:
Не щадите ж никого!“

Ружья грянули,— упали
Шапки красные с шестов:
Мы под ними ниц лежали,
Притаясь между кустов.

Дружным залпом отвечали
Мы французам. — „Это что? —
Удивясь, они сказали: —
Эхо, что ли?“ Нет, не то!

Их полковник повалился.
С ним сто двадцать человек.
Весь отряд его смутился,
Кто, как мог, пустился в бег.

И французы ненавидят
С той поры наш вольный край
И краснеют, коль завидят
Шапку нашу не взначай.

10.

СОЛОВЕЙ.

Соловей мой, соловейко,
Птица малая лесная!
У тебя ль, у малой птицы,
Незаменные три песни,
У меня ли, у молодца,
Три великие заботы!
Как уж первая забота,—
Рано молодца женили;
А вторая-то забота,—
Ворон конь мой притомился;

Как уж третья-то забота,—
Красну-девицу со мною
Разлучили злые люди.
Вы копайте мне могилу
Во поле, поле широком,
В головах мне посадите
Алы цветики-цветочки,
А в ногах мне проведите
Чисту воду ключевую.
Пройдут мимо красны девки,
Так сплетут себе веночки.
Пойдут мимо стары люди,
Так воды себе зачерпнут.

11.

ПЕСНЯ О ГЕОРГИЕ ЧЕРНОМ.

Не два волка в овраге грызутся,
Отец с сыном в пещере бранятся.
Старый Петро сына укоряет:
„Бунтовщик ты, злодей проклятый!
Не боишься ты господа бога,
Где тебе с султаном тягаться,
Воевать с белградским пашою!
Аль о двух головах ты родился?
Пропадай ты себе, окаянный,
Да зачем ты всю Сербию губишь?“
Отвечает Георгий угрюмо:
„Из ума, старик, видно, выжил,
Коли лаешь безумные речи“.
Старый Петро пуще осердился,
Пуще он бранится, бушует.
Хочет он отправиться в Белград,
Туркам выдать ослушного сына,
Объявить убежище сербов.
Он из темной пещеры выходит;

Георгий старика догоняет:
„Воротися, отец, воротися!
Отпусти мне невольное слово“.
Старый Петро не слушает, грозится:
„Вот ужо, разбойник, тебе будет!“
Сын ему вперед забегает,
Старику кланяется в ноги.
Не взглянул на сына старый Петро.
Догоняет вновь его Георгий
И хватает за сивую косу.
„Воротись, ради господа бога:
Не введи ты меня в искушенье!“
Отпихнул старик его сердито
И пошел по белградской дороге.
Горько, горько Георгий заплакал,
Пистолет из-за пояса вынул,
Взвел курок, да и выстрелил тут же.
Закричал Петро, зашатавшись:
„Помоги мне, Георгий, я ранен!“
И упал на дорогу бездыханен.
Сын бегом в пещеру воротился;
Его мать вышла ему на встречу.
„Что, Георгий, куда делся Петро?“
Отвечает Георгий сурово:
„За обедом старик пьян напился
И заснул на белградской дороге“.[21]
Догадалась она, завопила:
„Будь же богом проклят ты, черный,
Коль убил ты отца родного!“
С той поры Георгий Петрович
У людей прозывается Черный.

12.

ВОЕВОДА МИЛОШ.

Над Сербией смилуйся ты, боже!
Заедают нас волки янычары!
Без вины нам головы режут,

Наших жен обижают, позорят,
Сыновей в неволю забирают,
Красных девок заставляют в насмешку
Распевать зазорные песни
И плясать басурманские пляски.
Старики даже с нами согласны:
Унимать нас они перестали, —
Уж и им нестерпимо насилье.
Гусляры нас в глаза укоряют:
Долго ль вам мирволить янычарам?
Долго ль вам терпеть оплеухи?
Или вы уж не сербы, — цыганы?
Или вы не мужчины, — старухи?
Вы бросайте ваши белые домы,
Уходите в Велийское ущелье, —
Там гроза готовится на турок,
Там дружину свою собирает
Старый сербин, воевода Милош.

13.

ВУРДАЛАК.

Трусоват был Ваня бедный:
Раз он позднею порой,
Весь в поту, от страха бледный,
Чрез кладбище шел домой.

Бедный Ваня еле дышет,
Спотыкаясь, чуть бредет
По могилам; вдруг он слышит, —
Кто-то кость, ворча, грызет.

Ваня стал; — шагнуть не может.
Боже! думает бедняк,
Это верно кости гложет
Красногубый вурдалак.

Горе! малый я не сильный;
Съест упырь меня совсем,
Если сам земли могильной
Я с молитвою не съем.

Что же? вместо вурдалака —
(Вы представьте Вани злость!)
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.

14.

СЕСТРА И БРАТЬЯ.[22]

Два дубочка выростали рядом,
Между ими тонковерхая елка.
Не два дуба рядом выростали,
Жили вместе два братца родные:
Один Павел, а другой Радула.
А меж ими сестра их Елица.
Сестру братья любили всем сердцем,
Всякую ей оказывали милость;
Напоследок ей нож подарили
Золоченый в серебряной оправе.
Огорчилась молодая Павлиха
На золовку, стало ей завидно·
Говорит она Радуловой любе:
„Невестушка, по богу сестрица!
Не знаешь ли ты зелия такого,
Чтоб сестра омерзела братьям?"
Отвечает Радулова люба:
„По богу сестра моя, невестка,
Я не знаю зелия такого;
Хоть бы знала, тебе б не сказала;
И меня братья мои любили,
И мне всякую оказывали милость".
Вот пошла Павлиха к водопою,
Да зарезала коня вороного

И сказала своему господину:
„Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ей подарки:
Извела она коня вороного“.
Стал Елицу допытывать Павел:
„За что это? скажи бога ради“.
Сестра брату с плачем отвечает:
„Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!“
В ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха пошла в сад зеленый,
Сивого сокола там заколола
И сказала своему господину:
„Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Ведь она сокола заколола“.
Стал Елицу допытывать Павел:
„За что это? скажи бога ради“.
Сестра брату с плачем отвечает:
„Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!“
И в ту пору брат сестре поверил.
Вот Павлиха по вечеру поздно
Нож украла у своей золовки
И ребенка своего заколола
В колыбельке его золоченой.
Рано утром к мужу прибежала,
Громко воя и лицо терзая.
„Сам себе на зло сестру ты любишь,
На беду даришь ты ей подарки:
Заколола у нас она ребенка.
А когда еще ты мне не веришь,
Осмотри ты нож ее злаченый“.
Вскочил Павел, как услышал это,
Побежал к Елице во светлицу:
На перине Елица почивала,
В головах нож висел злаченый.
Из ножен вынул его Павел, —

Нож злаченый весь был окровавлен.
Дернул он сестру за белу руку:
„Ой, сестра, убей тебя боже!
Извела ты коня вороного
И в саду сокола заколола,
Да за что ты зарезала ребенка?“
Сестра брату с плачем отвечает:
„Не я, братец, клянусь тебе жизнью,
Клянусь жизнью твоей и моею!
Коли ж ты не веришь моей клятве,
Выведи меня в чистое поле,
Привяжи к хвостам коней борзых,
Пусть они мое белое тело
Разорвут на четыре части“.
В ту пору брат сестре не поверил;
Вывел он ее в чистое поле,
Привязал ко хвостам коней борзых
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросли там алые цветочки;
Где осталось ее белое тело,
Церковь там над ней соорудилась.
Прошло малое после того время,
Захворала молодая Павлиха.
Девять лет Павлиха всё хворает, —
Выросла трава сквозь ее кости,
В той траве лютый змей гнездится,
Пьет ей очи, сам уходит к ночи.
Люто страждет молода Павлиха;
Говорит она своему господину:
„Слышишь ли, господин ты мой, Павел,
Сведи меня к золовкиной церкви,
У той церкви авось исцелюся“.
Он повел ее к сестриной церкви,
И как были они уже близко,
Вдруг из церкви услышали голос:
„Не входи, молодая Павлиха,
Здесь не будет тебе исцеленья“.

Как услышала то молодая Павлиха,
Она молвила своему господину:
„Господин ты мой! прошу тебя богом,
Не веди меня к белому дому,
А вяжи меня к хвостам твоих ко̀ней
И пусти их по чистому полю“.
Своей любы послушался Павел,
Привязал ее к хвостам своих ко̀ней
И погнал их по чистому полю.
Где попала капля ее крови,
Выросло там тернье да крапива;
Где осталось ее белое тело,
На том месте озеро провалило.
Ворон конь по озеру выплывает,
За конем золоченая люлька,
На той люльке сидит сокол-птица,
Лежит в люльке маленький мальчик;
Рука матери у него под горлом,
В той руке теткин нож золоченый.

15.

ЯНЫШ КОРОЛЕВИЧ.[28]

Полюбил королевич Яныш
Молодую красавицу Елицу,
Любит он ее два красные лета,
В третье лето вздумал он жениться
На Любусе, чешской королевне.
С прежней любой идет он проститься.
Ей приносит с червонцами черес,
Да гремучие серьги золотые,
Да жемчужное тройное ожерелье;
Сам ей вдел он серьги золотые,
Навязал на шею ожерелье,
Дал ей в руки с червонцами черес,
В обе щеки поцеловал молча
И поехал своею дорогой.

Как одна осталася Елица,
Деньги наземь она пометала,
Из ушей выдернула серьги,
Ожерелье на-двое разорвала,
А сама кинулась в Мораву.
Там на дне молодая Елица
Водяною царицей очнулась
И родила маленькую дочку,
И ее нарекла Водяницей.

Вот проходят три года и боле,
Королевич ездит на охоте,
Ездит он по берегу Моравы;
Захотел он коня вороного
Напоить студеною водою.
Но лишь только запененную морду
Сунул конь в студеную воду,
Из воды вдруг высунулась ручка:
Хвать коня за узду золотую!
Конь отдернул голову в испуге,
На узде висит Водяница,
Как на уде пойманная рыбка,—
Конь кружится по чистому лугу,
Потрясая уздой золотою;
Но стряхнуть Водяницы не может.
Чуть в седле усидел королевич,
Чуть сдержал коня вороного,
Осадив могучею рукою.
На траву Водяница прыгнула.
Говорит ей Яныш королевич:
„Расскажи, какое ты творенье:
Женщина ль тебя породила,
Иль богом проклятая Вила?“
Отвечает ему Водяница:
„Родила меня молодая Елица,
Мой отец Яныш королевич,
А зовут меня Водяницей“.

Королевич при таком ответе
Соскочил с коня вороного,
Обнял дочь свою Водяницу
И, слезами заливаясь, молвил:
„Где, скажи, твоя мать Елица?
Я слыхал, что она потонула“.
Отвечает ему Водяница:
„Мать моя царица водяная;
Она властвует над всеми реками,
Над реками и над озерами;
Лишь не властвует она синим морем,
Синим морем властвует Див-Рыба“.
Водянице молвил королевич:
„Так иди же к водяной царице
И скажи ей: Яныш королевич
Ей поклон усердный посылает
И у ней свидания просит
На зеленом берегу Моравы.
Завтра я заеду за ответом“.
Они после того расстались.

Рано утром, чуть заря зарделась,
Королевич над рекою ходит;
Вдруг из речки, по белые груди,
Поднялась царица водяная
И сказала: „Яныш королевич,
У меня свидания просил ты:
Говори, чего еще ты хочешь?“
Как увидел он свою Елицу,
Разгорелись снова в нем желанья,
Стал манить ее к себе на берег.
„Люба ты моя, млада Елица,
Выдь ко мне на зеленый берег,
Поцелуй меня по прежнему сладко,
По прежнему полюблю тебя крепко“.
Королевичу Елица не внимает,
Не внимает, головою кивает:
„Нет, не выду, Яныш королевич,

Я к тебе на зеленый берег.
Слаще прежнего нам не целоваться,
Крепче прежнего меня не полюбишь.
Расскажи-ка мне лучше хорошенько,
Каково, счастливо ль поживаешь
С новой любой, молодой женою?“
Отвечает Яныш королевич:
„Против солнышка луна не пригреет,
Против милой жена не утешит“.

16.

КОНЬ.

„Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своих удил?
Али я тебя не холю?
Али ешь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?“

Отвечает конь печальный:
„Оттого я присмирел,
Что я слышу топот дальный,
Трубный звук и пенье стрел;
Оттого я ржу, что в поле
Уж не долго мне гулять,
Проживать в красе и в холе,
Светлой сбруей щеголять;
Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмет
И серебряны подковы
С легких ног моих сдерет;

Оттого мой дух и ноет,
Что наместо чапрака
Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока".

Примечания.

[1] Фома I был тайно умерщвлен своими двумя сыновьями Стефаном и Радивоем в 1460 году. Стефан ему наследовал. Радивой, негодуя на брата за похищение власти, разгласил ужасную тайну и бежал в Турцию к Магомету II. Стефан, по внушению папского легата, решился воевать с турками. Он был побежден и бежал в Ключ-город, где Магомет осадил его. Захваченный в плен, он не согласился принять магометанскую веру, и с него содрали кожу.

[2] *Щиколодка*, по московскому наречию щиколка.

[3] Так называют себя некоторые иллирийские раскольники.

[4] *Фаланга*, палочные удары по пятам.

[5] Радивой никогда не имел этого сана; и все члены королевского семейства истреблены были султаном.

[6] *Кафтан*, обыкновенный подарок султанов.

[7] Анахронизм.

[8] Трогательный обычай *братования*, у сербов и других западных славян, освящается духовными обрядами.

[9] Неизвестно, к какому происшествию относится эта песня.

[10] Потеря сражения приписывается далматам, ненавистным для влахов.

[11] Жиды в турецких областях суть вечные предметы гонения и ненависти. Во время войны им доставалось от мусульман и христиан. Участь их, замечает В. Скотт, походит на участь летучей рыбы. — М⟨ериме⟩.

[12] *Банялука*, прежняя столица Боснийского пашалыка.

[13] *Селихтар*, меченосец.

[14] Все народы почитали жабу ядовитым животным.

[15] Мицкевич перевел и украсил эту песню.

[16] *Гайдук*, глава, начальник. Гайдуки не имеют пристанища и живут разбоями.

[17] Западные славяне верят существованию *упырей* (vampire). См. песню о *Марке Якубовиче.*

[18] Мериме поместил в начале своей *Guzla* известие о старом гусляре Иакинфе Маглановиче; неизвестно, существовал ли он когда-нибудь; но статья его биографа имеет необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобия. Книга Мериме редка, и читатели, думаю, с удовольствием найдут здесь жизнеописание славянина-поэта.

Notice sur Hyacinthe Maglanovich.

Hyacinthe Maglanovich est le seul joueur de guzla que j'aie vu, qui fût aussi poète; car la plupart ne font que répéter d'anciennes chansons, ou tout au plus ne composent que des pastiches en prenant vingt vers d'une ballade, autant d'une autre, et liant le tout au moyen de mauvais vers de leur façon.

Notre poète est né à Zuonigrad, comme il le dit lui-même dans sa ballade intitulée *L'Aubépine de Veliko.* Il était fils d'un cordonnier, et ses parents ne semblent pas s'être donné beaucoup de mal pour son éducation, car il ne sait ni lire ni écrire. A l'âge de huit ans il fut enlevé par des *tchingénehs* ou bohémiens. Ces gens le menèrent en Bosnie, où ils lui apprirent leurs tours et le convertirent sans peine à l'islamisme, qu'ils professent pour la plupart.[1] Un *ayan* ou maire de Livno le tira de leurs mains et le prit à son service, où il passa quelques années.

Il avait quinze ans, quand un moine catholique réussit à le convertir au christianisme, au risque de se faire empaler s'il était découvert; car les Turcs n'encouragent point les travaux des missionnaires. Le jeune Hyacinthe n'eut pas de peine à se décider à quitter un maître assez dur, comme sont la plupart des Bosniaques; mais, en se sauvant de sa maison, il voulut tirer vengeance de ses mauvais traitements. Profitant d'une nuit orageuse, il sortit de Livno, emportant une pelisse et le sabre de son maître, avec quelques sequins qu'il put dérober. Le moine, qui l'avait rébaptisé, l'accompagna dans sa fuite, que peut-être il avait conseillée.

[1] Tous ces détails m'ont été donnés en 1817 par Maglanovich lui-même.

De Livno à Scign en Dalmatie il n'y a qu'une douzaine de lieues. Les fugitifs s'y trouvèrent bientôt sous la protection du gouvernement vénitien et à l'abri des poursuites de l'ayan. Ce fut dans cette ville que Maglanovich fit sa première chanson: il célébra sa fuite dans une ballade, qui trouva quelques admirateurs et qui commença sa réputation.[1]

Mais il était sans ressources d'ailleurs pour subsister, et la nature lui avait donné peu de goût pour le travail. Grâce à l'hospitalité morlaque, il vécut quelque temps de la charité des habitants des campagnes, payant son écot en chantant sur la guzla quelque vieille romance qu'il savait par coeur. Bientôt il en composa lui-même pour des mariages et des enterrements, et sut si bien se rendre nécessaire, qu'il n'y avait pas de bonne fête si Maglanovich et sa guzla n'en étaient pas.

Il vivait ainsi dans les environs de Scign, se souciant fort peu de ses parents, dont il ignore encore le destin, car il n'a jamais été à Zuonigrad depuis son enlèvement.

A vingt-cinq ans c'était un beau jeune homme, fort, adroit, bon chasseur et de plus poète et musicien célèbre; il était bien vu de tout le monde, et surtout des jeunes filles. Celle qu'il préférait se nommait Marie et était fille d'un riche morlaque, nommé Zlarinovich. Il gagna facilement son affection et, suivant la coutume, il l'enleva. Il avait pour rival une espèce de seigneur du pays, nommé Uglian, lequel eut connaissance de l'enlèvement projeté. Dans les moeurs illyriennes l'amant dédaigné se console facilement et n'en fait pas plus mauvaise mine à son rival heureux; mais cet Uglian s'avisa d'être jaloux et voulut mettre obstacle au bonheur de Maglanovich. La nuit de l'enlèvement, il parut accompagné de deux de ses domestiques, au moment où Marie était déjà montée sur un cheval et prête à suivre son amant. Uglian leur cria de s'arrêter d'une voix menaçante. Les deux rivaux étaient armés suivant l'usage. Maglanovich tira le premier et tua le seigneur Uglian. S'il avait eu une famille, elle aurait épousé sa querelle, et il n'aurait pas quitté le pays pour si peu de chose; mais il était sans parents pour l'aider, et il restait

[1] J'ai fait de vains éfforts pour me la procurer. Maglanovich lui-même l'avait oubliée, ou peut-être eut-il honte de me réciter son premier essai dans la poésie.

seul exposé à la vengeance de toute la famille du mort. Il prit son parti promptement et s'enfuit avec sa femme dans les montagnes, où il s'associa avec des heyduques [1].

Il vécut longtemps avec eux, et même il fut blessé au visage dans une escarmouche avec les pandours [2]. Enfin, ayant gagné quelque argent d'une manière assez peu honnête, je crois, il quitta les montagnes, acheta des bestiaux et vint s'établir dans le Kotar avec sa femme et quelques enfants. Sa maison est près de Smocovich, sur le bord d'une petite rivière ou d'un torrent, qui se jette dans le lac de Vrana. Sa femme et ses enfants s'occupent de leurs vaches et de leur petite ferme; mais lui est toujours en voyage; souvent il va voir ses anciens amis les heyduques, sans toutefois prendre part à leur dangereux métier.

Je l'ai vu à Zara pour la première fois en 1816. Je parlais alors très facilement l'illyrique, et je désirais beaucoup entendre un poète en réputation. Mon ami, l'estimable voivode Nicolas ***, avait rencontré à Biograd, où il demeure, Hyacinthe Maglanovich, qu'il connaissait déjà, et sachant qu'il allait à Zara, il lui donna une lettre pour moi. Il me disait que, si je voulais tirer quelque chose du joueur de guzla, il fallait le faire boire; car il ne se sentait inspiré que lorsqu'il était à peu près ivre.

Hyacinthe avait alors près de soixante ans. C'est un grand homme, vert et robuste pour son âge, les épaules larges et le cou remarquablement gros; sa figure est prodigieusement basanée; ses yeux sont petits et un peu relevés du coin; son nez aquilin, assez enflammé par l'usage des liqueurs fortes, sa longue moustache blanche et ses gros sourcils noirs forment un ensemble que l'on oublie difficilement quand on l'a vu une fois. Ajoutez à cela une longue cicatrice qu'il porte sur le sourcil et sur une partie de la joue. Il est très extraordinaire qu'il n'ait pas perdu l'oeil en recevant cette blessure. Sa tête était rasée, suivant l'usage presque général, et il portait un bonnet d'agneau noir: ses vêtements étaient assez vieux, mais encore très propres.

En entrant dans ma chambre, il me donna la lettre du voivode et s'assit sans cérémonie. Quand j'eus fini de lire: vous parlez

---

[1] Espèce de bandits.
[2] Soldats de la police.

donc l'illyrique, me dit-il d'un air de doute assez méprisant. Je lui répondis sur-le-champ dans cette langue que je l'entendais assez bien pour pouvoir apprécier ses chansons, qui m'avaient été extrêmement vantées. Bien, bien dit-il; mais j'ai faim et soif: je chanterai quand je serai rassasié. Nous dinâmes ensemble. Il me semblait qu'il avait jeûné quatre jours au moins, tant il mangeait avec avidité. Suivant l'avis du voivode, j'eus soin de le faire boire, et mes amis, qui étaient venus nous tenir compagnie sur le bruit de son arrivée, remplissaient son verre à chaque instant. Nous espérions que quand cette faim et cette soif si extraordinaires seraient apaisées, notre homme voudrait bien nous faire entendre quelques uns de ses chants. Mais notre attente fut bien trompée. Tout d'un coup il se leva de table et se laissant tomber sur un tapis près du feu (nous étions en décembre), il s'endormit en moins de cinq minutes, sans qu'il y eût moyen de le réveiller.

Je fus plus heureux, une autre fois: j'eus soin de le faire boire seulement assez pour l'animer, et alors il nous chanta plusieurs des ballades que l'on trouvera dans ce recueil.

Sa voix a dû être fort belle; mais alors elle était un peu cassée. Quand il chantait sur sa guzla, ses yeux s'animaient et sa figure prenait une expression de beauté sauvage, qu'un peintre aimerait à exprimer sur la toile.

Il me quitta d'une façon étrange: il demeurait depuis cinq jours chez moi, quand un matin il sortit, et je l'attendis inutilement jusqu'au soir. J'appris qu'il avait qutté Zara pour retourner chez lui; mais en même temps je m'aperçus qu'il me manquait une paire de pistolets anglais qui, avant son départ précipité, étaient pendus dans ma chambre. Je dois dire à sa louange qu'il aurait pu emporter également ma bourse et une montre d'or qui valaient dix fois plus que les pistolets, qu'il m'avait pris.

En 1817 je passai deux jours dans sa maison, où il me reçut avec toutes les marques de la joie la plus vive. Sa femme et tous ses enfants et petits-enfants me sautèrent au cou et quand je le quittai, son fils aîné me servit de guide dans les montagnes pendant plusieurs jours, sans qu'il me fût possible de lui faire accepter quelque récompense.

[19] *Вурдалаки, вудкодлаки, упыри*, мертвецы, выходящие из своих могил и сосущие кровь живых людей.

[20] Лекарством от укушения упыря служит земля, взятая из его могилы.

[21] По другому преданию, Георгий сказал товарищам: „Старик мой умер; возьмите его с дороги“.

[22] Прекрасная эта поэма взята мною из Собрания сербских песен Вука Стефановича.

[23] Песня о Яныше королевиче в подлиннике очень длинна и разделяется на несколько частей. Я перевел только первую, и то не всю.

1835

(ИЗ АНАКРЕОНА).

ОТРЫВОК

Узнают коней ретивых
По их выжженным таврам;
Узнают парфян кичливых
По высоким клобукам;
Я любовников счастливых
Узнаю по их глазам:
[В них сияет пламень томный —
Наслаждений знак нескромный.]

ОДА LVI.

(ИЗ АНАКРЕОНА)

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне немного
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Не воскреснем из-под спуда,
Всяк навеки там забыт:
Вход туда для всех открыт —
Нет исхода уж оттуда.

ОДА LVII.

Что же сухо в чаше дно?
Наливай мне, мальчик резвый,
Только пьяное вино
Раствори водою трезвой.
Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно:
Нет, за чашей я пою
Иль беседую невинно.

Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила;
    К ней на плечо преклонен, юноша вдруг задремал.
Дева тотчас умолкла, сон его легкий лелея,
    И улыбалась ему, тихие слезы лия.

Что белеется на горе зеленой?
Снег ли то, али лебеди белы?
Был бы снег — он уже⟨?⟩ бы растаял,
Были б лебеди — они б улетели.
То не снег и не лебеди белы,
А шатер Аги Асан-аги.
Он лежит в нем, весь люто изранен.
Посетили его сестра и матерь,
Его люба не могла, застыдилась.
Как ему от боли стало легче,
Приказал он своей верной любе:
„Ты [не] ищи меня в моем белом доме,
В белом доме, ни во всем моем роде.“
Как [услышала] мужнины речи,
Запечалилась бедная Кадуна.
Она слышит, на двор едут кони;
Побежала Ас⟨ан⟩-агиница,
Хочет броситься, бедная, в окошко,
За ней вопят две милые дочки:
„Воротися, милая мать наша,
Приехал не муж Асан-ага,
А приехал брат твой Пинтор⟨ович⟩⟨?⟩.“
Воротилась Асан-агиница,
И повисла она брату на шею —
„Братец милый, что за посрамленье!
Меня гонят от пятерых деток.“

ПОЛКОВОДЕЦ.

У русского царя в чертогах есть палата:
Она не золотом, не бархатом богата;
Не в ней алмаз венца хранится за стеклом;
Но сверху до низу, во всю длину, кругом,
Своею кистию свободной и широкой
Ее разрисовал художник быстро-окой.
Тут нет ни сельских нимф, ни девственных мадон,
Ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен,
Ни плясок, ни охот, — а всё плащи, да шпаги,
Да лица, полные воинственной отваги.
Толпою тесною художник поместил
Сюда начальников народных наших сил,
Покрытых славою чудесного похода
И вечной памятью двенадцатого года.
Нередко медленно меж ими я брожу
И на знакомые их образы гляжу,
И, мнится, слышу их воинственные клики.
Из них уж многих нет; другие, коих лики
Еще так молоды на ярком полотне,
Уже состарелись и никнут в тишине
Главою лавровой...
Но в сей толпе суровой
Один меня влечет всех больше. С думой новой
Всегда остановлюсь пред ним — и не свожу
С него моих очей. Чем долее гляжу,
Тем более томим я грустию тяжелой.

Он писан во весь рост. Чело, как череп голый,
Высоко лоснится, и, мнится, залегла
Там грусть великая. Кругом — густая мгла;
За ним — военный стан. Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой.
Свою ли точно мысль художник обнажил,
Когда он таковым его изобразил,
Или невольное то было вдохновенье, —
Но Доу дал ему такое выраженье.

О вождь несчастливый!... Суров был жребий твой:
Всё в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчаньи шел один ты с мыслию великой,
И в имени твоем звук чуждый не взлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...
И долго, укреплен могущим убежденьем,
Ты был неколебим пред общим заблужденьем;
И на полу-пути был должен наконец
Безмолвно уступить и лавровый венец,
И власть, и замысел, обдуманный глубоко, —
И в полковых рядах сокрыться одиноко.
Там, устарелый вождь! как ратник молодой,
Свинца веселый свист заслышавший впервой,
Бросался ты в огонь, ища желанной смерти, —
Вотще! — [1]

. . . .
. . . .

---

[1] *Вместо ст. 51—54 в беловом автографе было:*
Там, устарелый вождь! как ратник молодой,
Искал ты умереть средь сечи боевой.
Вотще! Преемник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей. — А ты, непризнанный, забытый
Виновник торжества, почил — и в смертный час
С презреньем, может быть, воспоминал о нас!

О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиленье!

ТУЧА.

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

ИЗ А. ШЕНЬЕ.

Покров, упитанный язвительною кровью,
Кентавра мстящий дар, ревнивою любовью
Алкиду передан. Алкид его приял.
В божественной крови яд быстрый побежал.
Се — ярый мученик, в ночи скитаясь, воет;
Стопами тяжкими вершину Эты роет;
Гнет, ломит древеса; исторженные пни
Высоко громоздит; его рукой они
В костер навалены; он их зажег; он всходит;
Недвижим на костре он в небо взор возводит;
Под мышцей палица; в ногах немейский лев
Разостлан. Дунул ветр; поднялся свист и рев;
Треща горит костер; и вскоре пламя, воя,
Уносит к небесам бессмертный дух героя.

I.

На Испанию родную
Призвал мавра Юлиан.
Граф за личную обиду
Мстить решился королю.

Дочь его Родрик похитил,
Обесчестил древний род;
Вот за что отчизну предал
Раздраженный Юлиан.

Мавры хлынули потоком
На испанские брега.
Царство готфов миновалось,
И с престола пал Родрик.

Готфы пали не бесславно:
Храбро билися они,
Долго мавры сомневались,
Одолеет кто кого.

Восемь дней сраженье длилось;
Спор решен был наконец:
Был на поле битвы пойман
Конь любимый короля;

Шлем и меч его тяжелый
Были найдены в пыли.
Короля почли убитым,
И никто не пожалел.

Но Родрик в живых остался,
Бился он все восемь дней —
Он сперва хотел победы,
Там уж смерти лишь алкал.

И кругом свистали стрелы,
Не касаяся его,
Мимо дротики летали,
Шлема меч не рассекал.

Напоследок, утомившись,
Соскочил с коня Родрик,
Меч с запекшеюся кровью
От ладони отклеил,

Бросил об земь шлем пернатый
И блестящую броню.
И спасенный мраком ночи
С поля битвы он ушел.

II.

От полей кровавой битвы
Удаляется Родрик;
Короля опередила
Весть о гибели его.

Стариков и бедных женщин
На распутьях видит он;
Все толпой бегут от мавров
К укрепленным городам.

Все, рыдая, молят бога
О спасеньи христиан,

Все Родрика проклинают;
И проклятья слышит он.

И с поникшею главою
Мимо их пройти спешит,
И не смеет даже молвить:
Помолитесь за него.

Наконец на берег моря
В третий день приходит он,
Видит темную пещеру
На пустынном берегу.

В той пещере он находит
Крест и заступ — а в углу
Труп отшельника и яму,
Им изрытую давно.

Тленье трупу не коснулось,
Он лежит окостенев,
Ожидая погребенья
И молитвы христиан.

Труп отшельника с молитвой
[Схоронил]   король,
И в пещере поселился
Над могилою его.

Он питаться стал плодами
И водою ключевой;
И себе могилу вырыл,
Как предшественник его.

Короля в уединеньи
Стал лукавый искушать,
И виденьями ночными
Краткий сон его мутить.

Он проснется с содроганьем,
Полон страха и стыда;
Упоение соблазна
Сокрушает дух его.

Хочет он молиться богу
И не может. Бес ему
Шепчет в уши звуки битвы
Или страстные слова.

Он в унынии проводит
Дни и ночи недвижим,
Устремив глаза на море,
Поминая старину.

III.

Но отшельник, чьи останки
Он усердно схоронил,
За него перед всевышним
Заступился в небесах.

В сновиденьи благодатном
Он явился королю,
Белой ризою одеян
И сияньем окружен.

И король, объятый страхом,
Ниц повергся перед ним,
И вещал ему угодник:
„Встань — и миру вновь явись.

Ты венец утратил царской,
Но господь руке твоей
Даст победу над врагами,
А душе твоей покой“.

Пробудясь, господню волю
Сердцем он уразумел,
И, с пустынею расставшись,
В путь отправился король.

Менко Вуич грамоту пишет
Своему побратиму:
„Берегися, Черный Георгий,
Над тобой подымается туча,
Ярый враг извести тебя хочет,
Недруг хитрый, Милош Обренович.
Он в Хотин подослал потаенно
Янка младшего с Павл.⟨ом⟩

Осердился Георгий П.⟨етрович⟩,
Засверкали черные очи,
Нахмурились черные брови —

⟨НА ДОНДУКОВА-КОРСАКОВА.⟩

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь;
Почему ж он заседает?
Потому что ⟨----⟩ есть.

Кто из богов мне возвратил
Того, с кем первые походы
И браней ужас я делил,
Когда за призраком свободы
Нас Брут отчаянный водил?
С кем я тревоги боевые
В шатре за чашей забывал
И кудри, плющем увитые,
Сирийским мирром умащал?

Ты помнишь час ужасный битвы,
Когда я, трепетный квирит,
Бежал, нечестно брося щит,
Творя обеты и молитвы?
Как я боялся! как бежал!
Но Эрмий сам незапной тучей
Меня покрыл и вдаль умчал
И спас от смерти неминучей.

А ты, любимец первый мой,
Ты снова в битвах очутился...
И ныне в Рим ты возвратился
В мой домик темный и простой.
Садись под сень моих пенатов.
Давайте чаши. Не жалей

Ни вин моих, ни ароматов.
Венки готовы. Мальчик! лей.
Теперь не кстати воздержанье:
Как дикий скиф хочу я пить.
Я с другом праздную свиданье,
Я рад рассудок утопить.

СТРАННИК.

I.

Однажды странствуя среди долины дикой,
Незапно был объят я скорбию великой
И тяжким бременем подавлен и согбен,
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.
Потупя голову, в тоске ломая руки,
Я в воплях изливал души пронзенной муки
И горько повторял, метаясь как больной:
„Что делать буду я? Что станется со мной?“

II.

И так я сетуя в свой дом пришел обратно.
Уныние мое всем было непонятно.
При детях и жене сначала я был тих
И мысли мрачные хотел таить от них;
Но скорбь час от часу меня стесняла боле;
И сердце наконец раскрыл я по неволе.

„О горе, горе нам! Вы, дети, ты жена! —
Сказал я, — ведайте: моя душа полна
Тоской и ужасом, мучительное бремя
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время:
Наш город пламени и ветрам обречен;

Он в угли и золу вдруг будет обращен,
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре
Обресть убежище; а где? о горе, горе!"

III.

Мои домашние в смущение пришли
И здравый ум во мне расстроенным почли.
Но думали, что ночь и сна покой целебный
Охолодят во мне болезни жар враждебный.
Я лег, но во всю ночь всё плакал и вздыхал
И ни на миг очей тяжелых не смыкал.
Поутру я один сидел, оставя ложе.
Они пришли ко мне; на их вопрос, я то же,
Что прежде, говорил. Тут ближние мои,
Не доверяя мне, за должное почли
Прибегнуть к строгости. Они с ожесточеньем
Меня на правый путь и бранью и презреньем
Старались обратить. Но я, не внемля им,
Всё плакал и вздыхал, унынием тесним.
И наконец они от крика утомились
И от меня, махнув рукою, отступились
Как от безумного, чья речь и дикий плач
Докучны, и кому суровый нужен врач.

IV.

Пошел я вновь бродить — уныньем изнывая
И взоры вкруг себя со страхом обращая,
Как узник, из тюрьмы замысливший побег,
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.
Духовный труженик — влача свою веригу,
Я встретил юношу, читающего книгу.
Он тихо поднял взор — и вопросил меня,
О чем, бродя один, так горько плачу я?
И я в ответ ему: „Познай мой жребий злобный:
Я осужден на смерть и позван в суд загробный —
И вот о чем крушусь: к суду я не готов,

И смерть меня страшит.“
— „Коль жребий твой таков, —
Он возразил, — и ты так жалок в самом деле,
Чего ж ты ждешь? зачем не убежишь отселе?“
И я: „Куда ж бежать? какой мне выбрать путь?“
Тогда: „Не видишь ли, скажи, чего-нибудь“ —
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.
Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом избавленный слепец.
„Я вижу некий свет“, — сказал я наконец.
„Иди ж, — он продолжал: — держись сего ты света;
Пусть будет он тебе [единственная] мета,
Пока ты тесных врат [спасенья] не достиг,
Ступай!“ — И я бежать пустился в тот же миг.

V.

Побег мой произвел в семье моей тревогу,
И дети и жена кричали мне с порогу,
Чтоб воротился я скорее. Крики их
На площадь привлекли приятелей моих;
Один бранил меня, другой моей супруге
Советы подавал, иной жалел о друге,
Кто поносил меня, кто на смех подымал,
Кто силой воротить соседям предлагал;
Иные уж за мной гнались; но я тем боле
Спешил перебежать городовое поле,
Дабы скорей узреть — оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата.

К кастрату раз пришел скрыпач,
Он был бедняк, а тот богач.
„Смотри, сказал певец без⟨- - - - -⟩, —
Мои алмазы, изумруды —
Я их от скуки разбирал.
А! к стати, брат, — он продолжал, —
Когда тебе бывает скучно,
Ты что творишь, сказать прошу.“
В ответ бедняга равнодушно:
— Я? я ⟨- - - -⟩ себе чешу.

⟨ПЛЕТНЕВУ.⟩

Ты мне советуешь, Плетнев любезный,
Оставленный роман [наш] продолжать
[И строгой] век, расчета век железный,
Рассказами пустыми угощать.
Ты думаешь, что с целию полезной
Тревогу славы можно сочетать,
И что   нашему собрату
Брать с публики умеренную плату.

Ты говоришь: пока Онегин жив,
Дотоль роман не кончен — нет причины
Его прервать... к тому же план счастлив —

Вы за „Онегина“ советуете, други,
Опять приняться мне в осенние досуги.
Вы говорите мне: он жив и не женат.
Итак, еще роман не кончен — это клад:
Вставляй в просторную⟨?⟩, вместительную раму
Картины новые — открой нам диораму:
Привалит публика, платя тебе за вход —
(Что даст еще тебе и славу и доход).

[Пожалуй — я бы рад —]
[Так некогда поэт]

В мои осенние досуги,
В те дни, как любо мне писать,
Вы мне советуете, други,
Рассказ забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Роман не конча перервать,
Отдав уже его в печать,
Что должно своего героя
Как бы то ни было женить,
По крайней мере уморить,
И лица прочие пристроя,
Отдав им дружеский поклон,
Из лабиринта вывесть вон.

Вы говорите: „Слава богу,
Покамест твой Онегин жив,
Роман не кончен — понемногу
Иди вперед; не будь ленив.
Со славы, вняв ее призванью,
Сбирай оброк хвалой и бранью —
[Рисуй и франтов городских
И милых барышень своих,
Войну и бал, дворец и хату,
И келью   и харем

И с нашей публики [меж тем]
Бери умеренную плату,
За книжку по пяти рублей —
Налог не тягостный, ей⟨-ей⟩.“

... Вновь я посетил
Тот уголок земли, где я провел
Изгнанником два года незаметных.
Уж десять лет ушло с тех пор — и много
Переменилось в жизни для меня,
И сам, покорный общему закону,
Переменился я — но здесь опять
Минувшее меня объемлет живо,
И, кажется, вечор еще бродил
Я в этих рощах.
Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет — уж за стеною
Не слышу я шагов ее тяжелых,
Ни кропотливого ее дозора.

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сиживал недвижим — и глядел
На озеро, воспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...
Меж нив златых и пажитей зеленых
Оно синея стелется широко;
Через его неведомые воды
Плывет рыбак и тянет за собой
Убогой невод. По брегам отлогим
Рассеяны деревни — там за ними

Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при ветре...
                                        На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг к дружке близко, — здесь, когда их мимо
Я проезжал верхом при свете лунном,
Знакомым шумом шорох их вершин
Меня приветствовал. По той дороге
Теперь поехал я, и пред собою
Увидел их опять. Они всё те же,
Всё тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда всё было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья; [кусты] теснятся
[Под сенью их как дети.] А вдали
Стоит один угрюмый их товарищ
Как старый холостяк, и вкруг него
По-прежнему всё пусто.
                                        Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! не я
Увижу твой могучий поздний возраст,
Когда перерастешь моих знакомцев
И старую главу их заслонишь
От глаз прохожего. Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомянет.

Я думал, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорил: тому, что было,
Уж не бывать! уж не бывать!
Прошли восторги, и печали,
И легковерные мечты.....
Но вот опять затрепетали
Пред мощной властью красоты.

О бедность! затвердил я наконец
Урок твой горький! Чем я заслужил
Твое гоненье, властелин враждебный,
Довольства враг, суровый сна мутитель?...
Что делал я, когда я был богат,
О том упоминать я не намерен:
В молчании добро должно твориться,
Но нечего об этом толковать.
Здесь пищу я найду для дум моих,
Я чувствую, что не совсем погибнул
Я с участью моей. —

Если ехать вам случится
От ****   на *,
Там, где Л. струится
Меж отлогих берегов, —
От большой дороги справа,
[Между полем и холмом],
Вам представится дубрава,
Слева сад и барской дом.

Летом, в час, как за холмами
Утопает солнца шар,
Дом [облит] его лучами,
Окна блещут как пожар,
И, ездой скучая [мимо]
развлечен,
Путник смотрит невидимо
На семейство, на балкон.

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ЛУКУЛЛА.

ПОДРАЖАНИЕ ЛАТИНСКОМУ.

Ты угасал, богач младой!
Ты слышал плач друзей печальных.
Уж смерть являлась за тобой
В дверях сеней твоих хрустальных.
Она, как втершийся с утра
Заимодавец терпеливый,
Торча в передней молчаливой,
Не трогалась с ковра.

В померкшей комнате твоей
Врачи угрюмые шептались.
Твоих нахлебников, цирцей
Смущеньем лица омрачались;
Вздыхали верные рабы
И за тебя богов молили,
Не зная в страхе, что̀ сулили
Им тайные судьбы.

А между тем наследник твой,
Как ворон к мертвечине падкой,
Бледнел и трясся над тобой,
Знобим стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загресть он злата горы
В пыли бумажных куч.

Он мнил: „Теперь уж у вельмож
Не стану няньчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож;
В подвалах, благо, есть излишек.
Теперь мне честность — трын-трава!
Жену обсчитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенные дрова!“

Но ты воскрес. Твои друзья,
В ладони хлопая ликуют;
Рабы как добрая семья
Друг друга в радости целуют;
Бодрится врач, подняв очки;
Гробовый мастер взоры клонит;
А вместе с ним приказчик гонит
Наследника в толчки.

Так жизнь тебе возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: бесценный дар она;
Умей же пользоваться ею;
Укрась ее; года летят,
Пора! Введи в свои чертоги
Жену красавицу — и боги
Ваш брак благословят.

Когда владыка ассирийский
Народы казнию казнил,
И Олоферн весь край азийский
Его деснице покорил, —
Высок смиреньем терпеливым
И крепок верой в бога сил,
Перед сатрапом горделивым
Израил выи не склонил;
Во все пределы Иудеи
Проникнул трепет. Иереи
Одели вретищем алтарь.
Народ завыл, объятый страхом,
[Главу покрыв] золой и прахом,
И внял ему всевышний царь.

Притек сатрап к ущельям горным
И зрит: их узкие врата
Замком замкнуты непокорным;
Стеной, ⟨как⟩ поясом узорным,
Препоясàлась высота.

И над тесниной торжествуя,
Как муж на страже, в тишине
Стоит, белеясь, Ветилуя
В недостижимой вышине.

Сатрап смутился изумленный —
И гнев в нем душу помрачил...
И свой совет разноплеменный
Он — любопытный — вопросил:
„Кто сей народ? и что их сила,
И кто им вождь, и отчего
Сердца их дерзость воспалила,
И их надежда на кого?...“
И встал тогда сынов Аммона
Военачальник Ахиор
[И рек] — и Олоферн [со] трона
Склонил ⟨к нему⟩ и слух и взор.

ПИР ПЕТРА ПЕРВОГО.

Над Невою резво вьются
Флаги пестрые судов;
Звучно с лодок раздаются
Песни дружные гребцов;
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

Что пирует царь великий
В Питербурге-городке?
Отчего пальба и клики
И эскадра на реке?
Озарен ли честью новой
Русской штык иль русской флаг?
Побежден ли швед суровый?
Мира ль просит грозный враг?

Иль в отъятый край у шведа
Прибыл Брантов утлый бот,
И пошел навстречу *деда*
Всей семьей наш юный флот,
И воинственные внуки
Стали в строй пред стариком,
И раздался в честь Науки
Песен хор и пушек гром?

Годовщину ли Полтавы
Торжествует государь,
День, как жизнь своей державы
Спас от Карла русский царь?
Родила ль Екатерина?
Именинница ль она,
Чудотворца-исполина
Чернобровая жена?

Нет! Он с подданным мирится;
Виноватому вину
Отпуская, веселится;
Кружку пенит с ним одну;
И в чело его цалует,
Светел сердцем и лицом;
И прощенье торжествует,
Как победу над врагом.

Оттого-то шум и клики
В Питербурге-городке,
И пальба и гром музыки
И эскадра на реке;
Оттого-то в час веселый
Чаша царская полна,
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена.

На это скажут мне с улыбкою неверной:
Смотрите, вы поэт уклонный, лицемерный,
Вы нас морочите — вам слава не нужна,
Смешной и суетной Вам кажется она;
Зачем же пишете? — Я? для себя. — За что же
Печатаете вы? — Для денег. — Ах, мой боже!
Как стыдно! — Почему ж?

ПОДРАЖАНИЕ АРАБСКОМУ.

Отрок милый, отрок нежный,
Не стыдись, навек ты мой;
Тот же в нас огонь мятежный,
Жизнью мы живем одной.
Не боюся я насмешек:
Мы сдвоились меж собой,
Мы точь в точь двойной орешек
Под единой скорлупой.

— Не видала ль, девица,
Коня моего?
— Я видала, видела
Коня твоего.
— Куда, красна девица,
Мой конь пробе⟨жал?⟩⟨?⟩
— Твой конь пробе⟨жал⟩⟨?⟩
На Дунай реку —

[Бежа⟨л⟩ твой конь,
Тебя проклинал —
Тебя проклинал]

1836

Д. В. ДАВЫДОВУ.

Тебе певцу, тебе герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смирного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач — при первом взгляде
Он виден — плут, казак прямой!
В передовом твоем отряде
Урядник был бы он лихой.

ХУДОЖНИКУ.

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мрамор послушен тебе:
Сколько богов, и богинь, и героев!... Вот Зевс Громовержец,
Вот из подлобья глядит, дуя в цевницу, сатир.
Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель Кутузов.
Тут Аполлон — идеал, там Ниобея — печаль....
Весело мне. Но меж тем в толпе молчаливых кумиров —
Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет;
В темной могиле почил художников друг и советник.
Как бы он обнял тебя! как бы гордился тобой!

МИРСКАЯ ВЛАСТЬ.

Когда великое свершалось торжество,
И в муках на кресте кончалось божество,
Тогда по сторонам животворяща древа
Мария-грешница и пресвятая дева,
Стояли две жены,
В неизмеримую печаль погружены.
Но у подножия теперь креста честнаго,
Как будто у крыльца правителя градскаго,
Мы зрим — поставлено на место жен святых
В ружье и кивере два грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража? —
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитеся воров или мышей? —
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила,
И, чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ?

(ПОДРАЖАНИЕ ИТАЛИЯНСКОМУ.)

Как с древа сорвался предатель ученик,
Диявол прилетел, к лицу его приник,
Дхнул жизнь в него, взвился с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань геенны гладной...
Там бесы, радуясь и плеща, на рога
Прияли с хохотом всемирного врага
И шумно понесли к проклятому владыке,
И сатана, привстав, с веселием на лике
Лобзанием своим насквозь прожег уста,
В предательскую ночь лобзавшие Христа.

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так ⟨?⟩, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

(ИЗ ПИНДЕМОНТИ.)

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Всё это, видите ль, *слова, слова, слова.**
Иные, лучшие мне дороги права;
Иная, лучшая потребна мне свобода:
Зависить от властей, зависить от народа —
Не всё ли нам равно? Бог с ними.
Никому
Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
—Вот счастье! вот права...

* Hamlet.

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

Когда за городом, задумчив, я брожу
И на публичное кладбище захожу,
Решетки, столбики, нарядные гробницы,
Под коими гниют все мертвецы столицы,
В болоте коё-как стесненные рядком,
Как гости жадные за нищенским столом,
Купцов, чиновников усопших мавзолеи,
Дешевого резца нелепые затеи,
Над ними надписи и в прозе и в стихах
О добродетелях, о службе и чинах;
По старом рогаче вдовицы плач амурный,
Ворами со столбов отвинченные урны,
Могилы склизкие, которы также тут
Зеваючи жильцов к себе на утро ждут, —
Такие смутные мне мысли всё наводит,
Что злое на меня уныние находит.
Хоть плюнуть да бежать...
Но как же любо мне
Осеннею порой, в вечерней тишине,
В деревне посещать кладбище родовое,
Где дремлют мертвые в торжественном покое.
Там неукрашенным могилам есть простор;
К ним ночью темною не лезет бледный вор;
Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
Проходит селянин с молитвой и со вздохом;

На место праздных урн и мелких пирамид,
Безносых гениев, растрепанных харит
Стоит широко дуб над важными гробами,
Колеблясь и шумя...

Exegi monumentum.

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокой век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспоривай глупца.

РОДОСЛОВНАЯ МОЕГО ГЕРОЯ.

(ОТРЫВОК ИЗ САТИРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ.)

Начнем ab ovo:
Мой Езерский
Происходил от тех вождей,
Чей в древни веки парус дерзкий
Поработил брега морей.
Одульф, его начальник рода,
Вельми бе грозен воевода
(Гласит Софийский Хронограф).
При Ольге сын его Варлаф
Приял крещенье в Цареграде
С приданым греческой княжны.
От них два сына рождены,
Якуб и Дорофей. В засаде
Убит Якуб, а Дорофей
Родил двенадцать сыновей.

Ондрей, по прозвищу Езерский,
Родил Ивана да Илью
И в лавре схимился Печерской.
Отсель фамилию свою
Ведут Езерские. При Калке
Один из них был схвачен в свалке,
А там раздавлен как комар
Задами тяжкими татар.
Зато со славой, хоть с уроном,
Другой Езерский, Елизар,

Упился кровию татар,
Между Непрядвою и Доном,
Ударя с тыла в табор их
С дружиной суздальцев своих.

В века старинной нашей славы,
Как и в худые времена,
Крамол и смут во дни кровавы
Блестят Езерских имена.
Они и в войске и в совете.
На воеводстве, и в ответе*
Служили доблестно царям.
Из них Езерский Варлаам
Гордыней славился боярской;
За спор то с тем он, то с другим,
С большим бесчестьем выводим
Бывал из-за трапезы царской,
Но снова шел под тяжкий гнев
И умер, Сицких *пересев***.

Когда от Думы величавой
Приял Романов свой венец,
Как под отеческой державой
Русь отдохнула наконец,
А наши вороги смирились,—
Тогда Езерские явились
В великой силе при дворе,
При императоре Петре....
Но извините: статься может,
Читатель, вам я досадил;
Ваш ум дух века просветил,
Вас спесь дворянская не гложет,
И нужды нет вам никакой
До вашей книги родовой.

---

* В посольстве.

** *Пересесть кого*, старинное выражение, значит занять место выше.

Кто б ни был ваш родоначальник,
Мстислав, князь Курбский, иль Ермак,
Или Митюшка целовальник,
Вам всё равно. Конечно, так:
Вы презираете отцами,
Их славой, честию, правами
Великодушно и умно;
Вы отреклись от них давно,
Прямого просвещенья ради,
Гордясь (как общей пользы друг)
Красою *собственных заслуг*,
Звездой двоюродного дяди,
Иль приглашением на бал
Туда, где дед ваш не бывал.

Я сам — хоть в книжках и словесно
Собратья надо мной трунят —
Я мещанин, как вам известно,
И в этом смысле демократ;
Но каюсь: новый Ходаковский *,
Люблю от бабушки московской
Я толки слушать о родне,
О толстобрюхой старине.
Мне жаль, что нашей славы звуки
Уже нам чужды; что спростà
Из бар мы лезем в tiers-état,
Что нам не в прок пошли науки,
И что спасибо нам за то
Не скажет, кажется, никто.

Мне жаль, что тех родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух;
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух,
Что их поносит и Фиглярин,
Что русский ветреный боярин

* Известный любитель древности, умерший несколько лет тому назад.

Считает грамоты царей
За пыльный сбор календарей,
Что в нашем тереме забытом
Растет пустынная трава,
Что геральдического льва
Демократическим копытом
Теперь лягает и осел:
Дух века вот куда зашел!

Вот почему, архивы роя,
Я разбирал в досужный час
Всю родословную героя,
О ком затеял свой рассказ,
И здесь потомству заповедал.
Езерский сам же твердо ведал,
Что дед его, великий муж,
Имел двенадцать тысяч душ;
Из них отцу его досталась
Осьмая часть, и та сполна
Была давно заложена
И ежегодно продавалась;
А сам он жалованьем жил
И регистратором служил.

От западных морей до самых врат восточных
Не многие умы от благ прямых и прочных
Зло могут отличить... [рассудок] редко нам
[Внушает]

„Пошли мне долгу жизнь и многие года!“
Зевеса вот о чем и всюду и всегда
Привыкли вы молить — но сколькими бедами
Исполнен дол⟨гой⟩⟨?⟩ век! Во-первых, [как] рубцами,
Лицо [морщинами покроется] — оно
превращено.

⟨КН. КОЗЛОВСКОМУ.⟩

Ценитель умственных творений исполинских,
Друг бардов английских, любовник муз латинских,
Ты к мощной древности опять меня манишь,
[Ты снова мне]   велишь.
Простясь с   мечтой и бл⟨едным⟩⟨?⟩ идеалом,
Я приготовился бороться с Ювеналом,
Чьи строгие стихи, неопытный поэт,
[Стихами] перевесть я было дал обет.
Но, развернув его суровые творенья,
Не мог я одолеть пугливого смущенья...
[Стихи бесстыдные] приялами торчат,
В них звуки странною гармонией трещат—

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался,
И тесною сидели мы толпой.
Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей,
Мы пили все за здравие надежды
И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш
С приходом лет, как мы, перебесился,
Он присмирел, утих, остепенился,
Стал глуше звон его заздравных чаш;
Меж нами речь не так игриво льется.
Просторнее, грустнее мы сидим,
И реже смех средь песен раздается,
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый раз
Мы празднуем лицея день заветный.
Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!
Недаром — нет! — промчалась четверть века!
Не сетуйте: таков судьбы закон;
Вращается весь мир вкруг человека, —
Ужель один недвижим будет он?

Припомните, о други, с той поры,
Когда наш круг судьбы соединили,
Чему, чему свидетели мы были!
Игралища таинственной игры,
Металися смущенные народы;
И высились и падали цари;
И кровь людей то Славы, то Свободы,
То Гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей, —
Тогда гроза двенадцатого года
Еще спала. Еще Наполеон
Не испытал великого народа —
Еще грозил и колебался он.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И в сень наук с досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шел мимо нас... и племена сразились,
Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега.

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда [пред ним] раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!
Вы помните — как оживились вдруг
Сии сады, сии живые воды,
Где проводил он славный свой досуг.

И нет его — и Русь оставил он,
Взнесенну им над миром изумленным,

И на скале изгнанником забвенным,
Всему чужой, угас Наполеон.
И новый царь, суровый и могучий,
На рубеже Европы бодро стал,
[И над землей] сошлися новы тучи,
И ураган их

НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В СВАЙКУ.

Юноша, полный красы, напряженья, усилия чуждый,
Строен, легок и могуч, — тешится быстрой игрой!
Вот и товарищ тебе, дискобол! Он достоин, клянуся,
Дружно обнявшись с тобой, после игры отдыхать.

НА СТАТУЮ ИГРАЮЩЕГО В БАБКИ.

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бодро опѐрся, другой поднял меткую кость.
Вот уж прицелился..... прочь! раздайся, народ любопытный,
Врозь расступись; не мешай русской удàлой игре.

Альфонс садится на коня;
Ему хозяин держит стремя.
„Сеньор, послушайтесь меня:
Пускаться в путь теперь не время,
В горах опасно, ночь близка,
Другая вента далека.
Останьтесь здесь: готов вам ужин;
В камине разложен огонь;
Постеля есть — покой вам нужен,
А к стойлу тянется ваш конь“.
— „Мне путешествие привычно
И днем и ночью — был бы путь, —
Тот отвечает, — неприлично
Бояться мне чего-нибудь.
Я дворянин, — ни чорт, ни воры
Не могут удержать меня,
Когда спешу на службу я“.
И дон Альфонс коню дал шпоры,
И едет рысью. Перед ним
Одна идет дорога в горы
Ущельем тесным и глухим.
Вот выезжает он в долину;
Какую ж видит он картину?
Кругом пустыня, дичь и голь,
А в стороне торчит глаголь,
И на глаголе том два тела

Висят. Закаркав, отлетела
Ватага черная ворон,
Лишь только к ним подъехал он.
То были трупы двух гитанов,
Двух славных братьев-атаманов,
Давно повешенных и там
Оставленных в пример ворам.
Дождями небо их мочило,
⟨А⟩ солнце знойное сушило,
Пустынный ветер их качал,
Клевать их ворон прилетал.
И шла молва в простом народе,
Что, обрываясь по ночам,
Они до утра на свободе
Гуляли, мстя своим врагам.

Альфонсов конь всхрапел и боком
Прошел их мимо, и потом
Понесся резво, легким скоком,
С своим бесстрашным седоком.

Забыв и рощу и свободу,
Невольный чижик надо мной
Зерно клюет и брызжет воду,
И песнью тешится живой.

⟨ИЗ ПИСЬМА К ЯКОВЛЕВУ.⟩

Смирдин меня в беду поверг;
У торгаша сего семь пятниц на неделе,
Его четверг на самом деле
Есть после дождичка четверг.

От меня вечор Леила
Равнодушно уходила.
Я сказал: „Постой, куда?"
А она мне возразила:
„Голова твоя седа".
Я насмешнице нескромной
Отвечал: „Всему пора!
То, что было мускус темный,
Стало нынче камфора".
Но Леила неудачным
Посмеялася речам
И сказала: „Знаешь сам:
Сладок мускус новобрачным,
Камфора годна гробам".

1830 - 1836

Зачем я ею [очарован]?
Зачем расстаться должен с ней?
Когда б я не был избалован
Цыганской жизнию моей

———

Она [глядит на] вас так нежно,
Она лепечет так небрежно,
Она так тонко весела,
Ее глаза так полны чувством,
Вечор она с таким искусством
Из-под накрытого стола
Мне свою ножку подала.

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

Когда безмолвная Варшава поднялась,
И бунтом опьянела,
И смертная борьба началась,
При клике „Польска не згинела!“

Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вести,
Когда бежали вскачь,
И гибло знамя нашей чести.

Варшавы бунт
в дыме
Поникнул ты ⟨главой⟩⟨?⟩ и горько возрыдал,
Как жид о Иерусалиме.

РОДРИГ.

Чудный сон мне бог послал —
С длинной белой бородою
В белой ризе предо мною
Старец некой предстоял
И меня благословлял.
Он сказал мне: „Будь покоен,
Скоро, скоро удостоен
Будешь царствия небес.
[Скоро странствию земному]
Твоему придет конец.
Уж готов⟨ит⟩ ангел смерти
Для тебя святой венец...
Путник — ляжешь на ночлеге,
В ⟨гавань⟩ ⟨?⟩, плаватель, войдешь.
[Бедный] пахарь утомленный,
Отрешишь волов от плуга
На последней борозде.

Ныне грешник тот великой,
О котором предвещанье
Слышал ты давно —
Грешник ждан⟨ный⟩
[Наконец] к тебе [придет]
Исповедовать себя,
И получит разрешенье,
И заснешь ты вечным сном“.

Сон отрадный, благовещный —
Сердце жадное не смеет
И поверить и не верить.
Ах, ужели в самом деле
Близок я к [моей кон⟨чине⟩]?
И страшуся и надеюсь,
Казни вечныя страшуся,
Милосердия надеюсь:
Успокой меня, творец.
Но твоя да будет воля,
Не моя. — Кто там идет?..

О нет, мне жизнь не надоела,
Я жить люблю, я жить хочу,
Душа не вовсе охладела,
Утратя молодость свою.
Еще хранятся наслажденья
Для любопытства моего,
Для милых снов воображенья,
[Для чувств]   всего.

СТИХОТВОРЕНИЯ РАЗНЫХ ГОДОВ

(1814-1836)

Там на брегу, где дремлет лес священный,
    Твое я имя повторял;
Там часто я бродил уединенный
И в даль глядел... и милой встречи ждал.

ЗОЛОТО И БУЛАТ.

„Всё мое“,— сказало злато;
„Всё мое“,— сказал булат.
„Всё куплю“,— сказало злато;
„Всё возьму“,— сказал булат.

Не знаю где, но не у нас,
Достопочтенный лорд Мидас,
С душой посредственной и низкой, —
Чтоб не упасть дорогой склизкой,
Ползком прополз в известный чин
И стал известный господин.
Еще два слова об Мидасе:
Он не хранил в своем запасе
Глубоких замыслов и дум;
Имел он не блестящий ум,
Душой не слишком был отважен;
За то был сух, учтив и важен.
Льстецы героя моего,
Не зная, как хвалить его,
Провозгласить решились тонким...

РУССКОМУ ГЕСНЕРУ.

Куда ты холоден и сух!
Как слог твой чопорен и бледен!
Как в изобретеньях ты беден!
Как утомляешь ты мой слух!
Твоя пастушка, твой пастух
Должны ходить в овчинной шубе:
Ты их морозишь налегке!
Где ты нашел их: в шустер-клубе,
Или на Красном кабачке?

⟨ЩЕРБИНИНУ.⟩

Житье тому, мой милый друг,
Кто страстью глупою не болен,
Кому влюбиться недосуг,
Кто занят всем и всем доволен —
Его не ведает печаль;
Его забавы бесконечны,
Он создал мысленно сераль
И в нем блаженствует, беспечный!

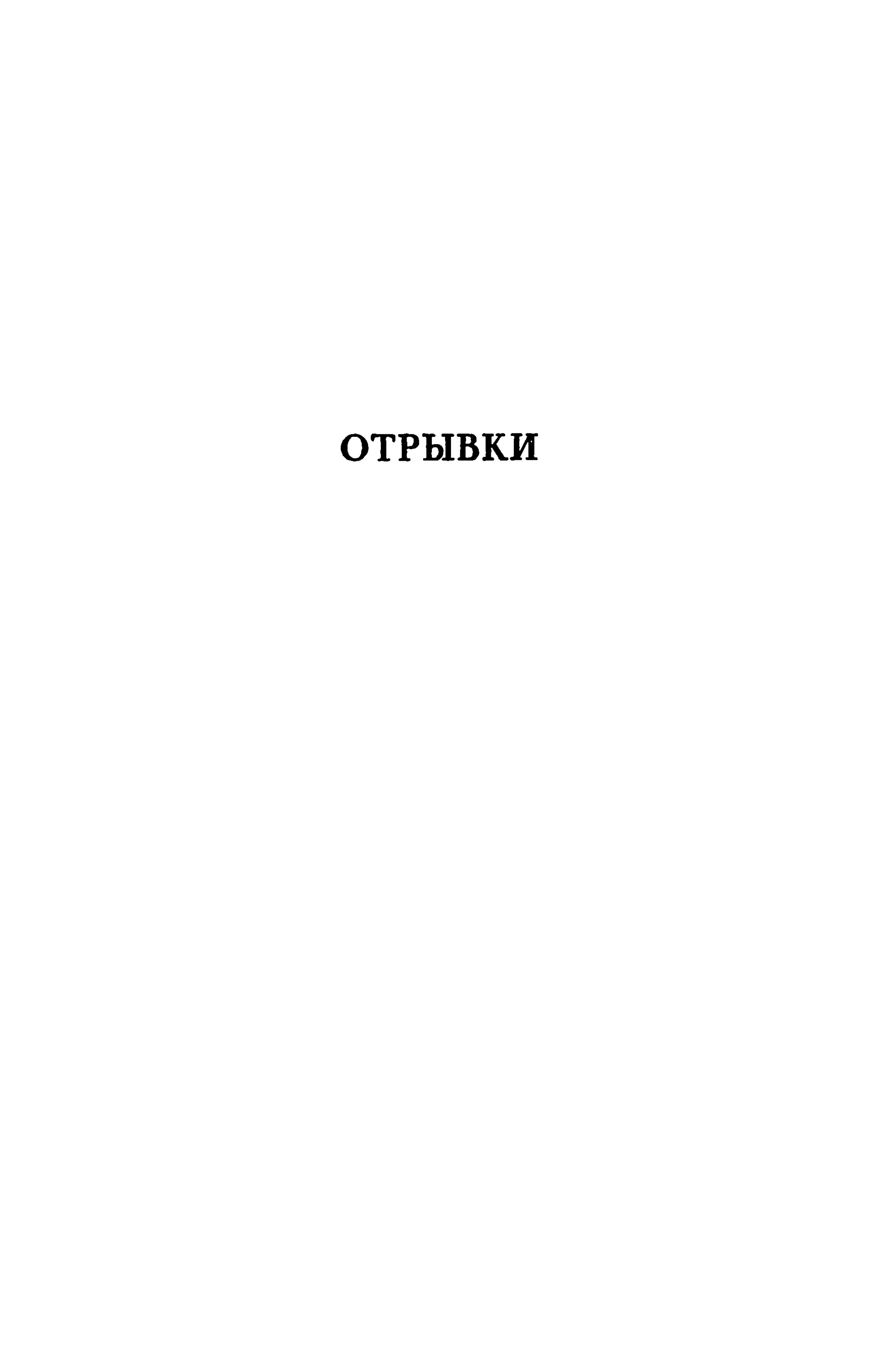
Твои догадки — сущий вздор:
Моих стихов ты не проникнул.
Я знаю, ты картежный вор,
Но от вина ужель отвыкнул?

Когда Потемкину в потемках
Я на Пречистенке найду,
То пусть с Булгариным в потомках
Меня поставят наряду.

Когда так нежно, так сердечно,
Так радостно я встретил вас,
Вы удивилися, конечно,
Досадой хладно вооружась.

[Вечор в счастливом усыпленьи
⟨ ⟩
Мое живое сновиденье
Ваш милый образ озарил.]

С тех пор я слезами
Мечту прелестную зову.
Во сне был осчастливлен вами
И благодарен наяву.

ОТРЫВКИ

1826

* *
*

Восстань, восстань, пророк России,
В позорны ризы облекись,
Иди, и с вервием на выи
К у.⟨бийце⟩⟨?⟩ г.⟨нусному⟩⟨?⟩ явись.

* *
*

И я бы мог, как [шут на]

* *
*

На разность утренних одежд

* *
*

[Пока в нас сердце замирает]

1827

* *
*

Символы верности любя,
Она с⟨упруга⟩⟨?⟩ почитает

1828

* *
*

Но ты забудь меня, мой друг,
Забудь меня, как забывают
Томительный печальный сон,
Когда [по утру отлетают]
[И тень и]

* *
*

[Но вы во мне почтили годы]

* *
*

Волненьем жизни утомленный,
Оставя заблуждений путь,
Я сердце⟨м⟩ алчу отдохнуть
И близ тебя, мой друг бесценный

* *
*

[Проснулся я —] [последний сон]
[Исчез] — [улетает],
[Но] [небосклон]
Еще почивает

* *
*

В рюмке светлой предо мною
Брыжжет, пенится вино.

1829

* *
*

Трудясь над образом прелестной Ушаковой

* *
*

[было мне твое влиянье]

* *
*

О сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух
И Опыт, [сын] ошибок трудных,
И Гений, [парадоксов] друг,
[И Случай, бог изобретатель]

ОТРЫВКИ

1830

* *
*

В пустыне
[Пробился ключ],
Обложен камнями простыми.

* *
*

Тому [одно, одно] мгновенье
Она цвела, свежа, пышна —
И вот уж вянет — и
[опалена]
Иль жар твоей груди
Младую розу опалил —

* *
*

„Тебя зову на томной лире,
[Но] где найду мой идеал?
И кто поймет меня в сем мире?“
Но Анатоль не понимал...

* *
*

Надо мной в лазури ясной
Светит звездочка одна,
Справа — запад темно-красный,
Слева — бледная луна.

* *
*

строгий свет
Смягчил свои предубежденья,
Или простил мне заблужденья
Давно минувших темных лет.

* *
*

[Есть место на земле]

* *
*

и дурак
⟨та⟩к и сяк
боже⟨?⟩
⟨дру⟩зья ⟨?⟩

1831

* *
*

Так старый хрыч, цыган Илья,
Глядит на удаль плясовую
Да чешет голову седую,
Под лад плечами шевеля.

* *
*

Ну, послушайте, дети: жил-был в старые годы
Живописец, католик усердный

1832

* *
*

Одни стихи ему читала,
И щеки рделися у ней,
И тихо грудь ее дышала:
„Приди — жених души моей“.

* *
*

Желал я душу освежить,
Бывалой жизнию пожить
В забвеньи сладком близ друзей
Минувшей юности моей.

———

Я ехал в дальные края;
[Не шумных жаждал я],
Искал не злата, не честей,
В пыли средь копий и мечей

1833

* *
*

В славной, в Муромской земле,
В Карачарове селе
Жил-был дьяк с своей дьячихой.
Под конец их жизни тихой
Бог отраду им послал —
Сына им он даровал.

* *
*

Толпа глухая,
Крылатой новизны любовница [слепая],
[Надменных] [баловней] меня[ет] каждый день,
И   с ступени на ступень
Летят кумиры их, увенчанные ею.

1835

* *
*

То было вскоре после боя,
Как ⟨счастье⟩ бросило героя,
И рать побитая кругом
Лежала

* *
*

Как редко плату получает
[В⟨еликой⟩ д⟨обрый⟩ чел⟨овек⟩
⟨ ⟩
в кой-то век

———

За все заботы и досады
(И то дивиться всякий рад!)
Берет достойные награды
Или достоин сих наград.

* *
*

Не вижу я твоих очей,
И сладострастных и суровых

ОТРЫВКИ

1830—1836

* *
*

Друг сердечный мне намедни говорил:
По тебе я, красна девица, изныл,
На [жену] свою взглянуть я не хочу —
А я всё-таки

* *
*

[Конечно] презирать не трудно
Отдельно каждого глупца,
Сердиться так же безрассудно
И на отдельного страмца.

———

Но что чудно —
Всех вместе презирать и трудно —

———

Их эпиграммы площадные,
Из Бьеврианы занятые

* *
*

Воды глубокие
Плавно текут.
Люди премудрые
Тихо живут.

* *
*

Сей белокаменный фонтан,
Стихов узором испещренный,
[Сооружен и изваян]
⟨ ⟩
[Железный ковшик]
⟨ ⟩
[цепью прицепленный]
[Кто б ни был ты: пастух,
Рыбак иль странник утомленный],
Приди и пей.

* *
*

Еще в ребячестве [бессмысленно лукавом]
Я встретил старика с плешивой головой,
С очами быстрыми, зерцалом мысли зыбкой,
С устами, сжатыми наморщенной улыбкой.

1824—1836

* *
*

Ночь светла; в небесном поле
Ходит Веспер золотой.
Старый дож плывет в гондоле
С догарессой молодой.

ПЛАН НЕНАПИСАННОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

1835—1836

PROLOGUE.

Я посетил твою могилу — но там тесно; les morts m'en distrai⟨en⟩t — теперь иду на поклонение в Ц.⟨арское⟩ С.⟨ело⟩ и в Баб⟨олово.⟩

Ц.⟨арское⟩ С.⟨ело⟩!... (Gray) les jeux du Lycée, nos leçons... Delvig et Kuchel⟨becker⟩, la poésie —

Баб⟨олово⟩

КОЛЛЕКТИВНОЕ

1826

НРАВОУЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ.

1.

РАВНОВЕСИЕ.

О мирный селянин! В твоем жилище нет
Ни злата, ни сребра, но ты счастлив стократно:
С любовью, с дружбой ты проводишь дни приятно,
А в городе и шум, и пыль, и стук карет!

2.

ВЕРНОЕ ПРЕДСКАЗАНИЕ.

„Пройдет ли мой недуг?“ — лев у осла спросил;
Осел ответствовал: „О царь, сильнейший в мире!
Когда ты не умрешь, то будешь жив, как был“ —
Два раза два — четыре.

3.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПОСЛОВИЦЫ.

Одна свеча избу лишь слабо освещала;
Зажгли другую,— что ж? изба светлее стала.
Правдивы древнего речения слова:
Ум хорошо, а лучше два.

4.

МСТИТЕЛЬНОСТЬ.

Пчела ужалила медведя в лоб.
Она за соты мстить обидчику желала;
Но что же? Умерла сама, лишившись жала.
Какой удел того, кто жаждет мести? — Гроб.

5.

НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ.

„Познай, светлейший лев, смятения вину,—
Рек слон:— в народе бунт! повсюду шум и клики!“
„Смирятся,— лев сказал, — лишь гривой я тряхну!“
Опасность не страшна для мощного владыки.

6.

СИЛА И СЛАБОСТЬ.

Орел бьет сокола, а сокол бьет гусей;
Страшатся щуки крокодила;
От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей.
Всегда имеет верх над слабостию сила.

7.

ЛЕБЕДЬ И ГУСЬ.

Над лебедем желая посмеяться,
Гусь тиною его однажды замарал;
Но лебедь вымылся и снова белым стал.—
Что делать, если кто замаран?.. Умываться.

8.

МАРТЫШКА.

Мартышка, с юных лет прыжки свои любя,
И дряхлая еще сквозь обручи скакала;
Что ж вышло из того? — лишь ноги изломала.
Поэт! На старости побереги себя!

9.

ОБЩАЯ СУДЬБА.

Во ржи был василек прекрасный,
Он взрос весною, летом цвел
И наконец увял в дни осени ненастной.
Вот смертного удел!

КОЛЛЕКТИВНОЕ

10.

БЕЗВРЕДНАЯ ССОРА.

За кость поссорились собаки,
Но, поворчавши, унялись
И по домам спокойно разошлись.
Бывают ссоры и без драки.

11.

ЗАКОН ПРИРОДЫ.

Фиалка в воздухе свой аромат лила,
А волк злодействовал в пасущемся народе;
Он кровожаден был, фиалочка — мила:
Всяк следует своей природе.

1827

⟨ЭПИГРАММА НА ШАЛИКОВА.⟩

Князь Шаликов, газетчик наш печальный,
Элегию семье своей читал,
А казачок огарок свечки сальной
Перед певцом со трепетом держал.
Вдруг мальчик наш заплакал, запищал.
„Вот, вот с кого пример берите, дуры!“—
Он дочерям в восторге закричал.—
„Откройся мне, о милый сын натуры,
Ах! что слезой твой осребрило взор?“
А тот ему: „Мне хочется на двор“.

КОЛЛЕКТИВНОЕ

1828

⟨В. Л. ПУШКИНУ.⟩

Любезнейший наш друг, о ты, Василий Львович!
Буянов в старину, а нынешний Храбров,
Меж проповедников Парнаса — Прокопович!
Пленительный толмач и граций и скотов,
Что делаешь в Москве, первопрестольном граде?
А мы печемся здесь о вечном винограде
И соком лоз его пьем здравие твое.

1833

Надо помянуть, непременно помянуть надо:
Трех Матрен
Да Луку с Петром;
Помянуть надо и тех, которые, например:
Бывшего поэта Панцербитера,
Нашего прихода честного пресвитера,
Купца Риттера,
Резанова, славного русского кондитера,
Всех православных христиан города Санкт-Питера,
Да покойника Юпитера.
Надо помянуть, непременно надо:
Московского поэта Вельяшева,
Его превосходительство генерала Ивашева,
И двоюродного братца нашего и вашего.
Нашего Вальтера Скотта Масальского,
Дона Мигуэля, короля Португальского,
И господина городничего города Мосальского.
Надо помянуть, помянуть надо, непременно надо:
Покойной Беседы члена Кикина,
Российского дворянина Боборыкина
И известного в Банке члена Аникина,
Надобно помянуть и тех, которые, например, между прочими:
Раба божия Петрищева,
Известного автора Радищева,
Русского лексикографа Татищева,
Сенатора с жилою на лбу Ртищева,
Какого-то барина Станищева,
Пушкина, не Мусина, не Онегинского, а Бобрищева,
Ярославского актера Канищева,
Нашего славного поэта шурина Павлищева,

Сенатора Павла Ивановича Кутузова-Голенищева
И, ради Христа, всякого доброго нищего.
Надо еще помянуть, непременно надо:
Бывшего французского короля Дисвитского,
Бывшего варшавского коменданта Левицкого
И полковника Хвитскэго,
Американца Монрое,
Виконта Дарленкура и его Ипсибое
И всех спасшихся от потопа при Ное,
Музыкального Бетховена,
И таможенного Овена,
Александра Михайловича Гедеонова,
Всех членов старшего и младшего дома Бурбонова,
И супруга Берийского неизвестного, оного,
Камер-юнкера Загряжского,
Уездного заседателя города Ряжского,
И отцов наших, державшихся вина фряжского,
Славного лирика Ломоносова,
Московского статистика Андросова
И Петра Андреевича, князя Вяземского курносого,
Оленина Стереотипа
И Вигеля, Филиппова сына Филиппа,
Бывшего камергера Приклонского,
Г.⟨осподина⟩ Шафонского,
Карманный грош кн⟨язя⟩ Гр⟨игория⟩ Волконского
И уж Александра Македонского,
Этого не обойдешь, не объедешь, надо
Помянуть... покойника Винценгероде,
Саксонского министра Люцероде,
Графиню вицеканцлершу Нессельроде,
Покойного скрыпача Роде,
Хвостова в анакреонтическом роде;
Уж как ты хочешь, надо помянуть
Графа нашего приятеля Велегорского
(Что не любит вина горского),
А по нашему Велеурского,
Покойного пресвитера Самбурского,
Дершау, полицмейстера С.-Петербургского,
Почтмейстера города Василисурского;
Надо помянуть — парикмахера Эме,
Ресторатора Дюме,

Ланского, что губернатором в Костроме,
Доктора Шулера, умершего в чуме,
И полковника Бартоломе.
Повара али историографа Миллера,
Немецкого поэта Шиллера
И Пинети, славного ташеншпилера.
Надобно помянуть (особенно тебе) Арндта,
Да англичанина Warnta,
Известного механика Мокдуано,
Москетти, московского сопрано
И всех тех, которые напиваются рано.
Натуралиста Кювье
И суконных фабрикантов города Лувье,
Французского языка учителя Жиля,
Отставного английского министра Пиля,
И живописца-аматера Киля.
Надобно помянуть:
Жуковского балладника
И Марса, питерского помадника.
Надо помянуть:
Господ: Чулкова,
Носкова,
Башмакова,
Сапожкова
Да при них и генерала Пяткина
И князя Ростовского-Касаткина.

1831—1836

Коль ты к Смирдину войдешь,
Ничего там не найдешь,
Ничего ты там не купишь,
Лишь Сенковского толкнешь
Иль в Булгарина наступишь.

1836

⟨КАНОН В ЧЕСТЬ М. И. ГЛИНКИ.⟩

Пой в восторге, русский хор,
Вышла новая новинка.
Веселися, Русь! наш Глинка —
Уж не Глинка, а фарфор!

За прекрасную новинку
Славить будет глас молвы
Нашего Орфея Глинку
От Неглинной до Невы.

В честь толь славныя новинки
Грянь, труба и барабан,
Выпьем за здоровье Глинки
Мы глинтвейну стакан.

Слушая сию новинку,
Зависть, злобой омрачась,
Пусть скрежещет, но уж Глинку
Затоптать не может в грязь.

DUBIA

1827

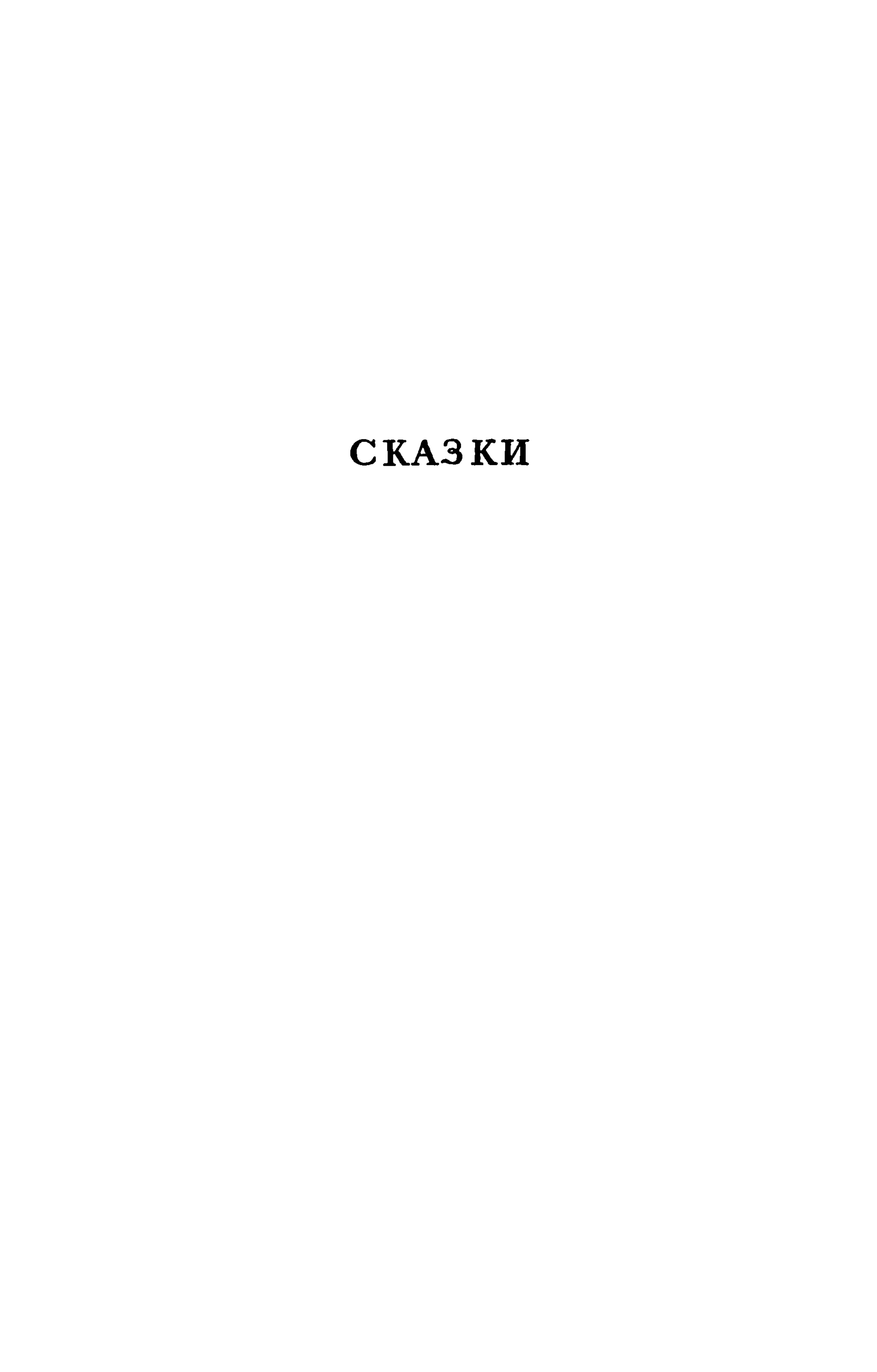
⟨КЖ. С. А. УРУСОВОЙ.⟩

Не веровал я троице доныне:
Мне бог тройной казался всё мудрен;
Но вижу вас и, верой одарен,
Молюсь трем грациям в одной богине.

1834

НАДПИСЬ К ВОРОТАМ ЕКАТЕРИНГОФА.

Хвостовым некогда воспетая дыра!
Провозглашаешь ты природы русской скупость,
Самодержавие Петра
И Милорадовича глупость.

СКАЗКИ

СКАЗКА
О
ПОПЕ И О РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДЕ.

Жил-был поп,
Толоконный лоб.
Пошел поп по базару
Посмотреть кой-какого товару.
На встречу ему Балда
Идет, сам не зная куда.
„Что, батька, так рано поднялся?
Чего ты взыскался?“
Поп ему в ответ: „Нужен мне работник:
Повар, конюх и плотник.
А где найти мне такого
Служителя не слишком дорогого?“
Балда говорит: „Буду служить тебе славно,
Усердно и очень исправно,
В год за три щелка тебе по лбу,
Есть же мне давай вареную полбу“.
Призадумался поп,
Стал себе почесывать лоб.
Щелк щелку ведь розь.
Да понадеялся он на русской авось.
Поп говорит Балде: „Ладно.
Не будет нам обоим накладно.
Поживи-ка на моем подворье,
Окажи свое усердие и проворье“.
Живет Балда в поповом доме,
Спит себе на соломе,

Ест за четверых,
Работает за семерых;
До светла всё у него пляшет,
Лошадь запряжет, полосу вспашет,
Печь затопит, всё заготовит, закупит,
Яичко испечет да сам и облупит.
Попадья Балдой не нахвалится,
Поповна о Балде лишь и печалится,
Попенок зовет его тятей;
Кашу заварит, нянчится с дитятей.
Только поп один Балду не любит,
Никогда его не приголубит,
О расплате думает частенько;
Время идет, и срок уж близенько.
Поп ни ест, ни пьет, ночи не спит:
Лоб у него заране трещит.
Вот он попадье признается:
„Так и так: что делать остается?"
Ум у бабы догадлив,
На всякие хитрости повадлив.
Попадья говорит: „Знаю средство,
Как удалить от нас такое бедство:
Закажи Балде службу, чтоб стало ему не в мочь,
А требуй, чтоб он ее исполнил точь-в-точь.
Тем ты и лоб от расправы избавишь
И Балду-то без расплаты отправишь".
Стало на сердце попа веселее,
Начал он глядеть на Балду посмелее.
Вот он кричит: „Поди-ка сюда,
Верный мой работник Балда.
Слушай: платить обязались черти
Мне оброк по самой моей смерти;
Лучшего б не надобно дохода,
Да есть на них недоимки за три года.
Как наешься ты своей полбы,
Собери-ка с чертей оброк мне полный".
Балда, с попом понапрасну не споря,
Пошел, сел у берега моря;

Там он стал веревку крутить
Да конец ее в море мочить.
Вот из моря вылез старый Бес:
„Зачем ты, Балда, к нам залез?“
— „Да вот веревкой хочу море мòрщить,
Да вас, проклятое племя, корчить.“
Беса старого взяла тут унылость.
„Скажи, за что такая немилость?“
— „Как за что? Вы не плотите оброка,
Не помните положеного срока;
Вот ужо будет нам потеха,
Вам, собакам, великая помеха“.
— „Бàлдушка, погоди ты морщить море,
Оброк сполна ты получишь вскоре.
Погоди, вышлю к тебе внука“.
Балда мыслит: „Этого провести не штука!“
Вынырнул подосланный бесенок,
Замяукал он как голодный котенок:
„Здравствуй, Балда мужичок;
Какой тебе надобен оброк?
Об оброке век мы не слыхали,
Не было чертям такой печали.
Ну, так и быть — возьми, да с уговору,
С общего нашего приговору —
Чтобы впредь не было никому горя:
Кто скорее из нас обежит около моря,
Тот и бери себе полный оброк,
Между тем там приготовят мешок“.
Засмеялся Балда лукаво:
„Что ты это выдумал, право?
Где тебе тягаться со мною,
Со мною, с самим Балдою?
Экого послали супостата!
Подожди-ка моего меньшого брата“.
Пошел Балда в ближний лесок,
Поймал двух зайков, да в мешок.
К морю опять он приходит,
У моря бесенка находит.

Держит Балда за уши одного зайку:
„Попляши-тка ты под нашу балалайку;
Ты, бесенок, еще молоденек,
Со мною тягаться слабенек;
Это было б лишь времени трата.
Обгони-ка сперва моего брата.
Раз, два, три! догоняй-ка“.
Пустились бесенок и зайка:
Бесенок по берегу морскому,
А зайка в лесок до дому.
Вот, море кругом обежавши,
Высунув язык, мордку поднявши,
Прибежал бесенок, задыхаясь,
Весь мокрешенек, лапкой утираясь,
Мысля: дело с Балдою сладит.
Глядь — а Балда братца гладит,
Приговаривая: „Братец мой любимый,
Устал, бедняжка! отдохни, родимый“.
Бесенок оторопел,
Хвостик поджал, совсем присмирел,
На братца поглядывает боком.
„Погоди, — говорит, — схожу за оброком“.
Пошел к деду, говорит: „Беда!
Обогнал меня меньшой Балда!“
Старый Бес стал тут думать думу.
А Балда наделал такого шуму,
Что всё море смутилось
И волнами так и расходилось.
Вылез бесенок: „Полно, мужичок,
Вышлем тебе весь оброк —
Только слушай. Видишь ты палку эту?
Выбери себе любую мету.
Кто далее палку бросит,
Тот пускай и оброк уносит.
Что ж? боишься вывихнуть ручки?
Чего ты ждешь?“ — „Да жду вон этой тучки;
Зашвырну туда твою палку,
Да и начну с вами, чертями, свалку“.

Испугался бесенок да к деду,
Рассказывать про Балдову победу,
А Балда над морем опять шумит
Да чертям веревкой грозит.
Вылез опять бесенок: „Что ты хлопочешь?
Будет тебе оброк, коли захочешь...“
— „Нет, говорит Балда: —
Теперь моя череда,
Условия сам назначу,
Задам тебе, враженок, задачу.
Посмотрим, какова у тебя сила.
Видишь, там сивая кобыла?
Кобылу подыми-тка ты,
Да неси ее полверсты;
Снесешь кобылу, оброк уж твой;
Не снесешь кобылы, ан будет он мой“.
Бедненькой бес
Под кобылу подлез,
Понатужился,
Понапружился,
Приподнял кобылу, два шага шагнул,
На третьем упал, ножки протянул.
А Балда ему: „Глупый ты бес,
Куда ж ты за нами полез?
И руками-то снести не смог,
А я, смотри, снесу промеж ног“.
Сел Балда на кобылку верьхом,
Да версту проскакал, так что пыль столбом.
Испугался бесенок и к деду
Пошел рассказыв⟨ать⟩ про такую победу.
Черти стали в кружок,
Делать нечего — собрали полный оброк
Да на Балду взвалили мешок.
Идет Балда, покрякивает,
А поп, завидя Балду, вскакивает,
За попадью прячется,
Со страху корячится.
Балда его тут отыскал,

Отдал оброк, платы требовать стал.
Бедный поп
Подставил лоб:
С первого щелка
Прыгнул поп до потолка;
Со второго щелка
Лишился поп языка;
А с третьего щелка
Вышибло ум у старика.
А Балда приговаривал с укоризной:
„Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной“.

СКАЗКА
О
МЕДВЕДИХЕ.

Как весенней теплою порою
Из-под утренней белой зорюшки,
Что из лесу, из лесу из дремучего
Выходила медведиха
Со милыми детушками медвежатами
Погулять, посмотреть, себя показать.
Села медведиха под белой березою;
Стали медвежата промеж собой играть,
По муравушке валятися,
Боротися, кувыркатися.
Отколь ни возьмись мужик идет,
Он во руках несет рогатину,
А нож-то у него за поясом,
А мешок-то у него зà плечьми.
Как завидела медведиха
Мужика со рогатиной,
Заревела медведиха,
Стала кликать малых детушек,
Своих глупых медвежат⟨ушек⟩.
Ах вы детушки, медвежатушки,
Перестаньте играть, валятися,
Боротися, кувыркатися.
Уж как знать на нас мужик идет.
Становитесь, хоронитесь за меня.
Уж как я вас мужику не выдам
И сама мужику .... выем.

Медвежатушки испугали⟨ся⟩,
За медведиху бросали⟨ся⟩,
А медведиха осержалася,
На дыбы подымалася.
А мужик-от он догадлив был,
Он пускался на медведиху,
Он сажал в нее рогатину
Что повыше пупа, пониже печени.
Грянулась медведиха о сыру землю,
А мужик-то ей брюхо порол,
⟨Брюхо порол да⟩ шкуру ⟨сымал⟩,
Малых медв⟨ежатушек⟩ в мешок [по]клал,
А поклавши-то домой пошел.

„Вот тебе, жена, подарочек,
Что медвежия шуба в пятьдесят руб⟨лев⟩,
А что вот тебе другой подарочек,
Трои медвежа⟨та⟩ по пять рублев“.

Не звоны пошли по городу,
Пошли вести по всему по лесу,
Дошли вести до медведя чернобурого,
Что убил мужик его медв⟨едиху⟩,
Распорол ей брюхо белое,
Брюхо распорол да шкуру сымал,
Медвежатушек в мешок поклал.
В ту пору медведь запечалился,
Голову повесил, голосом завыл
Про свою ли сударушку,
Чернобурую медведиху.
— Ах ты свет моя медведиха,
На кого меня покинула,
Вдовца печального,
Вдовца горемычного?
Уж как мне с тобой, моей боярыней,
Веселой игры не игрывати,

Милых детушек не родити,
Медвежатушек не качати,
Не качати, не баюкати. —
В ту пору звери собиралися
Ко тому ли медведю, к боярину.
Приходили звери большие,
Прибегали тут зверишки меньшие.
Прибегал туто волк дворянин,
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые.
Приходил тут бобр, богатый гость,
У него-то бобра жирный хвост.
Приходила ласточка дворяночка,
Приходила белочка княгин⟨ечка⟩,
Приходила лисица подьячиха,
Подьячиха, казначеиха,
Приходил скоморох горностаюшка,
Приходил байбак тут игумен,
Живет он байбак позадь гумен.
Прибегал тут зайка-смерд,
Зайка бедненькой, зайка серенькой.
Приходил целовальник еж,
Всё-то еж он ежится,
Всё-то он щетинится. —

СКАЗКА
О
ЦАРЕ САЛТАНЕ, О СЫНЕ ЕГО СЛАВНОМ И МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ КНЯЗЕ ГВИДОНЕ САЛТАНОВИЧЕ И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНЕ ЛЕБЕДИ.

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
„Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир“.
„Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна“.
„Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря“.

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрыпела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во всё время разговора
Он стоял позадь забора;
Речь последней по всему
Полюбилася ему.
„Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, — будь царица
И роди богатыря

Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха".

В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.

В те-поры война была.
Царь Салтан, с женой простяся,
На добра-коня садяся,
Ей наказывал себя
Поберечь, его любя.
Между тем, как он далёко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребенком
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,

Чтоб обрадовать отца.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
„Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку“.

Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
„Ждать царева возвращенья
Для законного решенья“.

Едет с грамотой гонец,
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Обобрать его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую —
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
„Царь велит своим боярам,
Времени не тратя даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездну вод“.
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,

В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатили
И пустили в Окиян —
Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.
День прошел, царица вопит...
А дитя волну торопит:
„Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!“
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена;
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?
Бог не уж то их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,

Понатужился немножко:
„Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?“ — молвил он,
Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле,
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам однако нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой завострил
И пошел на край долины
У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...
Видно нà море не тихо;
Смотрит — видит дело лихо:
Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вкруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клёв кровавый навострил...
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела —
Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;
Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плывет,
Злого коршуна клюет,

Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит —
И царевичу потом
Молвит русским языком:
„Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море;
Это горе — всё не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Ввек тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись".

Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились на тощак. —
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грезы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей. —
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!... „То ли будет? —
Говорит он, — вижу я:
Лебедь тешится моя".
Мать и сын идут ко граду.

Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают
И царевича венчают
Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой —
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острову
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой —
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
„Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;

А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...“
Князь им вымолвил тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон“.
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальный;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?“ —
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
„Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я б хотел отца“.
Лебедь князю: „Вот в чем горе!
Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблем?
Будь же, князь, ты комаром“.
И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала
И обрызгала его
С головы до ног — всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корабль — и в щель забился.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит

Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.—
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет;
За морем житье нехудо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единый;
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами,
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон“.
Царь Салтан дивится чуду;
Молвит он: „Коль жив я буду,

Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу".
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
„Уж диковинка, ну право, —
Подмигнув другим лукаво,
Повариха говорит: —
Город у моря стоит!
Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поет
И орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут".
Чуду царь Салтан дивится,
А комар-то злится, злится —
И впился комар как раз
Тетке прямо в правый глаз.
Повариха побледнела,
Обмерла и окривела.
Слуги, сватья и сестра
С криком ловят комара.
„Распроклятая ты мошка!
Мы тебя!..." А он в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?" —

Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
„Грусть-тоска меня съедает;
Чудо чудное завесть
Мне б хотелось. Где-то есть
Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право, не безделка —
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Но, быть может, люди врут“.
Князю лебедь отвечает:
„Свет о белке правду бает;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебе я в дружбу“.
С ободренною душой
Князь пошел себе домой;
Лишь ступил на двор широкой —
Что ж? под елкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет,
И с присвисточкой поет
При честном при всем народе:
Во саду ли, в огороде.
Изумился князь Гвидон.
„Ну, спасибо, — молвил он: —
Ай да лебедь — дай ей боже,
Что и мне, веселье то же“.
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом,
Караул к нему приставил

И притом дьяка заставил
Строгий счет орехам весть.
Князю прибыль, белке честь.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
„Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далек:
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...“
Говорит им князь тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлет царю-де свой поклон“.

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь — а лебедь там
Уж гуляет по волнам.

Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит....
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На корабль — и в щель залез.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана —
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят,
Злыми жабами глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо,
И какое в свете чудо?"
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет;
За морем житье нехудо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,

Град на острове стоит
С златоглавыми церквами,
С теремами да садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка там живет ручная,
Да затейница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной —
И приставлен дьяк приказный
Строгий счет орехам весть;
Отдает ей войско честь;
Из скорлупок льют монету,
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да подспуд;
Все в том острове богаты,
Изоб нет, везде палаты;
А сидит в нем князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон".
Царь Салтан дивится чуду.
„Если только жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу".
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят его пустить
Чудный остров навестить.
Усмехнувшись исподтиха,
Говорит царю ткачиха:
„Что тут дивного? ну, вот!
Белка камушки грызет,
Мечет золото и в груды

Загребает изумруды;
Этим нас не удивишь,
Правду ль, нет ли говоришь.
В свете есть иное диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Это диво, так уж диво,
Можно молвить справедливо!"
Гости умные молчат,
Спорить с нею не хотят.
Диву царь Салтан дивится,
А Гвидон-то злится, злится....
Зажужжал он и как раз
Тетке сел на левый глаз,
И ткачиха побледнела:
„Ай!" и тут же окривела;
Все кричат: „Лови, лови,
Да дави ее, дави....
Вот ужо! постой немножко,
Погоди...." А князь в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море прилетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?

Опечалился чему?" —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
„Грусть-тоска меня съедает —
Диво б дивное хотел
Перенесть я в мой удел".
— „А какое ж это диво?"
— „Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор".
Князю лебедь отвечает:
„Вот что, князь, тебя смущает?
Не тужи, душа моя,
Это чудо знаю я.
Эти витязи морские
Мне ведь братья все родные.
Не печалься же, ступай,
В гости братцев поджидай".

Князь пошел, забывши горе,
Сел на башню, и на море
Стал глядеть он; море вдруг
Всколыхалося вокруг,
Расплескалось в шумном беге
И оставило на бреге
Тридцать три богатыря;
В чешуе, как жар горя,
Идут витязи четами,
И блистая сединами
Дядька впереди идет

И ко граду их ведет.
С башни князь Гвидон сбегает,
Дорогих гостей встречает;
Второпях народ бежит;
Дядька князю говорит:
„Лебедь нас к тебе послала
И наказом наказала
Славный город твой хранить
И дозором обходить.
Мы отныне ежеденно
Вместе будем непременно
У высоких стен твоих
Выходить из вод морских,
Так увидимся мы вскоре,
А теперь пора нам в море;
Тяжек воздух нам земли“.
Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
„Чем вы, гости, торг ведете?
И куда теперь плывете?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет;
Торговали мы булатом,
Чистым серебром и златом,
И теперь нам вышел срок;
А лежит нам путь далек,

Мимо острова Буяна
В царство славного Салтана".
Говорит им князь тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану.
Да скажите ж: князь Гвидон
Шлет-де свой царю поклон".

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Князь опять: душа-де просит...
Так и тянет и уносит....
И опять она его
Вмиг обрызгала всего.
Тут он очень уменьшился,
Шмелем князь оборотился,
Полетел и зажужжал;
Судно на море догнал;
Потихоньку опустился
На корму — и в щель забился.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит, весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.

А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят —
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо?
И какое в свете чудо?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет;
За морем житье нехудо;
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге —
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря,
В чешуе златой горя,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор;
Старый дядька Черномор
С ними из моря выходит
И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить
И дозором обходить —
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А сидит там князь Гвидон;
Он прислал тебе поклон“.
Царь Салтан дивится чуду.
„Коли жив я только буду,

Чудный остров навещу
И у князя погощу".
Повариха и ткачиха
Ни гугу — но Бабариха
Усмехнувшись говорит:
„Кто нас этим удивит?
Люди из моря выходят
И себе дозором бродят!
Правду ль бают или лгут,
Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвесть;
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво".
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится —
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей;
Он над ней жужжит, кружится —
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь;
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
„Помогите, ради бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави....

Вот ужо! пожди немножко,
Погоди!...“ А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.

Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?“ —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
„Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся; гляжу,
Неженат лишь я хожу“.
— „А кого же на примете
Ты имеешь?“ — „Да на свете,
Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвесть.
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает —
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?“
Князь со страхом ждет ответа.
Лебедь белая молчит
И подумав говорит:
„Да! такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь,
Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом —

Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не раскаяться б потом".
Князь пред нею стал божиться,
Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем;
Что готов душою страстной
За царевною прекрасной
Он пешком итти отсель.
Хоть за тридевять земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: „Зачем далёко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна эта — я".
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилася в кусты,
Встрепенулась, отряхнулась
И царевной обернулась:
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царевну обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушки своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
„Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе.
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови

Жить в совете и любви".
Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
„Бог вас, дети, наградит".
Князь не долго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Он их кормит и поит
И ответ держать велит:
„Чем вы, гости, торг ведете,
И куда теперь плывете?"
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет,
Торговали мы не даром
Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далек:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана".
Князь им вымолвил тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану;
Да напомните ему,
Государю своему:

К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался —
Шлю ему я свой поклон".
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце,
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?"
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет;
За морем житье нехудо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,
С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка в нем живет ручная,

Да чудесница какая!
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Великаны молодые,
Все равны, как на подбор —
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвесть:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:
К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался".

Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,

Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
„Что я? царь или дитя? —
Говорит он не шутя: —
Нынче ж еду!“ — Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва, едва трепещет,
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
„Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда“.
Флот уж к острову подходит.
Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольнях зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;

В город он повел царя,
Ничего не говоря.

Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкой:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает
И в мешечек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале — торопливо
Смотрят — что ж? княгиня — диво:
Под косой луна блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит — и узнает....
В нем взыграло ретивое!
„Что я вижу? что такое?
Как!“ — и дух в нем занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу
И сынка и молодицу,
И садятся все за стол;
И веселый пир пошел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Разбежались по углам;

Их нашли насилу там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел — царя Салтана
Уложили спать вполпьяна.
Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

СКАЗКА
О
РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Жил старик со своею старухой
У сáмого синего моря;
Они жили в ветхой землянке
Ровно тридцать лет и три года.
Старик ловил неводом рыбу,
Старуха пряла свою пряжу.
Раз он в море закинул невод, —
Пришел невод с одною тиной.
Он в другой раз закинул невод, —
Пришел невод с травой морскою.
В третий раз закинул он невод,
Пришел невод с одною рыбкой,
С непростою рыбкой, — золотою.
Как взмолится золотая рыбка!
Голосом молвит человечьим:
„Отпусти ты, старче, меня в море!
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь."
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
„Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо;

Ступай себе в синее море,
Гуляй там себе на просторе."

Воротился старик ко старухе,
Рассказал ей великое чудо.
„Я сегодня поймал было рыбку,
Золотую рыбку, непростую;
По нашему говорила рыбка,
Домой в море синее просилась,
Дорогою ценою откупалась:
Откупалась чем только пожелаю.
Не посмел я взять с нее выкуп;
Так пустил ее в синее море."
Старика старуха забранила:
„Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем раскололось".

Вот пошел он к синему морю;
Видит, — море слегка разыгралось.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка и спросила:
„Чего тебе надобно, старче?"
Ей с поклоном старик отвечает:
„Смилуйся, государыня рыбка,
Разбранила меня моя старуха,
Не дает старику мне покою:
Надобно ей новое корыто;
Наше-то совсем раскололось."
Отвечает золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себе с богом,
Будет вам новое корыто."

Воротился старик ко старухе,
У старухи новое корыто.
Еще пуще старуха бранится,

„Дурачина ты, простофиля!
Выпросил, дурачина, корыто!
В корыте много ль корысти?
Воротись, дурачина, ты к рыбке;
Поклонись ей, выпроси уж избу."

Вот пошел он к синему морю,
(Помутилося синее море).
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
„Чего тебе надобно, старче?"
Ей старик с поклоном отвечает:
„Смилуйся, государыня рыбка!
Еще пуще старуха бранится,
Не дает старику мне покою:
Избу просит сварливая баба."
Отвечает золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себе с богом,
Так и быть: изба вам уж будет."
Пошел он ко своей землянке,
А землянки нет уж и следа;
Перед ним изба со светелкой,
С кирпичною, беленою трубою,
С дубовыми, тесовыми вороты.
Старуха сидит под окошком,
На чем свет стоит — мужа ругает.
„Дурачина ты, прямой простофиля!
Выпросил, простофиля, избу!
Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть черной крестьянкой,
Хочу быть столбовою дворянкой."

Пошел старик к синему морю;
(Не спокойно синее море).
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
„Чего тебе надобно, старче?"

Ей с поклоном старик отвечает:
„Смилуйся, государыня рыбка!
Пуще прежнего старуха вздурилась,
Не дает старику мне покою:
Уж не хочет быть она крестьянкой,
Хочет быть столбовою дворянкой.“
Отвечает золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себе с богом.“

Воротился старик ко старухе.
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке,
Парчевая на маковке кичка,
Жемчуги огрузили шею,
На руках золотые перстни,
На ногах красные сапожки.
Перед нею усердные слуги;
Она бьет их, за чупрун таскает.
Говорит старик своей старухе:
„Здравствуй, барыня сударыня дворянка!
Чай, теперь твоя душенька довольна.“
На него прикрикнула старуха,
На конюшне служить его послала.

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась;
Опять к рыбке старика посылает.
„Воротись, поклонися рыбке:
Не хочу быть столбовою дворянкой,
А хочу быть вольною царицей.“
Испугался старик, взмолился:
„Что ты, баба, белены объелась?
Ни ступить, ни молвить не умеешь!
Насмешишь ты целое царство.“
Осердилася пуще старуха,
По щеке ударила мужа.

„Как ты смеешь, мужик, спорить со мною,
Со мною, дворянкой столбовою? —
Ступай к морю, говорят тебе честью;
Не пойдешь, поведут по неволе."

Старичок отправился к морю,
(Почернело синее море).
Стал он кликать золотую рыбку.
Приплыла к нему рыбка, спросила:
„Чего тебе надобно, старче?"
Ей с поклоном старик отвечает:
„Смилуйся, государыня рыбка!
Опять моя старуха бунтует:
Уж не хочет быть она дворянкой,
Хочет быть вольною царицей."
Отвечает золотая рыбка:
„Не печалься, ступай себе с богом!
Добро! будет старуха царицей!"

Старичок к старухе воротился.
Что ж? пред ним царские палаты,
В палатах видит свою старуху,
За столом сидит она царицей,
Служат ей бояре да дворяне,
Наливают ей заморские вины;
Заедает она пряником печатным;
Вкруг ее стоит грозная стража,
На плечах топорики держат.
Как увидел старик, — испугался!
В ноги он старухе поклонился,
Молвил: „Здравствуй, грозная царица!
Ну теперь твоя душенька довольна."
На него старуха не взглянула,
Лишь с очей прогнать его велела.
Подбежали бояре и дворяне,
Старика в-зашеи затолкали.
А в дверях-то стража подбежала,

Топорами чуть не изрубила.
А народ-то над ним насмеялся:
„По делом тебе, старый невежа!
Впредь тебе, невежа, наука:
Не садися не в свои сани!“

Вот неделя, другая проходит,
Еще пуще старуха вздурилась.
Царедворцев за мужем посылает,
Отыскали старика, привели к ней.
Говорит старику старуха:
„Воротись, поклонися рыбке.
Не хочу быть вольною царицей,
Хочу быть владычицей морскою,
Чтобы жить мне в Окияне море,
Чтоб служила мне рыбка золотая
И была б у меня на посылках.“

Старик не осмелился перечить,
Не дерзнул поперек слова молвить.
Вот идет он к синему морю,
Видит, на море черная буря:
Так и вздулись сердитые волны,
Так и ходят, так воем и воют.
Стал он кликать золотую рыбку,
Приплыла к нему рыбка, спросила:
„Чего тебе надобно, старче?“
Ей старик с поклоном отвечает:
„Смилуйся, государыня рыбка!
Что мне делать с проклятою бабой?
Уж не хочет быть она царицей,
Хочет быть владычицей морскою;
Чтобы жить ей в Окияне море,
Чтобы ты сама ей служила
И была бы у ней на посылках.“ —
Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула

И ушла в глубокое море.
Долго у моря ждал он ответа,
Не дождался, к старухе воротился — —
Глядь: опять перед ним землянка;
На пороге сидит его старуха,
А пред нею разбитое корыто.

СКАЗКА
О
МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ.

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.
Ждет-пождет с утра до ночи,
Смотрит в поле, инда очи
Разболелись глядючи
С белой зори до ночи;
Не видать милого друга!
Только видит: вьется вьюга,
Снег валится на поля,
Вся белешенька земля.
Девять месяцев проходит,
С поля глаз она не сводит.
Вот в сочельник в самый, в ночь
Бог дает царице дочь.
Рано утром гость желанный,
День и ночь так долго жданный,
Издалеча наконец
Воротился царь-отец.
На него она взглянула,
Тяжелешенько вздохнула,
Восхищенья не снесла,
И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен,
Но как быть? и он был грешен;
Год прошел как сон пустой,
Царь женился на другой.
Правду молвить, молодица
Уж и впрямь была царица:
Высока, стройна, бела,
И умом и всем взяла;
Но зато горда, ломлива,
Своенравна и ревнива.
Ей в приданое дано
Было зеркальце одно;
Свойство зеркальце имело:
Говорить оно умело.
С ним одним она была
Добродушна, весела,
С ним приветливо шутила
И красуясь говорила:
„Свет мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?“
И ей зеркальце в ответ:
„Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее“.
И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая,
Тихомолком расцветая,
Между тем росла, росла,
Поднялась — и расцвела,
Белолица, черноброва,

Нраву кроткого такого.
И жених сыскался ей,
Королевич Елисей.
Сват приехал, царь дал слово,
А приданое готово:
Семь торговых городов,
Да сто сорок теремов.

На девичник собираясь,
Вот царица наряжаясь
Перед зеркальцем своим,
Перемолвилася с ним:
„Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?“
Что же зеркальце в ответ?
„Ты прекрасна, спору нет;
Но царевна всех милее,
Всех румяней и белее“.
Как царица отпрыгнет,
Да как ручку замахнет,
Да по зеркальцу как хлопнет,
Каблучком-то как притопнет!...
„Ах ты, мерзкое стекло!
Это врешь ты мне на зло.
Как тягаться ей со мною?
Я в ней дурь-то успокою.
Вишь какая подросла!
И не диво, что бела: —
Мать брюхатая сидела,
Да на снег лишь и глядела!
Но скажи: как можно ей
Быть во всем меня милей?
Признавайся: всех я краше.
Обойди всё царство наше,
Хоть весь мир; мне ровной нет.
Так ли?“ Зеркальце в ответ:
„А царевна всё ж милее,
Всё ж румяней и белее“.

Делать нечего. Она,
Черной зависти полна,
Бросив зеркальце под лавку,
Позвала к себе Чернавку,
И наказывает ей,
Сенной девушке своей,
Весть царевну в глушь лесную
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.

Чорт ли сладит с бабой гневной?
Спорить нечего. С царевной
Вот Чернавка в лес пошла
И в такую даль свела,
Что царевна догадалась,
И до смерти испугалась,
И взмолилась: „Жизнь моя!
В чем, скажи, виновна я?
Не губи меня, девица!
А как буду я царица,
Я пожалую тебя".
Та, в душе ее любя,
Не убила, не связала,
Отпустила и сказала:
„Не кручинься, бог с тобой".
А сама пришла домой.
„Что? — сказала ей царица, —
Где красавица-девица?"
— „Там, в лесу, стоит одна, —
Отвечает ей она. —
Крепко связаны ей локти;
Попадется зверю в когти,
Меньше будет ей терпеть,
Легче будет умереть".

И молва трезвонить стала:
Дочка царская пропала!

Тужит бедный царь по ней,
Королевич Елисей,
Помолясь усердно богу,
Отправляется в дорогу
За красавицей-душой,
За невестой молодой.

Но невеста молодая,
До зари в лесу блуждая,
Между тем всё шла да шла
И на терем набрела.
Ей на встречу пес, залая,
Прибежал и смолк, играя.
В ворота вошла она —
На подворье тишина.
Пес бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо
И взялася за кольцо;
Дверь тихонько отворилась,
И царевна очутилась
В светлой горнице; кругом
Лавки, крытые ковром,
Под святыми стол дубовый,
Печь с лежанкой изразцовой.
Видит девица, что тут
Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно! —
Никого меж тем не видно.
Дом царевна обошла,
Всё порядком убрала,
Засветила богу свечку,
Затопила жарко печку,
На полати взобралась
И тихонько улеглась.

Час обеда приближался,
Топот по двору раздался:

Входят семь богатырей,
Семь румяных усачей.
Старший молвил: „Что за диво!
Всё так чисто и красиво.
Кто-то терем прибирал,
Да хозяев поджидал.
Кто же? Выдь и покажися,
С нами честно подружися.
Коль ты старый человек,
Дядей будешь нам навек.
Коли парень ты румяный,
Братец будешь нам названый.
Коль старушка, будь нам мать,
Так и станем величать.
Коли красная девица,
Будь нам милая сестрица“.

И царевна к ним сошла,
Честь хозяям отдала,
В пояс низко поклонилась;
Закрасневшись, извинилась,
Что-де в гости к ним зашла,
Хоть звана и не была.
Вмиг по речи те спознали,
Что царевну принимали;
Усадили в уголок,
Подносили пирожок;
Рюмку полну наливали,
На подносе подавали.
От зеленого вина
Отрекалася она;
Пирожок лишь разломила,
Да кусочек прикусила,
И с дороги отдыхать
Отпросилась на кровать.
Отвели они девицу
Вверх во светлую светлицу,

И оставили одну
Отходящую ко сну.

День за днем идет, мелькая,
А царевна молодая
Всё в лесу; не скучно ей
У семи богатырей.
Перед утренней зарею
Братья дружною толпою
Выезжают погулять,
Серых уток пострелять,
Руку правую потешить,
Сорочина в поле спешить,
Иль башку с широких плеч
У татарина отсечь,
Или вытравить из леса
Пятигорского черкеса.
А хозяюшкой она
В терему меж тем одна
Приберет и приготовит.
Им она не прекословит,
Не перечут ей они.
Так идут за днями дни.

Братья милую девицу
Полюбили. К ней в светлицу
Раз, лишь только рассвело,
Всех их семеро вошло.
Старший молвил ей: „Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица,
Всех нас семеро, тебя
Все мы любим, за себя
Взять тебя мы все бы ради,
Да нельзя, так бога ради,
Помири нас как нибудь:
Одному женою будь,
Прочим ласковой сестрою.

Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам?
Аль товар не по купцам?“

„Ой вы, молодцы честные,
Братцы вы мои родные, —
Им царевна говорит: —
Коли лгу, пусть бог велит
Не сойти живой мне с места.
Как мне быть? ведь я невеста.
Для меня вы все равны,
Все удалы, все умны,
Всех я вас люблю сердечно;
Но другому я навечно
Отдана. Мне всех милей
Королевич Елисей“.

Братья молча постояли,
Да в затылке почесали.
„Спрос не грех. Прости ты нас, —
Старший молвил поклонясь: —
Коли так, не заикнуся
Уж о том“. — „Я не сержуся, —
Тихо молвила она: —
И отказ мой не вина“.
Женихи ей поклонились,
Потихоньку удалились,
И согласно все опять
Стали жить да поживать.

Между тем царица злая,
Про царевну вспоминая,
Не могла простить ее,
А на зеркальце свое
Долго дулась и сердилась;
Наконец об нем хватилась
И пошла за ним, и сев
Перед ним, забыла гнев,

Красоваться снова стала
И с улыбкою сказала:
„Здравствуй, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?"
И ей зеркальце в ответ:
„Ты прекрасна, спору нет;
Но живет без всякой славы,
Средь зеленыя дубравы,
У семи богатырей
Та, что всё ж тебя милей".
И царица налетела
На Чернавку: „Как ты смела
Обмануть меня? и в чем!..."
Та призналася во всем:
Так и так. Царица злая,
Ей рогаткой угрожая,
Положила иль не жить,
Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая,
Милых братьев поджидая,
Пряла, сидя под окном.
Вдруг сердито под крыльцом
Пес залаял, и девица
Видит: нищая черница
Ходит по двору, клюкой
Отгоняя пса. „Постой,
Бабушка, постой немножко, —
Ей кричит она в окошко: —
Пригрожу сама я псу
И кой-что тебе снесу".
Отвечает ей черница:
„Ох ты, дитятко девица!
Пес проклятый одолел,
Чуть до смерти не заел.
Посмотри, как он хлопочет!

Выдь ко мне". —Царевна хочет
Выйти к ней и хлеб взяла,
Но с крылечка лишь сошла,
Пес ей под ноги — и лает,
И к старухе не пускает;
Лишь пойдет старуха к ней,
Он, лесного зверя злей,
На старуху. „Что за чудо?
Видно, выспался он худо, —
Ей царевна говорит: —
На ж, лови!" —и хлеб летит.
Старушонка хлеб поймала;
„Благодарствую, — сказала, —
Бог тебя благослови;
Вот за то тебе, лови!"
И к царевне наливное,
Молодое, золотое,
Прямо яблочко летит....
Пес как прыгнет, завизжит....
Но царевна в обе руки
Хвать — поймала. „Ради скуки
Кушай яблочко, мой свет —
Благодарствуй за обед...." —
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала...
И с царевной на крыльцо
Пес бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воет,
Словно сердце песье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! — Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;
„Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!" —и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла,
Под окно за пряжу села
Ждать хозяев, а глядела
Всё на яблоко. Оно

Соку спелого полно,
Так свежо и так душисто,
Так румяно-золотисто,
Будто медом налилось!
Видны семечки насквозь...
Подождать она хотела
До обеда; не стерпела,
В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила,
И кусочек проглотила....
Вдруг она, моя душа,
Пошатнулась не дыша,
Белы руки опустила,
Плод румяный уронила,
Закатилися глаза,
И она под образа
Головой на лавку пала
И тиха, недвижна стала...

Братья в ту пору домой
Возвращалися толпой
С молодецкого разбоя.
Им на встречу, грозно воя,
Пес бежит и ко двору
Путь им кажет. „Не к добру! —
Братья молвили: — печали
Не минуем“. Прискакали,
Входят — ахнули. Вбежав,
Пес на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох. Напоено
Было ядом знать оно.
Перед мертвою царевной
Братья в горести душевной
Все поникли головой,
И с молитвою святой

С лавки подняли, одели,
Хоронить ее хотели
И раздумали. Она,
Как под крылышком у сна,
Так тиха, свежа лежала,
Что лишь только не дышала.
Ждали три дня, но она
Не восстала ото сна.
Сотворив обряд печальный,
Вот они во гроб хрустальный
Труп царевны молодой
Положили — и толпой
Понесли в пустую гору,
И в полуночную пору
Гроб ее к шести столбам
На цепях чугунных там
Осторожно привинтили
И решеткой оградили —
И, пред мертвою сестрой
Сотворив поклон земной,
Старший молвил: „Спи во гробе;
Вдруг погасла, жертвой злобе,
На земле твоя краса;
Дух твой примут небеса.
Нами ты была любима
И для милого хранима —
Не досталась никому,
Только гробу одному“.

В тот же день царица злая,
Доброй вести ожидая,
Втайне зеркальце взяла
И вопрос свой задала:
„Я ль, скажи мне, всех милее,
Всех румяней и белее?“
И услышала в ответ:
„Ты, царица, спору нет,
Ты на свете всех милее,
Всех румяней и белее“.

За невестою своей
Королевич Елисей
Между тем по свету скачет.
Нет как нет! Он горько плачет,
И кого ни спросит он,
Всем вопрос его мудрен;
Кто в глаза ему смеется,
Кто скорее отвернется;
К красну солнцу наконец
Обратился молодец.
„Свет наш солнышко! Ты ходишь
Круглый год по небу, сводишь
Зиму с теплою весной,
Всех нас видишь под собой.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видало ль где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ей“. — „Свет ты мой, —
Красно солнце отвечало: —
Я царевны не видало.
Знать ее в живых уж нет.
Разве месяц, мой сосед,
Где-нибудь ее да встретил,
Или след ее заметил“.

Темной ночки Елисей
Дождался в тоске своей.
Только месяц показался,
Он за ним с мольбой погнался.
„Месяц, месяц, мой дружок,
Позолоченый рожок!
Ты встаешь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокой,
И, обычай твой любя,
Звезды смотрят на тебя.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?

Я жених ей“. — „Братец мой,
Отвечает месяц ясный: —
Не видал я девы красной.
На стороже я стою
Только в очередь мою.
Без меня царевна видно
Пробежала“. — „Как обидно!“ —
Королевич отвечал.
Ясный месяц продолжал:
„Погоди; об ней быть может
Ветер знает. Он поможет.
Ты к нему теперь ступай,
Не печалься же, прощай“.

Елисей, не унывая,
К ветру кинулся, взывая:
„Ветер, ветер! Ты могуч,
Ты гоняешь стаи туч,
Ты волнуешь сине море,
Всюду веешь на просторе,
Не боишься никого,
Кроме бога одного.
Аль откажешь мне в ответе?
Не видал ли где на свете
Ты царевны молодой?
Я жених ее“. — „Постой, —
Отвечает ветер буйный: —
Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора;
В той норе, во тьме печальной,
Гроб качается хрустальный
На цепях между столбов.
Не видать ничьих следов
Вкруг того пустого места;
В том гробу твоя невеста“.

Ветер дале побежал.
Королевич зарыдал,

И пошел к пустому месту,
На прекрасную невесту
Посмотреть еще хоть раз.
Вот идет; и поднялась
Перед ним гора крутая;
Вкруг нее страна пустая;
Под горою темный вход.
Он туда скорей идет.
Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила. Глядит вокруг
Изумленными глазами,
И, качаясь над цепями,
Привздохнув, произнесла:
„Как же долго я спала!"
И встает она из гроба...
Ах!... и зарыдали оба.
В руки он ее берет
И на свет из тьмы несет,
И, беседуя приятно,
В путь пускаются обратно,
И трубит уже молва:
Дочка царская жива!

Дома в ту пору без дела
Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим
И беседовала с ним,
Говоря: „Я ль всех милее,
Всех румяней и белее?"
И услышала в ответ:
„Ты прекрасна, слова нет,
Но царевна всё ж милее,

Всё румяней и белее".
Злая мачеха, вскочив,
Об пол зеркальце разбив,
В двери прямо побежала
И царевну повстречала.
Тут ее тоска взяла,
И царица умерла.
Лишь ее похоронили,
Свадьбу тотчас учинили,
И с невестою своей
Обвенчался Елисей;
И никто с начала мира
Не видал такого пира;
Я там был, мед, пиво пил,
Да усы лишь обмочил.

СКАЗКА
О
ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ

Негде, в тридевятом царстве,
В тридесятом государстве,
Жил-был славный царь Дадон.
С молоду был грозен он
И соседям то и дело
Наносил обиды смело;
Но под старость захотел
Отдохнуть от ратных дел
И покой себе устроить.
Тут соседи беспокоить
Стали старого царя,
Страшный вред ему творя.
Чтоб концы своих владений
Охранять от нападений,
Должен был он содержать
Многочисленную рать.
Воеводы не дремали,
Но никак не успевали.
Ждут бывало с юга, — глядь, —
Ан с востока лезет рать!
Справят здесь, — лихие гости
Идут от моря. Со злости
Инда плакал царь Дадон,
Инда забывал и сон.
Что и жизнь в такой тревоге!
Вот он с просьбой о помоге
Обратился к мудрецу,

Звездочету и скопцу.
Шлет за ним гонца с поклоном.
Вот мудрец перед Дадоном
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
„Посади ты эту птицу, —
Молвил он царю, — на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незванной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенется
И в то место обернется“.
Царь скопца благодарит,
Горы золота сулит.
„За такое одолженье, —
Говорит он в восхищеньи, —
Волю первую твою
Я исполню, как мою“.

Петушок с высокой спицы
Стал стеречь его границы.
Чуть опасность где видна,
Верный сторож как со сна
Шевельнется, встрепенется,
К той сторонке обернется
И кричит: „Кири-ку-ку.
Царствуй, лежа на боку!“
И соседи присмирели,
Воевать уже не смели:
Таковой им царь Дадон
Дал отпор со всех сторон!

Год, другой, проходит мирно;
Петушок сидит всё смирно.
Вот однажды царь Дадон
Страшным шумом пробуждён:
„Царь ты наш! отец народа! —
Возглашает воевода: —
Государь! проснись! беда!“
— „Что такое, господа?—
Говорит Дадон, зевая: —
А?.... Кто там?... беда какая?“
Воевода говорит:
„Петушок опять кричит;
Страх и шум во всей столице“.
Царь к окошку, — ан на спице,
Видит, бьется петушок,
Обратившись на восток.
Медлить нечего: „Скорее!
Люди, нà конь! Эй, живее!“
Царь к востоку войско шлет,
Старший сын его ведет.
Петушок угомонился,
Шум утих, и царь забылся.

Вот проходит восемь дней,
А от войска нет вестей:
Было ль, не было ль сраженья, —
Нет Дадону донесенья.
Петушок кричит опять.
Кличет царь другую рать;
Сына он теперь меньшого
Шлет на выручку большого.
Петушок опять утих.
Снова вести нет от них!
Снова восемь дней проходят;
Люди в страхе дни проводят;
Петушок кричит опять;
Царь скликает третью рать

И ведет ее к востоку, —
Сам не зная, быть ли проку.

Войска идут день и ночь;
Им становится не в мочь.
Ни побоища, ни стана,
Ни надгробного кургана
Не встречает царь Дадон.
„Что за чудо?“ — мыслит он.
Вот осьмой уж день проходит,
Войско в горы царь приводит,
И промеж высоких гор
Видит шелковый шатёр.
Всё в безмолвии чудесном
Вкруг шатра; в ущельи тесном
Рать побитая лежит.
Царь Дадон к шатру спешит........
Что за страшная картина!
Перед ним его два сына;
Без шеломов и без лат
Оба мертвые лежат,
Меч вонзивши друг во друга.
Бродят кони их средь луга,
По притоптанной траве,
По кровавой мураве......
Царь завыл: „Ох дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла.“
Все завыли за Дадоном,
Застонала тяжким стоном
Глубь долин, и сердце гор
Потряслося. Вдруг шатёр
Распахнулся... и девица,
Шамаханская царица,
Вся сияя как заря,
Тихо встретила царя.
Как пред солнцем птица ночи,

Царь умолк, ей глядя в очи,
И забыл он перед ней
Смерть обоих сыновей.
И она перед Дадоном
Улыбнулась — и с поклоном
Его за руку взяла
И в шатер свой увела.
Там за стол его сажала,
Всяким яством угощала;
Уложила отдыхать
На парчевую кровать.
И потом, неделю ровно, —
Покорясь ей безусловно, —
Околдован, восхищён,
Пировал у ней Дадон.

Наконец и в путь обратный
Со своею силой ратной
И с девицей молодой
Царь отправился домой.
Перед ним молва бежала,
Быль и небыль разглашала.
Под столицей, близ ворот
С шумом встретил их народ, —
Все бегут за колесницей,
За Дадоном и царицей;
Всех приветствует Дадон.....
Вдруг в толпе увидел он,
В сарачинской шапке белой,
Весь как лебедь поседелый,
Старый друг его, скопец.
„А, здорово, мой отец, —
Молвил царь ему, — что скажешь?
Подь поближе! Что прикажешь?“
— „Царь! — ответствует мудрец, —
Разочтемся наконец.
Помнишь? за мою услугу·
Обещался мне, как другу,

Волю первую мою
Ты исполнить как свою.
Подари ж ты мне девицу,
Шамаханскую царицу." —
Крайне царь был изумлён.
„Что ты? — старцу молвил он: —
Или бес в тебя ввернулся?
Или ты с ума рехнулся?
Что ты в голову забрал?
Я конечно обещал,
Но всему же есть граница!
И зачем тебе девица?
Полно, знаешь ли кто я?
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярской,
Хоть коня с конюшни царской,
Хоть пол-царства моего!"
— „Не хочу я ничего!
Подари ты мне девицу,
Шамаханскую царицу," —
Говорит мудрец в ответ. —
Плюнул царь: „Так лих же: нет!
Ничего ты не получишь.
Сам себя ты, грешник, мучишь;
Убирайся, цел пока!
Оттащите старика!"
Старичок хотел заспорить,
Но с иным накладно вздорить;
Царь хватил его жезлом
По лбу; тот упал ничком,
Да и дух вон. — Вся столица
Содрогнулась; а девица —
Хи-хи-хи! да ха-ха-ха!
Не боится знать греха.
Царь, хоть был встревожен сильно,
Усмехнулся ей умильно.
Вот — въезжает в город он;
Вдруг раздался легкой звон,

И в глазах у всей столицы
Петушок спорхнул со спицы;
К колеснице полетел
И царю на темя сел,
Встрепенулся, клюнул в темя
И взвился... и в то же время
С колесницы пал Дадон!
Охнул раз, — и умер он.
А царица вдруг пропала,
Будто вовсе не бывало.
Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Введение к разделу „Другие редакции и варианты“, в котором объясняется система воспроизведения рукописных текстов стихотворений, см. в книге первой II тома, стр. 503—508.

1826

К БАРАТЫНСКОМУ.

(„Стих каждый в повести твоей")

(Стр. 11)

Отличия МВ, $СП_2$ и Пшр.

Заглавие:	К	*МВ*
	= К Б***	*$СП_2$ Пшр*
1	Стих каждый[1] повести твоей[2]	*МВ $СП_2$ Пшр*
Под текстом:	1825.	*МВ*

К Е. Н. ВУЛЬФ.

(„Вот, Зина, вам совет: играйте")

(Стр. 13)

Пометы под текстом в копиях.

1 июля 826 года — Зуево	*$Влф_6$*
1 июля 1826. Зуево	*$Осп_2$*

⟨ИЗ АРИОСТОВА „ORLANDO FURIOSO".⟩

(„Пред рыцарем блестит водами")

(Стр. 14)

А. Черновой автограф.

I.

(ЛБ 70, л. 69)

Но[3] после р⟨ыцарь⟩⟨?⟩ молвишь ты[4]
Однакож эти мне черты

[1] *В подлиннике*: каждой
[2] *В Пшр исправлено как в тексте.*
[3] *Вместо ст. (1)—(2):*
Однакож эти мне черты
[4] *а.* Несчастный, — мыслишь ты
б. Но вскоре, витязь, молвишь ты
в. Но после, витязь, молвишь ты

Знакомы — разумею[1]
Медор сей вымышлен лишь ею[2]
Под этим прозвищем меня
Она б.⟨ыть⟩ м.⟨ожет⟩[3]
Так правду басней заменя
Он мыслит что беде поможет[4]

Но чем он более хитрит
Чтоб утушить свое мученье[5]
Тем больше злое подозренье
Возобновленное горит —[6]
Так птичка в сети, друг свободы[7]
Чем больше бьется, [тем] сильне⟨й⟩
Тем крепче путается в ⟨ней⟩[8]

---

[1] *а. Как в тексте.*
б. Стих начат: Давно знакомы —
[2] *Вместо ст. (4):*
а. Конечно сей Медор —
б. Быть может ею сей Медор —
в. Лишь только вымышлен Медор
г. К ним приучен⟨?⟩ давно мой взор
[3] *Ст. (5)—(6):*
Под этим прозвищем она
Меня [бы⟨ть⟩] [ко⟨нечно⟩] б⟨ыть⟩ м⟨ожет⟩ вспоминала
[4] *Ст. (7)—(8):*
а. Так мыслит он
Но подозренье сердце гложет
б. Так мыслит он — но
В нем подозренье сердце гложет
в. Так правду басней заменя
Он мыслит что судьбе поможет
[5] *а.* Чтоб потушить свое мученье
б. Чтоб потушить свое ст⟨?⟩⟨раданье⟩⟨?⟩
[6] *Вместо ст. (9)—(12):*
а. Но более мудрит
б. Но чем он более хитрит
Тем больше злое подозренье
Возобновляяся горит
[7] *а. Стих начат:* Так в
б. Стих начат: Так птица в сеть
в. Так птичка в сетку роковую
г. Так птичка в сеть попав сталь⟨ную⟩⟨?⟩
д. Так птичка в [сеть] сети
е. Так птичка в сетке
ж. Так птичка легкой друг свободы
[8] *а. Стих начат:* Запутав⟨шись⟩
б. Тем пуще путается в ⟨ней⟩
(В подлиннике описка: путается в сильней*)*

(Из Ариостова „Orlando furioso“). Черновая рукопись.

Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва. Тетрадь № 2370, л. 69.

Орланд идет туда где [своды]
Гора навесила на воды[1]

Кривой бродящей павиликой
Завешен благоскл⟨онный⟩ вход[2]
Медор с прелестной Анджеликой
Любили здесь у свежих вод[3]
В день зной⟨ный⟩ в сладкий час до⟨суга⟩[4]
Вздыхать в объятиях друг ⟨друга⟩[5]
И здесь их имена ⟨кругом⟩
Древа утесы [украшали]
Здесь мелом углем иль ножом
Они везде их [начертали] —[6]

II.

(ЛБ 70, л. 79—79 об.)

Туда пешком печальный Гр.⟨аф⟩[7]
Идет — и над пещерой темной[8]

---

[1] *Вместо ст. (16)—(17):*
а. Орланд где холм⟨?⟩
Над
б. Орланд идет туда кде сводом
Гора склоня⟨ется⟩⟨?⟩
в. Орланд идет туда где холм⟨?⟩
сводом над ручьем —
г. Орланд идет туда где сводом
Гора склонилась над ручьем —
д. Орланд идет туда где сводом
Гора склонилась на ручей

[2] *а. Стих начат:* Был застлан благо⟨склонный⟩
б. Завешен был [пр⟨екрасный⟩⟨?⟩] приятный вход
в. Прекрасный⟨?⟩ был завешен вход

[3] *а. Стих начат:* В
б. Любили здесь у хладных вод

[4] *а. Стих начат:* В палящий
б. В день жаркий [во] в час досуга

[5] *а. Стих начат:* Ск⟨лонясь⟩⟨?⟩
б. Как в тексте.
в. Начато: Сидеть обнявшись

[6] *Вместо ст. (24)—(27):*
а. Здесь мелом углем иль ножом
Они повсюду начертали —
б. Их имена везде кр⟨угом⟩
скалы украшали
Здесь мелом углем иль ножом
Они везде их начертали —

[7] Печальный гр⟨аф⟩ туда пешком
(*Стих вписан*).

[8] *а. Стих начат:* Идет — и видит над
б. Идет — и над пещерным входом

Зрит надпись — в похвалу забав[1]
Медор ее рукою томной[2]
[Еще в то] время начертал —[3]
Стихи, чувств нежных вдохновенье
Он по-арабски написал
И вот их точное значенье —[4]

[Зеленый дерн[5]
Прохладный грот,   тени
Приют любви, забав и лени[6]
Где часто Галафрона дочь[7]
Приемля на свои колени]

*

Цветы, ручья⟨?⟩ кристальный ток
Прохладный грот, прохладны⟨?⟩ тени[8]
Приют любви, ⟨*нрзб.*⟩ и лени
Земного рая уголок! —
Здесь [с] [милой] дщерью Га⟨лафрона⟩[9]
Я с Анджеликой молодой
Познал⟨?⟩ [утехи] Купидона[10]

---

[1] *Стих начат: а.* Читает надпись *б.* Он видит надпись
[2] *Стих начат: а.* Че⟨ртил⟩⟨?⟩ *б.* Ее Ме⟨дор⟩⟨?⟩
в. В те дни ее рукою томной
[3] *а.* Стихами   начертал
б. Ее стихами начертал
в. В те дни стихами начертал
[4] *Вместо ст. (33)—(35):*
Начато: а. И вот *б.* Стихов
в. Он по-арабски сочинял
г. Стихи любви изображенье
Он по-арабски написал
А вот их точное значенье —
[5] *Стих начат: а.* Зеленый лу⟨г⟩ *б.* Цветы, зеленый лу⟨г⟩
в. Как в тексте.
г. Луга, цветы, про⟨зрачный⟩⟨?⟩ ⟨ток⟩⟨?⟩
[6] *Стих начат:* Где я
[7] *Стих начат:* Где я
[8] Подгорный⟨?⟩ грот, прохладны⟨?⟩ тени
[9] *а.* [Где] Здесь с ⟨*нрзб.*⟩
б. Здесь с милой
в. С прекр⟨асной⟩ дщерью Га⟨лафрона⟩
[10] *Вместо ст. (46)—(47):*
а. Я находил в дали⟨?⟩ ⟨*нрзб.*⟩
б. Здесь находил в дали⟨?⟩ ⟨*нрзб.*⟩
утехи Купидона
в. Я [пил]   пил душой
И все утехи Купидона

[Чем вас бедный наградит][1]
[Что вам от бедного Медора][2]
[Какой награды] ожидать[3]
[Хвалы]

*

Чем вас могу вознаградить[4]
Чего от бедного Медора —
Вам ожидать —

*

[Медор вас бедный] наградит
[Благодареньем и хвалою]
[Одной хвалой]

*

Чем бедный вас я награжу ⟨?⟩[5]
Любовник вами осененный[6]
Одним лишь то⟨лько⟩ ⟨услужу⟩
Хвалой и просьбою смиренной[7]

*

Господ любовников молю
Дам, рыцарей и всевозможных
[Гостей] здешних ⟨иль⟩ дорожных[8]
Которых во страну сию[9]
Случайно заведет Фортуна —
Молю — цветам[10]

*

⟨Молю —⟩ водам ⟨?⟩ и тени[11]
Благословить цветы

*

---

[1] *Стих начат:* *а.* Чем бедный вам *б.* Чем наградит
[2] *Стих начат:* Что вам Медор
[3] *Стих начат:* Какой награды ждать
[4] *Стих начат:* О чем могу вас
[5] *а.* Чем вам уплачу
б. Чем вам теперь ⟨я⟩ уплачу
в. Чем, бедный, вас я на⟨гражу⟩⟨?⟩
Хвалой
[6] Я бедный, осененный
[7] Хвалой и ⟨*нрзб.*⟩ смиренной
[8] иль здешних дорожных
[9] *а.* [Сюда] судьбу свою
б. Которых в ⟨сторону сию⟩
[10] *а.* *Как в тексте.*
б. Молю сказать цветам лугам
[11] *а.* *Стих начат:* Пещера
б. Пещере ⟨благосклонной⟩⟨?⟩
в. Сказать лугам ручью
г. сен⟨ям⟩ ⟨?⟩
д. т⟨ени⟩ ⟨?⟩

[Ручей и грот] благослов⟨ить⟩⟨?⟩[1]
Да сени их[2]

*

Да любят их Луна и Феб[3]
Да их
[И от]гоняет[4]

*

[Чтоб п⟨астухи к ним никогда⟩⟨?⟩][5]
Не гнали алчные стада

*

Благословите луг, ручей
И тень и лес — и
Чтоб

Б. Варианты беловой редакции.

(ПД 78)

7 Пастух раздетый спит у стада.
11 *а.* Покой коварный, день несчастный
б. О черный день, о день несчастный
в. И здесь-то был в сей день несчастный
г. Здесь он имел в сей день несчастный
д. Здесь он на⟨шел⟩ в сей день несчастный
е. И здесь-то он нашел несчастный
12 Приют обманчивый, ужасный —
13—15 Гуляя там, на деревах
Наш рыцарь надписи читает
Он изумленный, в сих чертах
27 Стараясь гордость усыпить
29 Еще он силится не верить
31 Что надписи в пустыни дикой
Вм. 32—33 *а.* Другой не этой Анджеликой
Нап⟨исаны⟩⟨?⟩
б. Другой забыты Анджеликой
в. Другой не этой Анджеликой
Начертаны
34 Но после витязь молвил ты

---

[1] Ручей и тень и грот
[2] Да воспе⟨вают⟩⟨?⟩
[3] Да светят им Луна и Феб
[4] *Стих начат:* От ⟨них⟩⟨?⟩
[5] *а.* И пастухи жал⟨еют их⟩⟨?⟩
Стих начат: б. И ник⟨огда⟩⟨?⟩ *в.* И гонят о⟨т⟩

«Кристал, поэтом обновленный». Черновая рукопись.

Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва. Тетрадь № 2368, л. 17.

38—39 Под этим именем меня
Она прославила быть может
40 *Стих начат:* Так за ⟨меня⟩
44—45 Тем больше злое подозренье
Возобновлен⟨ное, горит⟩
46—47 Так птичка, легкий друг свободы
Попав нежданно в сеть
55 *а. Стих начат:* В жар
б. В день жаркой, в час любви досуга
в. В день жаркой, в сладк⟨ой⟩ час досуга
56 *Стих начат:* Взд⟨ыхать⟩
59 Здесь мелом углем иль ножом
77 *а.* Сокрытый вами охраненный
б. Любовник вами охраненный
85 *Стих начат:* Сказ⟨ать⟩
88 *Стих начат:* Чтоб к н⟨им⟩
91 Знал по-арабски — и не раз
93 Он от беды не спасся ныне
98 *Стих начат:* Он видит Истинну

„КРИСТАЛ, ПОЭТОМ ОБНОВЛЕННЫЙ“

(Стр. 19)

Черновой автограф.

(ЛБ 68, л. 17)

Едва уста красноречивы
Тебя коснулися и вмиг[1]
Его ума огонь игривый
В тебя таинственно проник

Кристал, поэтом обновленный
Укрась мой мирный уголок,[2]
Залог поэзии священной[3]
И дружбы сладостный залог

В тебе таится жар целебный[4]

Продолжение стихотворения утрачено.

---

[1] *Ст. 1—2:*
Его уста красноречивы
Едва тебя коснулись — вмиг
[2] *Стих начат: а.* Укрась *б.* Мою ⟨?⟩
в. дар
[3] *Стих вписан на оставленное пустым место.*
[4] В тебе сокрыт огонь целебный

„ПОД НЕБОМ ГОЛУБЫМ СТРАНЫ СВОЕЙ РОДНОЙ"

(Стр. 20)

А. Варианты первого белового автографа.

(ЛБ 3266).

Заглавие: 29 июля 1826

1 Под небом голубым Италии своей[1]
3 *а.* Увяла наконец; быть может надо мной
б. Увяла наконец; наверно надо мной
5 Но неприступная черта меж нами есть ○
9 Так вот кого любил я бурною душой
11 С такою пламенной, томительной тоской
14 Для милой, легковерной тени ○

Под текстом: Усл. о см. 25
Усл. о с. Р. П. М. К. Б. 24.[2]

Б. Варианты второго белового автографа.

(ПД 487 и СЦ)

Заглавие: Элегия *ПД СЦ*
Под текстом: а. 1825
б. 1826 *ПД*

К ЯЗЫКОВУ.

(„Языков, кто тебе внушил")

(Стр. 22)

А. Варианты белового автографа.

(ЛБ 67, л. 37)

Заглавие отсутствует.

1–2 Яз⟨ыков⟩! брат! Я получил
Твое посланье удалое
10–11 Она кипит не хладной влагой,
Но пенистой хмельною брагой. ○

---

[1] *Описка вместо:*
Под небом голубым страны своей родной
[2] *Т. е.:* Услышал о смерти 25 июля 1826.
Услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьева, Каховского, Бестужева 24 июля 1826.

14 Слиянье рома и вина
16—17 Твоею лирою свободной
Воспетый в наши времена —

Под текстом: 28 авг.

Б. Отличия печатных текстов.

Заглавие: К Яз.... *МВ*
— К Яз*** *$СП_2$*
1 Яз.... кто тебе внушил *МВ*
— Яз***, кто тебе внушил *$СП_2$*

„БУДЬ ПОДОБЕН ПОЛНОЙ ЧАШЕ“

(Стр. 26)

Варианты автографа.

(ПД 87)

1—2 *Исправлены:*
Будь подобна полной чаше
Хата сына моего
3 *Стих начат:* Если
4 *а.* ни о чем
Стих начат: б. Промолчи *в.* Не болтайте
г. Не болтайте ж ни [о чем]
д. Стих начат: Те⟨?⟩
9—16 *Записаны после всего текста стихотворения.*
9 *Стих начат: а.* Кто *б.* Что
10 *Стих начат:* И
11 *а.* наше
б. Никому про счастье наше
13 *а.* А! теперь я угадаю
б. А! Постойте! угадаем
14 *а. Стих начат:* Точно
б. горя твоего
16 Но не скажем ничего —
(незачеркнутый первый вариант.)
17 Одобренье ваше
18 *а.* Дорого ценим
Стих начат: б. Даже *в.* Все мы
19 Вы одни про счастье наше
После стиха 26 отдельные наброски:
а. Кто ты *б.* К тебе *в.* ⟨*Нрзб.*⟩

ПРОРОК.

(Стр. 30)

А. Запись первого стиха первой редакции.

(ПД 291)

Великой скорбию томим

Б. Предположительная ранняя редакция по копии Шевырева.

(ПД оп. 4 № 17)

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,—
И шестикрылый серафим
На перепутьи мне явился:
И он мне грудь рассек мечом
И сердце трепетное вынул
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Перстами легкими как сон

Далее как в тексте до:

Вложил десницею кровавой

Как труп в пустыне я лежал
И бога глас ко мне воззвал:

Заключительное четверостишие Шевыревым не записано; возможно, что здесь должны были следовать нецензурные стихи политического содержания.

Последовательность стихов исправлена Погодиным как в тексте.[1]

К. А. ТИМАШЕВОЙ.

(Стр. 32)

А. Отличия копий и публикаций.

Заглавие:	К женщине-поэту	*Свр*
—	Е. А. Тимашевой	*НВ*
1	Я слушал вас... я прочитал	*Свр*
-	Я слышал вас, я их читал	*СбМа*
-	Я слушал вас, я их читал	*СбМб*
2	Сии небрежные созданья	*Свр СбМ*
6	В исполненных души чертах	*Свр*

[1] *Рукой Погодина сделано исправление:*
И гад морских подводный ход
вместо подземный ход, *как у Шевырева (в ст. 13),*
И дольней лозы прозябанье
вместо дальней, *как у Шевырева (в ст. 14), и приписаны четыре последних стиха (как в основном тексте).*

9 Соперницы заветной розы *Свр СбМ*
11 Стократ блажен, кто ей внушал *Свр СбМ*
12 И много рифм, и много прозы. *НВ*
- Единый стих и много прозы! *Свр СбМ*

Под текстом: Москва 20-го октября 1826 *НВ*

Б. Заглавие в „Радуге".

К. А. Т—вой.

⟨НЯНЕ.⟩

(„Подруга дней моих суровых")

(Стр. 33)

Варианты автографа.

(ЛБ 68, л. 43)

3 Среди лесов моих сосновых
7 И поминутно мед⟨лят спицы⟩
10 *Стих начат:* Глядишь
11 Мечты, предчувствия, заботы
12 *а. Стих начат:* Теснятся в
6 *б.* Толпой в твою теснятся ⟨грудь⟩

⟨ИЗ ПИСЬМА К СОБОЛЕВСКОМУ.⟩

(„У Гальяни иль Кольони")

(Стр. 34)

Варианты автографа.

(ГАФКЭ)

Прозаическая часть: Яжельбицы — станция после Валдая.
23 Накупи ⟨себе баранок⟩ ⟨?⟩

„КАК СЧАСТЛИВ Я, КОГДА МОГУ ПОКИНУТЬ"

(Стр. 36)

Варианты автографа.

(ПД 84)

Перед текстом: 23 Nov⟨embre⟩ С⟨ело⟩ Козаково. EW.
1—2 Как счастлив я когда могу оставить
И блеск и шум столицы и двора[1]

[1] *Стих начат:* И шум двора

4 *Стих начат:* При⟨брежные⟩ ⟨?⟩
Между 4 и 5 *а.* Сих милых вод, где счастие мое
Где милая
б. Сих милых вод, где радость обитает —
5—6 *а.* О скоро ли она из лона волн
Подымется?[1]
б. О скоро ли она со дна речного
Подымется и выдет на берег
7 Как сладко мне явление ее
8 *Стих начат:* В безмолвии
Вм. 9—10 *а.* Когда она прекрасна и бледна
Опутана зелеными власами
На сид⟨ит⟩
б. Когда она прекрасна и хладна
Опутана зелеными власами
Сидит [на] берегу пустом⟨?⟩[2]
12 *а.* Ласкаются чередой
б. Ласкаются сбегая⟨?⟩ чередой
13 *а.* *Стих начат:* Ее глаза блист⟨ают⟩
б. Ее глаза и меркнут и блестят
14 Как на небе звезды —
Вм. 15—17 *а.* *Начато:* Из бледных уст
б. Дыханья нет из бледных уст — но боги
Как сладостно холодных влажных уст
в. Дыханья нет из бледных уст ее
Но этих мне⟨?⟩ холодных влажных уст
Как сладостно лобзанье бездыханно —
г. Дыханья нет из бледных уст ее —
Но этих холодных влажных уст
Томительно лобзанье бездыханно —
д. Дыханья нет из уст ее — но сколь
Томительно сих бледных влажных уст
Холодное лобзанье бездыханно —
18 Томительно и сладко — в летний день
19 *а.* *Стих начат:* Не столько сладостно
б. Не столько сладок жажде хладный кубок
20 *а.* *Как в тексте.*
б. Когда она холодными перстами
Вм. 22—24 *а.* По голове моей как некой холод
б. По голове моей как ужас, холод

---

[1] *Стих начат:* Подымется и выдет

[2] *а.* Со мной сидит на берегу пустом ⟨?⟩
б. — ждет... на берегу пустом ⟨?⟩
в. *Стих начат:* Придет сюда

в. Какой-то хлад, как ужас, пробегает
По голове моей и сердце ⟨бьется⟩⟨?⟩
г. Мгновенный[1] хлад, как ужас, пробегает
Мне голову; и сердце бьется[2]
В моей груди любовью замирая
25 *Начато исправление* ⟨?⟩: Ко ⟨*нрзб.*⟩
26 *а. Как в тексте.*
б. И застонать ⟨?⟩ и пить за⟨бвенье⟩⟨?⟩
Вм. 27—28 *а.* А речь ее.... о звуки
б. А речь ее.... о счастливые звуки
в. А речь ее.... о слад⟨остные⟩ звуки
г. А речь ее.... приятный, нежный лепет
д. А речь ее.... сей нежный милый лепет
Приятнее
е. А речь ее.... сей нежный резвый лепет
Какие могут звуки
ж. А речь ее.... сей нежный резвый лепет
Сравниться с ней какие могут звуки
з. А речь ее.... какие звуки могут
Сравниться с ней — приятный резв⟨ый лепет⟩
29 *Стих начат:* Журчащих вод
30 *а.* Звончатые Боянов гусли
б. Звончатые Боянов наших гусли —

И. И. ПУЩИНУ.

(„Мой первый друг, мой друг бесценный“)

(Стр. 39)

А. Первая черновая редакция.

(ПД 83)

⟨1—5⟩ Мой [первый] друг[3], мой друг[4] бесценный
И я судьбу благословил
Когда мой двор уединенный
Пустынным[5] снегом занесенный
Твой колокольчик огласил —

[1] *а.* Мгновенный *б.* Прия⟨тный⟩
[2] *а. Стих начат:* Мне голову; и сердце сл⟨адко⟩⟨?⟩
б. Мне голову; и сердце замирает
В моей груди
[3] *а. Как в тексте.*
б. Мой давний друг
в. Нежданный гость
[4] *а. Как в тексте. б.* мой го⟨сть⟩
[5] Печальным

[Забытый кров], шалаш опальный
Ты [с утешеньем] посетил
[Ты] [день] [отрадный] [и] печальный
[С изгнанным братом] разделил —
Но [для души твоей прекрасной][1]
[Не пропадет] [сей день][2]

*

⟨6–10⟩ [Забытый кров], шалаш опальный
Ты вдруг [отрадой] оживил[3]
На стороне глухой и дальной
Ты день [изгнанья], день печальный[4]
С печальным другом разделил —[5]

Скажи куда девались годы[6]
Скажи что наши? где⟨?⟩ друзья?
Где ж эти липовые своды?
Где Горч.⟨аков⟩? где ты? где я? —

*

⟨11–15⟩ Скажи куда девались годы
Дни упований и свободы[7]
Скажи что наши? что друзья?
Где ж эти липовые своды?
Где ж молодость?[8] Где ты? Где я? —

[Твердим]   [глубоко]
[Давно ль] — [как близко!] [как далеко][9]

*

---

1 *Стих начат:* Но друг
2 *Последующее исправление:*
Друг, и сей день не пропадет
3 *Последующее исправление:*
Ты озарил шалаш опальный
Ты вдруг   оживил
4 *а. Как в тексте.*
б. И день отрадный и печальный
С тобой изгнанник разделил
в. И день изгнанья день печальный
5 *Стих начат: а.* Съ *б.* Твой
в. Со мною день ты разделил
6 *а. Стих начат:* О как ⟨?⟩
б. Скажи куда ж девались годы
Где вы
7 Дни наслаждений — и свободы?
8 Где молодость?
9 *Ст. (26)—(27) вписаны.*

(16–28) Судьба, Судьба рукой железной[1]
Разбила мирный наш лицей[2]
Но ты счастлив о брат любезный
[Счастлив ты гражданин полезный][3]
На избранной чреде своей

Ты победил предрассуждень⟨я⟩[4]
[И от признательных] граждан[5]
Умел истребовать почтенья[6]
В глазах общественного мненья[7]
Ты возвеличил темный сан[8]

В его смиренном основаньи[9]
Ты правосудие [блюдешь][10]
И [честь]

Б. Помета под текстом в несохранившемся автографе.
(„Записки" Пущина).

Псков. 13-го декабря 1826.

---

1 *Стих начат:* Увы Судьба рук⟨ой⟩
2 Наш мирный развела лицей
3 *Ст. (30)—(31):*
Но ты о брат любезный
Счастлив ты гражданин полезный
4 *Вместо ст. (33)—(34):*
а. Начато: Ты презрел
б. Ты победил предрассужденья
Ты от общественного мненья
5 *а.* От истинных граждан
б. Ты от признательных граждан
6 *а.* И ты потребовал почтенья
б. Умел потребовать почтенья
7 *а.* Ты от общественного мненья
б. Клеймо стереть⟨?⟩ отверженья
8 *а.* Смиренный возвели⟨чи⟩ть сан
б. Освободить полезный сан
в. И возвеличил мирный сан
г. Через тебя полезный сан
д. И чрез тебя полезный сан
9 *Стих начат: а.* И *б.* В сво⟨ем⟩
в. В его гражданском основаньи
Закона блюдешь
10 *а. Как в тексте.*
б. Стих начат: Ты право граждан
в. Стих начат: В твоем

В. Отличия Пщ и Св.

3 Когда мой дом уединенный ○ *Пщ*
- Когда мой дом уединенный *Св*
Под текстом: 1827 *Св*

СТАНСЫ.

(„В надежде славы и добра“)

(Стр. 40)

Сохранившийся отрывок перебеленного текста.

(ПД 86)

Во всем будь пращуру подобен
Как он решителен и тверд
Но памятью, как он, незлобен —

Самодержавною рукой
Он смело[1] сеял просвещенье
Не презирал страны родной
И зрел ее предназначенье[2]

То академик[3], то герой
То мореплаватель, то плотник
Он всеобъемлющей душой[4]
На троне вечный был работник

22 декабря
1826 год. Москва у Зуб.⟨кова⟩.

ОТВЕТ Ф. Т* **.

(Стр. 41)

Варианты белового автографа.

(ГМП)

Заглавие: а. Ответ ...
б. Ответ X+У
Заглавие вписано.
2 В долины Грузии от века ○
7 *а. Стих начат:* Не зат⟨емнят⟩ ⟨?⟩
б. Не стоят сладостных огней

---

[1] всюду
[2] *Стихи (6) и (7) вписаны.*
[3] *Стих начат:* То вождь,
[4] Неутомимой он душой

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

(Стр. 42)

А. Черновой автограф.

(ПД 84)

Сквозь волнистые туманы [1]
Пробирается луна
На печальные поляны
Льет печальный свет она.[2]

По дороге зимней скучной
Тройка борзая бежит
Колокольчик однозвучный
Предо мной гремит гремит [3]

[пение живое] [4]
[Молодого] ямщика

*

Сердце русское простое
[Слышно] в [песни] ямщика

*

[Чувство] [5] [русское простое]
[Слышно] в песнях ямщика

*

[Что ⟨то⟩ слышится живое ⟨?⟩]
В [т⟨ихих⟩ ⟨?⟩] песнях ямщика

*

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика

---

[1] Сквозь печальные поляны *(описка).*
[2] Сыплет блеск ⟨она⟩
[3] *а.* На ⟨*нрзб.*⟩ гремит, гремит —
б. На дуге ⟨?⟩ гремит, гремит —
в. На своей дуге⟨?⟩ гремит —
г. На дуге⟨?⟩ своей гремит —
[4] *а.* песнь
б. пенье удалое
Молодое ямщика
в. пенье удалое
Молодого ямщика
[5] Сердце

То разгулье удалое
То душевная тоска

*

[Ель под инием сребрится]

*

[Сосны инием сребр⟨я⟩тся]

*

Скучно-грустно.... друг мой [нежный]
[Завтра] [на⟨?⟩]

*

Скучно-грустно.... друг [сердечный]

*

Скучно-грустно...
⟨ ⟩
[Скоро ль радостной рукою]
[Постучусь]

*

[Скоро ль в комнате⟨?⟩ тв⟨оей⟩] [1]
[Очутиться мне ⟨?⟩]

*

[Воротясь]

*

[Скоро ль]

*

[свет моих] очей

*

Скучно-грустно... друг мой Нина
Радость сердца и очей [2]

---

[1] и в комнате⟨?⟩ тв⟨оей⟩
[2] Счастье сердца и очей

Буду завтра у камина[1]
В светлой комнате твоей

*

Скучно-грустно... друг мой Нина
Завтра к милой ⟨возвратясь⟩
Я забудусь у к⟨амина⟩
Загляжусь не на⟨глядясь⟩

*

[Лишь порой ему на встречу]
[Полосатые версты]

*

Ни огня, ни   хаты[2]
М⟨рак⟩⟨?⟩ и глушь — на встречу мне[3]
Только версты полосаты
Попадаются ⟨одне⟩

*

[Время]

*

[Полночь]

*

[Час настанет]

*

[Стрелку   передвинет]

*

[Стрелки   часовые]

*

[Тихо стрелки часовые]

*

---

[1] *а. Стих начат:* Скоро ль
б. Как в тексте.
в. Завтра буду у камина

[2] *Стих начат: а.* И кругом ⟨?⟩ *б.* Ни огня, ни хаты

[3] *а. Стих начат:* Им
б.   на встречу мне
Только версты полосаты
Попадаются ⟨одне⟩
в. Дичь и глушь — на встречу мне *и т. д.*
г. Снег и глушь — на встречу мне *и т. д.*

Звучно стрелка часовая
Путь свой полный совершит[1]
В полночь   тьма ночная

*

Звучно стрелка часовая
Путь свой мерный совершит
И докучных удаляя[2]
Полночь нас не разлучит[3]

Скоро ль Нина — Путь мой скучен[4]
⟨   ⟩
Колокольчик однозвучен

*

Скоро ль Нина — Путь мой скучен
Светит бледно лик луны[5]
Колокольчик однозвучен
Смолкнул

*

Скоро ль Нина — Путь мой скучен
Светит бледно лунный лик
Колокольчик однозвучен
Дремля смолкнул мой ямщик

Б. Отличия первой беловой редакции.

(ПД 85)

Заглавие вписано позднее текста.

Порядок строф:

а. I. По дороге зимней скучной *(строфа 2-я)*
II. Что-то слышится родное *(строфа 3-я)*
III. Сквозь волнистые туманы *(строфа 1-я)*
б. I. По дороге зимней скучной
II. Сквозь волнистые туманы
III. Что-то слышится родное

---

[1] *Стих начат:* Круг свой полный
[2] *а. Стих начат:* В
б. И   разлучая
в. И ревнивцев удаляя
[3] *Стих начат:* Нас ник⟨то⟩
[4] *а. Стих начат:* Скоро ль
б. Грустно, Нина, скучно
в. Стих начат: Нина! ск⟨оро ль⟩⟨?⟩
[5] *а. Стих начат:* Д⟨ремля⟩⟨?⟩
б. Светит бледно   луны

4 Льет печальный свет она
11 То раздолье удалое
13 *Стих начат:* Ни огня ни бе⟨дной⟩ ○
14 Глушь и мрак.... на встречу мне ○
18 Завтра в город возвратясь ○
25—28 *отсутствуют.*

„В ЕВРЕЙСКОЙ ХИЖИНЕ ЛАМПАДА“

(Стр. 44)

Варианты автографа.

(ПД 84)

Вм. 1—10 В евр⟨ейской⟩ хижине лампада
Бледна горит. Пред ней[1] старик
Сидит над библией. Седые
На книгу падают власы.
Над колыбелию пустой
Еврейка плачет молодая —[2]
И молча близ нее, главой
Поникнув, молодой еврей
Глубоко в думу погруженный
12 Готовит бедную трапезу —
15 Старушка ставит горькой ⟨?⟩ ужин
17 Никто нейдет к трапезе горькой ⟨?⟩
18 *Стих начат:* И стынет
19 Природа спит под сенью ночи
20 В еврейской хижине одной

⟨МОРДВИНОВУ.⟩

(„Под хладом старости угрюмо угасал“)

(Стр. 46)

Варианты белового автографа.

(ЛБ 67, л. 58—57 об.).

2 *Начато:* Один
3 Сложив свои криле он небо забывал
7 *Начато:* И в шумной
8 *Начато:* На встречу
14 Сияя гением и славой и наукой
15 *Начато:* В советах недвижим по ⟨?⟩
17 *а.* Так утес с вершины гор скатясь
б. Так в яростный поток с вершины гор скатясь

---

[1] Пред ним *(описка?)*
[2] *Стих начат:* Еврейка юная

1827

„ВО ГЛУБИНЕ СИБИРСКИХ РУД"

(Стр. 49)

Разночтения копий.

4	И душ высокое стремленье	*Ал Е $М_1$ $Пт_6$ Пщ Смв $Я_1$*
9–12	*следуют за ст. 1—4.*	*Ал Кир Л $Пт_3$*
—	*отсутствуют.*	*$Б_1$ $Пт_2$ $Пт_6$*
10	Дойдут сквозь грозные затворы	*Смр*
12	Доходит мой призывный глас	*$Пщ_1$*
13	Оковы тяжкие спадут	*Ал $Б_1$ Л $М_1$ $Пт_2$ $Пт_3$ $Пт_6$*
16	И братья меч ваш отдадут	*Лр $М_1$*
-	И братья меч вам подадут	*Ал $Б_1$а $Пт_2$ $Пт_3$ $Пт_6$ Смв*
-	А братья меч вам подадут	*$Б_1$б Л*
Под текстом:	1827	*Ал Дл Е Кир Лр Смв $Я_1$*

СОЛОВЕЙ И РОЗА.

(Стр. 50)

Первоначальное заглавие.

Соловей. *АтМ $СП_2$ Пшр*[1]

„ЕСТЬ РОЗА ДИВНАЯ: ОНА"

(Стр. 52)

А. Черновой автограф.

(ПБЛ 16)

СОНЕТ

[Три розы на свете цветут]

Вотще Киферу ⟨?⟩ ⟨и⟩ Пафос ⟨?⟩ [2]
Мертвит дыхание мороза

---

[1] *В Пшр исправлено как в тексте.*
[2] *Стих начат: а.* Вотще *б.* На пр⟨. . . .⟩ *в.* Мертвит

Цветет между мин⟨утных⟩ роз
Неувядаемая роза

[В Кифере] [в сумрачных садах][1]

[Цветет] румяна [и пышна][2]
Благословенная Киферой ⟨?⟩[3]

Там роза чудная цветет
Благословенная Кипридой[4]
[И блещет]

Есть роза —
Благословенная [Киферой ⟨?⟩][5]
Цветет румяна и пышна

Есть роза дивная — она[6]
Пред изумленною Киферой

Б. Помета под текстом копии.

1 апреля 1827
Москва

⟨ЕК. Н. УШАКОВОЙ.⟩

(„Когда, бывало, в старину“)
(Стр. 53)

Отличия копий и публикации БЗ.

Заглавие: Е. Н. Ушаковой. — *БЗ Дл*
— Е. Н. У. — *Нм[1]*
— Катер. Ник. Ушаковой — *Е Клб*

---

[1] *а. Стих начат:* На бере⟨гах⟩⟨?⟩
б. В Кифере в сумрачных садах
Благо⟨словенная⟩⟨?⟩
[2] Цветет пышна
[3] *а.* Благословенная цвет⟨ет⟩⟨?⟩
б. Благословенная [Венерой] Кипридой
[4] Венерой
[5] *Вм. ст. (12)—(13) начато:*
Где блещет
И роза
[6] *Стих начат: а.* Есть роза *б.* Под *в.* В тени

3 То отгоняло сатану *БЗ Дл*
4 Пустое это изреченье *БЗ Дл Клб*
7 (Бог ведает, куда девалися они...) *БЗ Дл Клб*
14 Я содрогаюсь пред тобою *БЗ Дл*
15 И сердца пылкого мечтою *БЗ Дл Клб*
- И сердца полного мечтою *Е*

Под текстом: 3 апр. 1827. *БЗ Дл*

КНЯГИНЕ З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

(„Среди рассеянной Москвы")

(Стр. 54)

А. Отличия автографа.

(Альбом Волконской)

Заглавие отсутствует.

Под текстом: 6 мая 1827

Б. Печатные варианты заглавия.

Княгине З. А. Волконской, *посылая ей поэму: Цыганы.* *МВ*

Княгине З. А. Волконской. *При посылке ей поэмы: Цыганы.* *СП$_2$ (в оглавлении)*

ЕК. Н. УШАКОВОЙ.

(„В отдалении от вас")

(Стр. 56)

Помета под текстом копии Нм.

16 мая 1827.

„В СТЕПИ МИРСКОЙ, ПЕЧАЛЬНОЙ И БЕЗБРЕЖНОЙ"

(Стр. 57)

Помета под текстом в ОЗ.

18 июня 1827 года. С. Петербург.

АРИОН.

(Стр. 58)

А. Беловой автограф.

(ЛБ 67, л. 36)

Нас было много на челну
Иные парус напрягали
Другие дружно упирали
Могучи веслы в глубину
На руль склонясь наш кормщик умный
В молчаньи правил грузный чёлн
А я — беспечной веры полн —
Пловцам я пел — вдруг лоно волн
Измял, всклокочил вихорь шумный.
Погиб и кормщик и пловец —
Лишь я — таинственный певец —
На берег выброшен грозою —
Гимн избавления пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою

16 июля
7[1]

Б. Первый слой поправок (карандаш).

Заглавие: О р и о н.
12 На берег вынесен грозою
13 Я песни прежние пою
После 15 * * *

В. Второй слой поправок (темные чернила).

Заглавие: А р и о н.
1 Нас было много на челне
4 *а.* В глубь веслы — — в тишине
б. В глубь мощны веслы — в тишине
6 Отважно правил грузный чёлн
13 Спасен Дельфиином я пою

Г. Третий слой поправок, не доведенных до конца (светлые чернила).

1 Их было много на челне
3 Другие упирали
6 Отважно правил утлый чёлн

[1] *Т. е.:* 1827 года.

7 *а.* А он — беспечной веры полн —
б. А я — беспечной веры полн —
в. А он — беспечной веры полн —
8 Пловцам он пел — вдруг лоно волн
11 Лишь он — таинственный певец —
13 Спасен Дельфином пою

„КАКАЯ НОЧЬ! МОРОЗ ТРЕСКУЧИЙ"

(Стр. 60)

Варианты автографа.

(ЛБ 68, л. 18—19)

10 Да цепью длинною гремит
15 *Стих начат:* Там свежий след ее
17—19 Где столп, где вилы, где котлы,
Кровавой полные смолы;
Там опрокинутая плаха
21 Костры под грудой пепла тлеют
Вм. 24—28 *а.* Недавно кровь со всех сторон[1]
Еще текла — и снег багрила,
И раздавался томный стон[2]
Но смерть уже, как поздний сон
Свою добычу осенила.
б. Начато: Еще недавно
в. Начато· Но смерть пришла как
г. Но смерть коснулась к ним как сон,
Свою добычу захватила
⟨ ⟩
И в содроганьи жизнь почила
д. ⟨ ⟩
И всюду жизнь[3]
Казнь
е. Но смерть коснулась к ним как сон,
⟨ ⟩
умолк последн⟨ий стон⟩
И жизнь содроглась недвижимо.
49 Когда кромешники топтали

---

[1] *Позднейший вариант на полях:*
[Недавно казнь ⟨*нрзб.*⟩ была ⟨?⟩]
[2] *Позднее*· И подымала томный вой
[3] *На смежной странице м. б. вариант:* Тут жизнь

52—53 Твои булатные копыты
Их черной кровию омыты!
54 *Стих начат:* Уж⟨ель⟩ ⟨?⟩
57 Под трупом проскакал

„ВЕСНА ВЕСНА, ПОРА ЛЮБВИ“

(Стр. 62)

Варианты чернового автографа.

(ЛБ 68, л. 19 об. и лист в собрании Берлинской государственной библиотеки)

Наброски[1] *к ст. 1:*

а. Весна, весна своей одежды
б. Она волнуется — природы
в. Поля волнуются прекрасны
г. грудь ⟨?⟩ природы
2 Как тяжело твое явленье
4 В моей душе, м⟨оей крови⟩
5 *а.* Как силы умственные гаснут
б. *Стих начат:* Какая грусть —
в. Нет, нет — мне чуждо наслажденье
6 *а.* *Стих начат:* Всё то что блещет
б. Всё то что радостью блестит
7 Наводит грустное мученье
8 *Стих начат:* Отдайте мне мои ⟨?⟩

⟨КИПРЕНСКОМУ.⟩

(„Любимец моды легкокрылой“)

(Стр. 63)

А. Черновой автограф.

(ЛБ 67, л. 57)

Любимец моды легкокрылой
Хоть не британец не француз
Ты вновь создал волшебник милый[2]
Меня питомца русских[3] Муз[4]

---

[1] *Эти наброски находятся в тетради 2368, л. 19 об. (ЛБ); вся последующая часть текста находится на отрезанной после смерти Пушкина нижней части этого листа (в собрании Берлинской государственной библиотеки).*

[2] *Стих зачеркнут и восстановлен.*

[3] *а.* важных *б.* скромных

[4] *Позднейшее исправление (чернилами):*
Меня питомца чистых Муз

И[1] я смеюся ⟨над⟩[2] могилой
Ушед навек от смертных уз[3]

Себя как в зеркале я вижу[4]
Но это зеркало мне льстит[5]
Так Вене, Риму и Парижу[6]
Знаком мой будет вид[7]
И в этом виде не унижу[8]
Уж верно славных Пиэрид[9]

Б. Переработка стихов 8—12 (чернила)

а. Но это зеркало мне льстит
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет. вид
И в этом виде не обижу
Конечно славных Пиэрид.

б. Но это зеркало мне льстит
Оно гласит, что не унижу
Пристрастья важных Аонид[10]
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид ○

---

[1] *а. Ст. (3)—(5)*·
Ты вновь создал волшебник милый
Меня питомца важных Муз —
Освободил
б. И я могилой
в. И я могилой

[2] *Позднейшая вставка (чернилами)*· над

[3] Освободясь от смертных уз

[4] Как в зеркале я вижу

[5] *а. Как в тексте.* —
б. Но чудо зеркало мне льстит

[6] *а.* Риму и Парижу
б. Берлину, Риму и Парижу

[7] Певца вид

[8] *Ст. (11) — (12)*·
а. И в этом виде не унижу
Искусства Пиэрид
б. Я в этом виде не обижу
искусства Пиэрид
в. Но в этом виде не [обижу] унижу
[Уже] ⟨*Нрзб.*⟩ я славных Пиэрид

[9] *Позднейшую переработку (чернилами) ст. 8—12 см. ниже (Б).*

[10] *а.* Отныне славных Пиэрид
б. Стих начат: Ко⟨нечно⟩ ⟨?⟩
в. Пристрастья строгих Аонид
Указание о перемещении стихов (11) — (12) в автографе по ошибке дано после первого двустишия не второй, а первой строфы.

АКАФИСТ ЕКАТЕРИНЕ НИКОЛАЕВНЕ КАРАМЗИНОЙ.

(Стр. 64)

А. Черновой автограф.

(ЛБ 68, л. 21 и лист в собрании Берлинской государственной библиотеки)

От бурь спасенный провиденьем
⟨ ⟩
Свой дар несет с благоговеньем
⟨ ⟩
[Звезде морей, небесной деве]

*

[Как]
От бурь спасенный провиденьем
⟨ ⟩
[Святой владычице] [1]

*

Как бурею пловец [2]

*

Земли достигнув ⟨наконец⟩
От бурь спасенный провиденьем
Свой [бедный] дар с благоговеньем
[Приносит набожный пловец] [3]

*

Земли достигнув ⟨наконец⟩
От бурь спасенный провиденьем
Святой владычице пловец [4]
Свой дар несет с благоговеньем
Так посвящаю с умиленьем
Тебе [терновый мой] венец [5]
Тебе спокойное светило
Святая странница ⟨небес⟩ ⟨?⟩
Звезда лиющая уныло [6]

---

[1] *Стих начат:* Несет
[2] *Стих записан на листе 19 об. той же тетради, вырезанном оттуда после смерти Пушкина и хранящемся в Берлинской государственной библиотеке.*
[3] *Стих начат:* Несет
[4] гребец ⟨?⟩
[5] *а.* Тебе моих стихов венец
б. Тебе стихов моих венец
[6] Лиющая уныло

*

Так посвящаю с умиленьем
Тебе увядший мой венец
Тебе высокое светило[1]
В тиши родных небес
Тебе сияющей так мило
Пленяющей своих ⟨*нрзб.*⟩

*

Средь бурь[2]

*

АКАФИСТ К. Н. К—ОЙ

⟨Земли достигнув наконец
Средь бурь спасенный провиденьем
Святой владычице пловец
Свой дар несет с благоговеньем
Так посвящаю с умиленьем
Тебе увядший мой венец
Тебе высокое светило⟩
Звезда среди родных небес
В тиши сияющей так мило
Для наших набожных очес[3]

31 июля 1827 Мих⟨айловское⟩

В. Помета под текстом в беловом автографе.
(Альбом Е. Н. Карамзиной).

24 нояб.[4]

ПОЭТ.

(Стр. 65)

А. Первая беловая редакция.
(ЛБ 67, л. 39—39 об.)

Пока свободного поэта
Не вызывает Аполлон[5]

---

[1] Тебе чистое светило
[2] *Вариант ст. 2.*
[3] Для набожных очес
[4] *Т. е.* 24 ноября 1827 *г.*
[5] *Поправки ст. (1)—(2):*
а. На службу муз пока поэта
Не вызывает Аполлон
б. Пока не требует поэта
К парнасским жертвам Аполлон

В заботах суетного света
Он малодушно погружен.
Его заброшенная лира
Вкушает беспокойно сон [1]
И меж детей ничтожных мира
Быть может всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется
Как испугавшийся орел.
Тоскует он в волненьи мира
Людской чуждается молвы [2]
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы.[3]
Бежит он дикой и суровый
С пугливой лирою своей [4]
В широкошумные дубровы
В глухую[5] тишину полей.[6]

15 авг. 1827
Мих⟨айловское⟩

Б. Вариант МВ.

К подножью светского кумира

в. Пока не требует поэта
К великим жертвам Аполлон
г. Пока не требует поэта
К великой жертве Аполлон

[1] *Поправки ст. (5)—(6):*
Молчит его святая лира
Душа вкушает хладный сон

[2] *Поправки:*
а. Уже чуждается молвы
б. Как в тексте.

[3] *Ст. (13)—(16) позднее зачеркнуты.*

[4] *Поправки:*
а. И   и звуков полн
б. И ⟨*нрзб.*⟩ звука полн
в. И звука   и воли полн

[5] *Поправка:*
В святую тишину полей.

[6] *Поправки ст. (17)—(20):*
Бежит он дикой и суровый
И звуков и смятенья полн
[К бр⟨егам⟩] На берега пустынных волн
В широкошумные дубровы.

„БЛИЗ МЕСТ, ГДЕ ЦАРСТВУЕТ ВЕНЕЦИЯ ЗЛАТАЯ“

(Стр. 66)

А. Черновой автограф.

(ЛБ 67, л. 36 об.—37)

В местах где царствует Венеция над [морем]

*

‹1› В волнах[1] где царствует Венеция златая[2]
пловец гондолой управляя

*

‹2› Ночной пловец во мгле[3] гондолой управляя
[Поет Эрминию, Танкреда и Ринальда]

*

[Поет Эрминию, Ринальда и любовь]

*

При [блеске] Веспера, [по гладкой]

*

‹3› При свете Веспера скользит по лону вод
‹4› Ринальда, Годфреда, Эрминию поет —[4]
[Поет] [не ведая ни] [замыслов, ни славы]
[Полна]

*

[поет он для забавы]

*

[Поет не ведает ни] [робости] [ни славы]
[Ни дальных умыслов] — [поет он для забавы]

*

[Он любит песнь свою] [беспечен] для забавы
[Поет] без умысла, не ведает ни славы
Ни страха ни надежд

---

[1] *а.* В местах *б.* В волнах *в.* В местах *г.* В краю *д.* Близ мест *е.* Средь волн *ж.* Меж волн

[2] морская

[3] *а. Стих начат:* Беспечно гонд‹ольер›
б. Ночной пловец один
в. Во мгле ночной пловец
г. В волнах ночной пловец
д. Во мгле ночной пловец

[4] *Стих начат: а.* Э‹?›‹рминию› ‹?› *б.* П‹оет›‹?›

*

[И тихо бога полн] поет он для забавы
[Один] без умысла, не ведает ни славы
Ни страха ни надежд

*

[Один] без умысла, не ведает ни славы
Ни страха ни надежд — [беспечный] [для] [забавы]
[Поет и радует] [путь] —
[Как]

*

[Поет и] [веселит] [над бездной мрачной] [путь] — [1]

*

⟨5–12⟩ Он любит песнь свою один он для забавы
Поет без умысла, не ведает ни славы
Ни страха, ни надежд — и тихо бога полн [2]
[Поет] и радует свой путь над бездной волн [3]
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой
Как он, над безднoю без эха я пою [4]
И тайные стихи обдумывать люблю.

17 сент.
1827

Б. Перебеленный автограф.

(ПД 89)

Близ мест где царствует Венеция златая
Ночной пловец, во мгле,[5] гондолой управляя
При блеске Веспера скользит по лону вод [6]
Ринальда, Годфреда, Эрминию поет
Он любит песнь свою, смиренный для забавы [7]
Поет без умыслов,[8] не ведает ни славы

---

[1] *Второе полустишие:* *а.* над путь
б. свой путь *в.* смире⟨нный⟩ путь
[2] *Второе полустишие:* и бога полн
[3] Свой путь над бездной волн
[4] Как он, без отзыва над бездной я пою
[5] *Поправка:* Ночной гребец, один,
[6] *Поправки:* *а.* При блеске Веспера, плывя по лону вод
б. При блеске Веспера, по взморию плывет
[7] *Поправки:* *а.* Он любит свой напев, он сладко для забавы
б. Он любит песнь свою, поет он для забавы
[8] *Поправка:* Без дальных умыслов

Ни страха ни надежд — и мирной думы полн [1]
Хоть веселит свой путь над бездной   волн [2] —
На море жизненном где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой [3]
Как он над бездною, без эха, я пою [4]
И тайные стихи обдумывать люблю. [5]

В. Отличия печатных текстов.

Заглавие: Перевод неизданных стихов Андрея Шенье. *НА Слв*

— (Близ мест, где царствует Венеция злата я). *Перевод неизданных стихов Андрея Шенье.* *СП₂ (в оглавлении)*

ИЗ ALFIERI.

(„Сомненье, страх, порочную надежду“)

(Стр. 67)

Варианты автографа.

(ЛБ 68, л. 34 об.)

2 В груди не в силах я хранить;
3 *а.* Филиппова неверная супруга
б. Филиппу я неверная супруга
6 Нрав смелый, кроткой, гордость, благородство,
9 *Стих начат:* И небо так соз⟨дать⟩ ⟨?⟩
10 Что говорю? ужели так успею
11 Из глубины сердечной об⟨раз милый⟩
12 Искоренить? — Ах, если пламень мой
14 *Стих начат:* Печальна я
18 Не можно мне: ему ж как и другим...
19 Обманется, и станет как другие
21 Остались   лишь слезы в утешенье

---

[1] *Поправка:* Ни страха, ни надежд, и тихой музы полн

[2] *Поправки: а.* Умеет услаждать свой путь над бездной волн
б. Хоть может услаждать свой путь над бездной волн —
в. Умеет услаждать свой путь над бездной волн

[3] *Поправка ст. (9) — (10):*
На море жизненном где бурею жестокой
Судьба преследует мой парус одинокой

[4] *Стих начат:* Над бездною
Поправка: Задумчивый как он, без эха, я пою

[5] *Стих не зачеркнут. Ниже концовки вариант:*
⟨И⟩ стих неведомый ⟨обдумывать люблю⟩

Вм. 23 *а.* Но в край хочу свои печали
Я перенесть — и на свободе
б. Но в дальный край хочу свои печали
Я перенесть — и там свободней мне
25 *Стих начат:* Слова и [взоры] взор

ПОСЛАНИЕ ДЕЛЬВИГУ.

(„Прими сей череп, Дельвиг; он“)
(Стр. 68)

А. Отрывки чернового текста.

I.

(ЛБ 70, л. 75)[1]

[Прими в подарок от меня]
— — Сей череп[2]

*

Сей череп [м⟨....⟩]

*

[Прими] сей череп он

*

[Ты зришь] сей череп он

*

⟨1⟩ Прими сей череп, Дельвиг, он[3]
⟨2⟩ Принадлежит тебе по праву —
[Намерен] барон

*

[Его историю] барон
[Я напишу тебе в забаву][4]
[Лифляндии]

*

[Я] [славу]
[Передаю] тебе ⟨в забаву⟩

[1] *Ср. ст. 1 — 18.*
[2] *Стих начат:* Сей
[3] Прими сей череп, др⟨уг мой⟩, он
[4] *Стих начат:* Намерен

[Его   славу]
[Я   описал]

*

[рыцарскую] [славу]
[Трудолюбиво] [описал]

*

Во[1]   [разыскал][2]

*

[Твой предок] [милый мой] барон

*

[Сей череп некогда] [венчал]
[Главу лифляндского барона]
[Барона Дельвига.]

*

[Сей череп некогда] хранил[3]

*

‹3› ⟨Тебе⟩   ⟨барон⟩
‹4› Передаю его я славу

*

[Я] [с ним] ⟨передаю⟩ ⟨барон⟩

*

⟨Сей череп некогда хранил⟩
[Холодный] тяжкой мозг барона
Барона Дель⟨вига⟩—[Но] кто
Был сей барон—[сокрылось] то
[Быть может] воин [знаменитый]
[Искатель]

*

Сей череп, некогда [живой],[4]
[Скрывал] тяж⟨елы⟩й мозг [героя]

*

И
Трудолюбиво разыскал
[3] скрывал
[4] Сей череп некогда, мой друг

Послание к Дельвигу („Прими сей череп, Дельвиг: он“). Черновая рукопись.

Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина. Москва. Тетрадь № 2370, л. 75.

⟨5⟩—⟨14⟩ ⟨ ⟩
⟨ ⟩
Сей череп некогда, мой друг
Хранил тяж⟨елы⟩й мозг барона
Барона Дел⟨ьвига⟩ — Н⟨о⟩ кто[1]
Был сей барон безвестно то
Но вероятно воин славный[2]
Владелец замка, друг пиров
Безграмотный и своенравный
⟨14⟩ Гроза вассалов и врагов — [3]
Конечно череп сей не раз[4]
Дарами Вакха нагревался
И [шлем на нем]

*

⟨15⟩ Конечно череп сей подчас
⟨16⟩ Парами Вакха нагревался
⟨17⟩ [Иль] [бранным] ⟨*нрзб.*⟩ [пок⟨рывался⟩][5]
И [может быть] [в опа⟨сный⟩ час]
[По нем звук] [сабли раздавался]
[И вторил он] [звоном] —

*

⟨18⟩—⟨22⟩ И не раз
[Булат⟨ный⟩⟨?⟩ меч к не⟨му⟩ касался][6]
И раздавался звон двойной!...[7]
О век веселый [боевой][8]
Крепкоголовый и тупой —

---

[1] Барона Дел⟨ьвига⟩ — А кто
[2] *Стих начат:* Во⟨итель⟩⟨?⟩
[3] *Стих начат:* Гроза н⟨....⟩
[4] *а. Как в тексте. б.* по⟨дчас⟩
[5] И шлемом пок⟨рывался⟩
[6] *а. Стих начат:* О
б. булат
в. меч к не⟨му⟩ касался
г. По нем звук сабли раздавался
[7] *а.* И звон двойной!
б. Стих начат: Среди⟨?⟩
[8] *Стих начат: а.* И череп *б.* И ко⟨сть⟩⟨?⟩
в. Как в тексте.
г. О век боевой —
д. О век тупой⟨?⟩
В автографе описка (?): тугой.

II.

(АБ 67, л. 37 об.)[1]

⟨1⟩ И с ним почтенный кистер мой
⟨2⟩ Держа в руке фонарь разбитый
⟨3⟩ И ключ заржавленный в другой —
⟨4⟩ Готов на подвиг роковой —
[Звучит][2] замок, [на петле] ржавой
Визжит [растворенная] дверь —
[И вот] [идут] [они] теперь
Под свод подвала величавый
[Прекрасный вид]

*

⟨5⟩ – ⟨10⟩ И вот визжит замок заржавый
Визжит заржавленная[3] дверь —
И сходят витязи теперь
Под свод подвала величавый
Предметы слабо озаря
Сияньем тощим фонаря

⟨11⟩ Вид поэтический — пред ними
⟨12⟩ В прозрачной тьме ряды гробов
С [гербами гордыми своими]
[Гласят молву былых ⟨родов⟩⟨?⟩]

*

⟨13⟩ Златые надписи над ними
⟨14⟩ Гласят о славе мертвецов
О благородстве их [высоком]
И о почтении [глубоком]
Наследников —

*

⟨15⟩ О благородстве их священном[4]
⟨16⟩ И о почтении надменном[5]
⟨17⟩ Наследников —

---

[1] *Ср. стихи 109—125.*
[2] *Стих начат:* Гр⟨емит⟩⟨?⟩
[3] встревоженная
[4] т⟨щеславном⟩
[5] *а.* исправном⟨?⟩ *б.* тщеславном

III.

(ЛБ 67, л. 59 об.)[1]

[Студент отважною рукою]
[Подъемлет крышку гробовую]
[И перед]

*

[Студент единый⟨?⟩] гроб избрал

*

⟨1⟩–⟨6⟩ [И] [⟨*нрзб.*⟩] гроб избрал[2]
Снимает крышку гробовую
И озаряет фонарем
Свою добычу [костяную]
Баро⟨на⟩ Д⟨ельвига⟩ скелет —
Пред ним

IV.

(ЛБ 67, л. 56 об.)[3]

И я бы мог[4]

*

Остав[ляю] [стихи] [на сем]

*

Остав[ляю] рифмы в эт⟨и⟩ поэтическ⟨ие⟩ минуты[5], [и в смиренной прозе спешу скорее][6]

*

Я бы никак не осмелился оставить рифмы в эт⟨и⟩ поэтическ⟨ие⟩ минуты если б твой прадед коего гроб попался

---

[1] *В основном тексте соответствующих стихов нет.*
[2] *а.* гроб избрал
б. гроб один избрал
[3] *Ср. строки 1—5 прозаической части.*
[4] *Может быть, эту запись, сделанную карандашом, следует связывать с наброском „И я бы мог, как* [*шут на*]*“ (см. стр. 461).*
[5] в эту поэтическую минут⟨у⟩.
(*В автографе:* в эту поэтическую минуты).
[6] *Далее наброски: а.* что *б.* на *в.* на что *г.* Я бы

под руку студента[1] вздумал вступиться за себя[2] погрозив им перстом⟨?⟩[3] или ухватя[4] их за ворот или топнув ногою, или как нибудь иначе[5] оказав свое неудовольствие. К несчастию

V.

(ЛБ 68, л. 36 об)[6]

[И] [сделай] [для него] барон —
[Великолепную] оправу —
[И пе⟨....⟩]

*

⟨1⟩—⟨7⟩ Обделай ты его барон[7]
В благоприс⟨тойную⟩ оправу[8]
Изделье гроба преврати[9]
В увеселительную чашу —
Вином шипящим освяти
И запивай уху да кашу[10]
⟨7⟩ Певцу Корсара подражай
[Иль скандинавов возрождай][11]
[Пиры] рай воинской
В [своих] [пирах] [воображай]
Или [как Гамлет] [Баратынской]
[Над ним задумчиво] мечтай —

*

⟨8⟩—⟨11⟩ И Ваа⟨лгаллы⟩⟨?⟩ рай воинской[12]
В пирах домашних ⟨вображай⟩

---

[1] *а. Как в тексте. б.* под руку хищного студента *в.* под хищную руку
[2] *а.* вступясь за честь своих костей *б.* вздумал вступиться за честь своих костей
[3] погрозив им мертвым перст⟨ом⟩
[4] ухватив
[5] или топнув ногою, словом если б
[6] *Ср. ст. 128—142.*
[7] *а.* Хоть сделай для него барон
Великолепную оправу
б. Ты сделай для него барон
Великолепную оправу
[8] В великолепную оправу.
[9] И череп преврати
[10] И запивай крутую кашу
[11] *Начато:* Или
[12] *а.* И рай воинской
б. Иль ска⟨ндинавов⟩ рай воинской

Ил⟨ь⟩ [как] унылый Баратын⟨ской⟩
Иль Гамлет пасмурно мечтай —[1]

*

[Суровых] [истин] проповедник[2]
Вином ли полный иль пустой
Как собеседник
Он стоит головы живой[3]

*

⟨12⟩—⟨15⟩ О жизни мертвый проповедник
Вином ли полный иль пустой
Как недокучный собеседник[4]
Он стоит головы живой

Б. Варианты печатных текстов и Пшр.

Заглавие: Череп. (*Послание к Д.*) — *СЦ*
— Череп. — *СП*$_2$ *(в тексте)*
— Череп. *Послание к Д***.* — *СП*$_2$ *(в оглавлении)*
— *а.* Череп.
б. Череп. *По⟨слание Дельвигу⟩⟨?⟩*
в. Послание Дельвигу — *Пшр*

1 Прими сей череп, Д*, он — *СЦ*
— Прими сей череп, Д***: он — *СП*$_2$
13 Барона Д*. Барон — *СЦ*
— Барона Д***. Барон — *СП*$_2$
47 Мечтать о Лотхен, или с горя — *СП*$_2$

Прозаическая часть:

Строка 10 — разнеслась — *СЦ*
Строка 15 — приятель В. — *СЦ СП*$_2$
126 Прими ж сей череп, Д*, он — *СЦ*
— Прими ж сей череп Д***: он — *СП*$_2$

---

[1] Философически мечтай
[2] наследн⟨ик⟩
Суровых истин проповедник
[3] *В автографе описка:* живот
[4] *а.* Как мирный собеседник
б. Как недокучный собеседник
в. Для мудреца как собеседник
г. *Стих начат:* В мо⟨. . . .⟩
д. *В автографе:* Он ⟨*описка?*⟩ недокучный собеседник

„ВСЕМ КРАСНЫ БОЯРСКИЕ КОНЮШНИ"

(Стр. 73)

Черновой автограф.

(ЛБ 68, лл. 34—33 об.)

Всем [исправны] боярские конюшни
Сбруя блещет на стойках дубовых
Стойлы красны борзыми конями
Кони [сыты], лоснятся

———

Лишь одним

*

(1) Всем красны боярские конюшни
(2) Чистотой прислугой и конями [1]
(3) Всем довольны добрые кони
(4) Кормом стойлами и надзором
(5) Сбруя блещет на стойках дубовых [2]
Стойлы красны борзыми конями
Лишь одним некрасны ⟨конюшни⟩

*

Стойлы полны борзыми конями

*

(6) В стойлах лоснятся борзые кони
(7) Лишь одним конюшни непригожи —
(8) Домовой повадился в конюшни.
Любит коней, по ночам он ходит
Заплетает гривы им в косу
Хвост коням завязывает туго

*

Любит он коней

*

По ночам он ходит по конюшням⟨шням⟩

*

По ночам ходит он ⟨в⟩ ко⟨нюшни⟩
Заплетает коням гривы в косу
Долгой хвост завязывает в узел

---

[1] *Стих начат:* *а.* И конь *б.* И ⟨*нрзб.*⟩ *в.* И прислугой и *г.* И надзором и

[2] *Стих начат:* Сбруя блещет на стол⟨бах⟩

*

⟨9⟩ По ночам ходит он ⟨в⟩ ко⟨нюшни⟩
⟨10⟩ Чистит, холит коней боярских,[1]
⟨11⟩ Заплетает гриву им в косички,
⟨12⟩ Туго хвост завязывает в узел.
Одного коня

*

Не взлюбил он коня вороного[2]
Конюх с вечера обойдет конюшни
В стойла он

*

⟨13⟩ Как не взлюбит он вороного
Исправный конюх[3] обойдет конюшни
И зайдет в стойло к вороному

*

На вечерней заре обойдет конюх

*

⟨14⟩ На вечерней заре с водопою[4]
⟨15⟩ Обойду я боя⟨рские⟩ конюшни
⟨16⟩ И зайду в стойло к вороному —
⟨17⟩ Конь стоит исправен и смирен,
⟨18⟩ А поутру отопрешь конюшню[5]
Конь не тих, весь ⟨в⟩ мыле и пышет
Во всю ночь домовой на нем ездил

*

⟨19⟩ Конь не тих, весь ⟨в⟩ мыле, жаром[6] пышет
⟨20⟩ С морды каплет кровавая пена.
⟨21⟩ Во всю ночь домовой на нем ездил
⟨22⟩ По горам, по лесам, по болотам,
⟨23⟩ С полуночи до белого света —
⟨24⟩ До заката месяца
Старый конюх неразумный[7]
Загадать ли тебе загадку[8]
[Как в ко⟨нюшни⟩ молодой конюх.]

---

[1] Любит, холит он коней боярских
[2] *а.* Не взлюбил он коня гнедого
б. Не взлюбил он одного гнедого
[3] Седой конюх
[4] с водопоя
[5] *Стих начат:* Конь
[6] трудно
[7] *Стих начат:* Старый конюх неразумный
[8] Разгадать ли т⟨ебе загадку⟩

*

⟨25⟩ Ах ты старый конюх [неразумный]
⟨26⟩ Разгадаешь ли[1] старый загадку
[Не коней домовой]

*

Полюбил младой конюх
[Младой конюх удалой]

*

Полюбил девицу младой конюх
Удалой разгульный парень

*

⟨27⟩ Полюбил красну девку младой конюх
⟨28⟩ Младой кон⟨юх⟩, разгульный парень[2]
⟨29⟩ Он конюшню ночью отпирает
Потихонько вороного седлает[3]
[На широкой двор выводит][4]

*

⟨30⟩ Потихонько вороного седлает
Полегонько выводит за вороты[5]
[К красной девке]

*

⟨31⟩ Полегонько выводит за вороты
⟨32⟩ На коня на борзого садится
⟨33⟩ К [красной девке] [в гости] скачет[6]

---

[1] Загадаешь ли
[2] *а.* Разгульный младой парень —
б. Младой кон⟨юх⟩ воро⟨ватый⟩ парень —
[3] *а.* Вороного седлает
б. Вороного седлает, вы⟨водит⟩⟨?⟩
в. Вороного седлает потихонько
г. Вороного пот⟨ихонько⟩ седлает
[4] *а.* На ⟨*нрзб.*⟩ выво⟨дит⟩
б. На ⟨*нрзб.*⟩ выво⟨дит⟩
в. За вороты выво⟨дит⟩
[5] *а.* Полегонько выводит за вороты
б. Полегонько выводит на дорогу
в. Полегонько на улицу выводит
[6] К красной девке скачет

„БЛАЖЕН В ЗЛАТОМ КРУГУ ВЕЛЬМОЖ"

(Стр. 75)

Черновой автограф.

(ЛБ 68, л. 35)

Блажен в [чертогах золотых]
Пиит внимаемый царями

*

⟨1⟩ Блажен в златом кругу вельмож
⟨2⟩ Пиит внимаемый царями —
⟨3⟩ Владея смехом и слезами
[Сливая] с горькой правдой ложь [1]
[Он веселится негодует [2]
Благодарит и наказует]
[Живит их]   пиры [3]
[Приемлет царские дары]

*

⟨4⟩ Приправя горькой правдой ложь —
Он вкус притупленный щекотит
Он [к лире] [4] горду лень охотит
[Живит их скучные] пиры [5]
[И сыплет фебовы дары]
[На их]
Меж тем за   вратами
На   у крыльца [6]
[Народ]
[С почтеньем] слушает певца

*

⟨5⟩—⟨12⟩ Он вкус притупленный щекотит
И к славе спесь бояр охотит
Он украшает их пиры
И внемлет умные хвалы [7]

---

[1] *Стих начат:* Мешая с горд⟨ой⟩⟨?⟩
[2] *Стих начат:* Он негодует⟨?⟩
[3] *Стих начат:* Садится
[4] к песням
[5] Живит   их пиры
[6] *Стих начат:* Пр⟨....⟩
[7] И внемлет   похвалы

Меж тем за тяжкими⟨?⟩ дверями
Теснясь у черного⟨?⟩ крыльца
[Народ] [гоняемый] слугами[1]
Поодаль[2] слушает певца

„В РОЩЕ КАРИЙСКОЙ, ЛЮБЕЗНОЙ ЛОВЦАМ, ТАИТСЯ ПЕЩЕРА".

(Стр. 76)

Черновой автограф.

(ЛБ 68, л. 36)

В роще карийской, любезной сынам ⟨?⟩[3] и

*

⟨1⟩ В роще карийской, любезной ловцам таится пещера[4]
[Темные] [сосны] [кругом] [стерегут]

*

В рощах карийских, любезных ловцам таится пещера

*

[Тихо] ее заслоняют ветвями и тенью
Сосны;

*

[Вход] [ее] [заслонили] [ветвями и тенью]
[Древние] [сосны];

*

В роще карийской, любезной ловцам ⟨таится пещера⟩
[Плющ]

---

[1] *а.* народ ⟨*нрзб.*⟩
б. Стих начат: Простой народ
в. Народ толкается волнами
г. [Народ] гоняемый про⟨. . . .⟩ ⟨?⟩
д. Стих начат: Гонимый

[2] Прилежно ⟨?⟩

[3] ловцам

[4] *Перед этим стихом вписана метрическая схема:*
а. —◡◡ | [◡◡— | ◡◡—] таится пещера
б. —◡ | ◡◡— | ◡◡— | ◡—◡ | ◡—◡

*

Древние сосны кругом склонились ветвями, и тенью
Вход ее заслоняет в извивах

*

Древние сосны кругом склонились ветвями
М⟨. . . .⟩ вход заслонил в извивах

*

Древние клены[1] кругом склонились ветвями, и тенью
Вход ее заслонил ползущий[2] в извивах
Плющ

*

⟨2⟩ Стройные сосны кругом склонились ветвями, и тенью
⟨4⟩ Вход ее заслон⟨ен⟩ на воле бродящим[3] в извивах
Плющем — любовником скал и развалин. В глубокой

*

Плющем любовником скал и мшистых расселин. В бездонной ⟨?⟩
Глуб⟨и⟩⟨?⟩

*

Плющем любовником скал и расселин; из влажной[4] пещеры
Светлой прозрачной дугою[5] ручей

*

с камня на камень сбегая
Звонкий прозрачный ручей дугою

*

сбегая с камня на камень
В русло впадает дугой и

*

В русло дугою прозрачной

*

с камня на камень сбегая
Звонкий струится ручей

---

[1] ветлы
[2] бродящий
[3] свободно бродящим
[4] темной
[5] дугой

*

сбегая с камня на камень
Звонкий струится ручей пещерное дно затопляя

*

Плющем любовником скал. Дугою[1] с камня на камень
Звонкий струится ручей потопляя[2] пещеру и мимо⟨?⟩

*

⟨4⟩ Плющем любовником скал и расселин. С камня на камень
Звонкий струится ручей потопляя пещеру и мимо⟨?⟩

*

В русло впадает дугой и в даль

*

Плющем любовником скал и расселин. С камня на камень
Звонкой струится дугой пещерное дно затопляя
Ключ

*

В русло впадая дугой журча и виясь убегает

*

⟨5⟩ Звонкой струится дугой, пещерное дно затопляет
Ключ таинственный;[3]

*

Светлый ручей он[4] виясь⟨?⟩ меж глубок⟨их⟩

*

Резвый ручей он в земле пробиваясь

*

Резвый ручей он в земле пробивая глубокое русло ⟨⟨?⟩⟩

---

[1] Сбегая
[2] затопляя
[3] *Стих начат: а.* Ключ *б.* Звонкий ключ
[4] и

⟨6⟩ Резвый ручей он пробив глубокое[1] русло; вьется
В даль под сетью густой

*

Тихо по роще веселя ее журчаньем

*

⟨7⟩ В даль по роще густой веселя ее сладким журчаньем —

„СВОДНЯ ГРУСТНО ЗА СТОЛОМ“

(Стр. 77)

Варианты автографа.

(ЛБ 68, лл. 27—27 об.)

1 Сводня сидя за столом
3 Дремлют девушки кругом
5 Три десятки — интерес
6 Вот король бубновый
7 *Стих начат:* Гость богатый
8 Деньги иль обновы...
9 *а.* Да ждать гостей
б. Так ждать гостей
в. Да ждать гостей
11—16 Вдруг стучатся у дверей
Осветили ⟨?⟩ — сводня[2]
Встала, отодвинув стол
И за нею б⟨- - - -⟩[3]
Побежали — кто пришел?[4]
Посмотри хоть сзади
14 *а.* Девки гонят ⟨- - - - -⟩
б. Шлюх⟨и⟩ ⟨- - - - -⟩
15 *а.* Шум и топот — Кто пришел?
б. Катя, Катя, кто пришел?
в. Все кто пришел?
17—20 Входит добрый человек[5]
уж я знакома[6]
Шепчет Маша: весь свой век
Он у нас как дома

---

[1] глубокую
[2] Ожив⟨илась⟩ сводня
[3] *а.* Девки суетятся *б.* Суетятся б⟨- - - -⟩
[4] — Кто пришел?
[5] *а.* добрый человек
б. [Вижу] Это добрый человек
[6] Он нам друг ⟨*нрзб.*⟩

21—22 *а.* В кухню   руки мыть
Все бегом
б. В кухню барышни бегом[1]
Кинулись толпами
в. В кухню барышни бегом
Прыскаться духами
г. В кухню барышни бегом
Мыться над лоханкой[2]
27—28 Гость расположась совсем
Сводню вопрошает
29 *а.* *Стих начат:* Что ma chère
б. Много ль вам   идет
в. Всё ли
30 *а.* Выручка счастлива?
б. Выручки довольно?
в. Что гостей довольно?
31 *а.* Сводня: много? затряслась
б. Плохо ль? Сводня затряслась
33 *а.* С воскресенья верьте мне
б. С середы ⟨*нрзб.*⟩
35 Девушки   у меня
37 Хоть бывали черны дни
39 Не упомню и во сне
40 *а.* *Как в тексте.*
б. Хоть беги за море.
41—42 Ночью 4 гостей
Бог мне посылает
43 *а.* *Стих начат:* Подослала *б.* *Стих начат:* Взяли
в. Я им вывожу б⟨-----⟩
45 Занимаются, ⟨*нрзб.*⟩
47 Не платя уходят прочь
Вм. 49—52 *а.* Слава богу вы пришли
б. Гость ей — Право жаль мне вас
Но прощай[3]
в. Гость ей — Право мне вас жаль, —
Здравствуй друг Анета —
что за шаль
Подойди Жанета[4]
51 *Стих начат:* *а.* Поцалуй меня *б.* Что же
в. Что за шляпа *г.* А Луиза

---

[1] *Стих начат:* В кухню барышни
[2]   мыться
[3] Но нельзя остаться
[4] *Стих начат:* К⟨....⟩

53–56 А Луиза поцалуй — —
Только их завижу
Так и ‹-------› ‹---› — [1]
И кольнет
54 *а.* Право как вы милы
б. Выбором обидишь
57 *Стих начат:* *а.* Будет надобно *б.* Вы *в.* Надо
61–64 Нет — гость в ответ — [2]
Не могу
Времени мне нынче нет [3]
до свиданья
Вм. 65–68 *а.* Он ушел — и вновь
Б‹----› приуныли
б. Он ушел — всё стихло вновь
Св.‹одня› приуныла
Б‹----› др.‹емлют›
Свечка
70 *Стих начат:* *а.* Вновь *б.* И о‹пять›‹?›

19 ОКТЯБРЯ 1827.

(„Бог помочь вам, друзья мои“)

(Стр. 80)

А. Отличия копий.

1 Бог помощь вам, друзья мои — *Пщ*$_1$ *Пщ*$_2$ *X*
2 В заботах жизни, в царской службе — *X*
5 Бог помощь вам, друзья мои — *Пщ*$_1$ *Пщ*$_2$ *X*
6 И в счастье, и в житейском горе — *Пщ*$_1$ *Пщ*$_2$
7 В стране чужой, в пустынном море — *Пщ*$_1$ *Пщ*$_2$ *X*
8 И в темных пропастях земли — *Пщ*$_1$ *Пщ*$_2$
9 Бог помощь вам, друзья мои! — *X*

Под текстом: 19 октября
1827-го года. — *X*

Б. Текст „Славянина“.

К ТОВАРИЩАМ МОЛОДОСТИ

Бог в помощь вам, друзья мои,
В успехах дел и царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви.

---

[1] *Стих начат:* Так ей ей и ‹-------›
[2] гость в ответ
[3] *Стих начат:* Времени мне пр‹аво›‹?›

Бог в помощь вам, друзья мои,
Влачить удел тоски и горя
Во дни войны, в открытом море
И в мрачных пропастях земли.

ТАЛИСМАН.

(„Там где море вечно плещет")

(Стр. 83)

Помета под текстом на обрывке белового автографа.

(ПД 94)

6 ноябрь.
ночью

⟨БАРАТЫНСКОМУ.⟩

(„О ты, который сочетал")

(Стр. 85)

Черновой автограф.

(ЛБ 67, л. 61 об.)

О ты который сочетал
С глубоким чувством [разум] верный
[И строгий вкус и слог примерный]
[Равно далекий]
[Сентиментальности] манерной

*

О ты который сочетал
И точный ум и вкус толь верный

*

О ты который сочетал
С глубоким чувством вкус толь верный
И точный ум и [слог примерный]
О ты который избежал[1]
И манерной
И в самый легкой⟨?⟩ мадригал[2]
Умел

---

[1] *а.* не искал
б. О ты который не искал
в. О ты который избежал
г. И избежал

[2] И самый легкой⟨?⟩ мадригал

„Я ЗНАЮ КРАЙ: ТАМ НА БРЕГА"

(Стр. 86)

Черновой автограф.
(ПД 91)

Я знаю край: там вечных волн
У берегов седая пена

*

Я помню край: там волн седых
На берегах спит⟨?⟩
С утесов мох висит —

*

Я знаю край: там на брега
Седая пена вечно хлещет —
Там опаленные луга

*

Я знаю край: на берега
Седое море вечно плещет
Там редко падают[1] снега
На опаленные луга
Там солнце блещет

*

Там тени нет, там степь нагая[2]
Над морем стелется одна

*

Я знаю край: там на брега
Уединенно море плещет —[3]
Безоблачно там солнце блещет
На опаленные луга — —
Дубрав не видно — степь нагая
Над морем стелется одна

---

[1] стелются
[2] *а.* Там нет лес⟨ов⟩⟨?⟩ — Там
б. Там нет те⟨ней⟩⟨?⟩ — Там
в. Там нет Там
Там
г. Там нет дубрав, там степь нагая
д. Там тени нет, там степь нагая
е. Там нет дубрав, там степь нагая
[3] Я знаю край:
Уединенно на брега
Седое море вечно плещет

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ ПЕРВОЙ КНИГИ.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ КНИГИ.

Стихотворения 1826—1836.

1826.

СОДЕРЖАНИЕ

1827.

1828.

1829.

1830.

1833.

1834.

СОДЕРЖАНИЕ

1836.

1830—1836.

Стихотворения разных годов (1814—1836).

Отрывки.

1826.

1827.

1828.

1829.

1830.

1831.

1832.

1833.

1835.

1830—1836.

1824—1836.

План ненаписанного стихотворения.

1835—1836.

Коллективное.

1826.

СОДЕРЖАНИЕ

Сказки.

1830.

1831.

1833.

1834.

Переиздание осуществлено газетно-журнальным объединением «Воскресенье»

Ответственные за переиздание тома
В Н Бакланов, А В Быстров, С В Богачев, Т В Войнова,
И И Жуков, В В Милюков, Г В Пряхин, Д К Соколова,
Л М Ульянова, Е В Шпикалова

Переплет, факсимильные оригиналы рукописей А С Пушкина
подготовлены художником Н Стольниковым

Подписано к печати 18 01 95
Формат 70×108 1/16 Бумага офсетная № 1
Усл печ л 39,75
Тираж 25 000 экз Заказ 2648

Газетно-журнальное объединение «Воскресенье»
125137, Москва, ул Правды, 24
ЛР № 010193 от 19 02 1992
Телефон для справок (095) 257-31-06
Факс (095) 257-33-12

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г Тверь, проспект Ленина, 5